

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАКТИКИ**

(к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста
Российской Федерации Юрия Ильича Скуратова)

*Материалы международной научно-практической конференции
(Улан-Удэ, 14 июня 2017 г.)*

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2018

УДК 340
ББК 67
А 437

Научные редакторы
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.
Ю. Г. Хамнуев, канд. юр. наук, доц.

Рецензенты
А. Т. Тумурова, д-р юр. наук, проф.
К. А. Будаев, канд. юр. наук, проф., заслуженный юрист РФ

Ответственный за выпуск
С. Ю. Колмаков

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

А 437 **Актуальные проблемы современной юридической науки и практики** (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Юрия Ильича Скуратова): материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 14 июня 2017 г.) / науч. ред. Э. Л. Раднаева, Ю. Г. Хамнуев. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2018. — 268 с. ISBN 978-5-9793-1235-4

В сборнике представлены работы ученых и практиков — участников международной научно-практической конференции, проведенной юридическим факультетом Бурятского государственного университета. Настоящий сборник содержит работы по актуальным проблемам: теории государства и права, конституционного права, гражданского права и процесса, уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики, международного права.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, аспирантов, магистрантов, студентов юридических вузов и факультетов, практических работников, а также всех, кого интересуют актуальные проблемы современной юридической науки и практики.

Actual problems of modern legal science and practice (to the anniversary of doctor of legal Sciences, Professor, honored lawyer of the Russian Federation Ju. I. Skuratov): materials of international Scientific and Practical Conference (Ulan-Ude, June 14, 2017) / sci. ed. Je. L. Radnaeva, Yu. G. Khamnuev. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2018. — 268 p. ISBN 978-5-9793-1235-4

The collection contains works by scientists and practitioners who participated in an international scientific and practical conference held by the Faculty of Law of the Buryat State University. This collection contains works on topical issues: the theory of state and law, constitutional law, civil law and process, criminal law and criminology, criminal procedure and criminalistics, international law.

The collection is intended for scientific and pedagogical workers, postgraduates, undergraduates, students of law schools and faculties, practitioners, as well as all those interested in the current problems of modern legal science and practice.

УДК 340
ББК 67

ISBN 978-5-9793-1235-4

© Бурятский госуниверситет, 2018

О СИЛЬНЫХ ДУХОМ

МОЙ ДРУГ — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР

Драматичность семейных перипетий не могла, наверное, не отразиться на детстве Юрия — сначала мама ушла от отца к другому мужчине, ставшему мальчику отчимом, затем уже отчим оставил ее с двумя детьми. Да и сам Юра воспитывался в основном у доброй, но жесткой, когда дело касалось справедливости, бабушки и маминых сестер. Но что характерно — как бы ни глубока была давняя детская обида на мать и отчима, оставившая горький

осадок в душе на долгие годы, он никогда не позволял себе осуждать и обсуждать близких людей и был благодарен за то доброе, что успел от них когда-то получить...

В 13–14 лет он понял, что должен рассчитывать только на себя, и это побудило подростка концентрировать свои силы на главном — получить образование и встать на ноги. Школа, вуз, определение приоритетных целей, упорство в их достижении — так шел он по жизни ступенька за ступенькой. А когда оказался на вершине успеха — все это вдруг рухнуло, но он, проявив завидную выдержку, профессиональную честность и гражданское мужество, явил собой образец умения не сломиться в тяжелейшие годы и остаться на главной высоте — высоте человеческой совести. Возможно, спросите — не пафосно ли звучит?

Не пафосно. Это о Юрии Ильиче Скуратове. О нем известно многое — из центральной прессы, от друзей, единомышленников, коллег, из его собственных книг, тираж которых расходуется моментально после издания.

Мне же захотелось представить взгляд на него несколько с иной стороны, что ли... Впрочем, что значит — со стороны? Скорее, напротив — изнутри. Изнутри нашей дружбы, длящейся четыре десятка лет. И, возможно, какие-то эпизоды, некоторые житейские моменты могут стать дополнительными штрихами к уже существующему портрету.

Ныне ученый-правовед с мировым именем, доктор юридических наук, профессор Юрий Ильич Скуратов остается по-прежнему «земным» человеком, не мнит себя «звездой» с былыми и сегодняшними заслугами, не смотрит на остальных свысока, и ему присущи те же мечты и желания, что и всем нам. Он — наш, он — свой. Он рядом с нами, хотя был и остается во многом впереди...

ЗНАКОМСТВО С ЗЕМЛЯКОМ

У меня после окончания школы не было особых раздумий, где учиться дальше — мечтал стать юристом. И когда увидел в местной газете объявление о том, что республиканская прокуратура «зарезервировала» для выпускников школ Бурятии двадцать мест в Свердловском юридическом институте, сразу помчался сдавать документы. Оказалось, таких желающих, как я, было несколько сотен. Не говоря уже о том, что после «местного отсеивания» предстояло сдать вступительные экзамены и пройти соответствующий конкурс в этот престижный вуз. Оптимизма, конечно, поубавилось...

Однако мне повезло оказаться в числе счастливиц. Как я узнал много позже, приехавший в Бурятию представитель Свердловского института, просмотрев документы претендентов, назвал две фамилии: Скуратов и Хышикуев. Отбор остальных — на усмотрение комиссии при прокуратуре республики. Объяснялось это, вероятно, тем, что у меня и моего земляка в аттестате было всего по одной четверке.

Помню, уже в вестибюле вуза увидел на доске объявлений приказ о зачислении, но мелькнувшая фамилия «Скуратов» в списке новоиспеченных студентов мне ни о чем не говорила. Зато позже я слышал ее в связи с различными ситуациями. И, признаться, не без удовольствия говаривал сокурсникам — «мой земляк!» А иногда и не без зависти спрашивал сам себя: «Ну а ты-то что отстаешь от земляка? Подтягивайся до уровня!»

Не знаю, быть может, все это таким образом представляется именно сейчас, с высоты минувших лет. Но сдается мне, что некое внутреннее, никому, кроме меня, не заметное ощущение действительно побуждало поднимать свою житейскую «планку».

Помню, когда я сдавал экзамен по уголовному праву, преподаватель, выводя «отлично» в моей зачетке, сказал: «Совсем неплохо, но вот Скуратов с первого потока на этот вопрос из билета ответил по-иному и просто блестяще».

Может, именно тогда внутренний червячок самолюбия зашевелился в моей душе. Но вскоре я вдруг обнаружил, что и моя фамилия звучала почти параллельно. Ох, как это оказалось приятно! И вдвойне приятно, что этот самый Скуратов — мой земляк. Его фамилию слышал не только в студенческих аудиториях, но и в спортзале, на студенческих институтских и городских олимпиадах разного толка. И тогда же увидел и ее обладателя — лобастого парня с внимательным, доброжелательным взглядом и крепким рукопожатием, которым мы стали время от времени обмениваться при мимолетных встречах. Правда, особо мы «не пересекались», но знали, что оба из Бурятии, что у меня первый разряд по боксу, а у него — первый же — по шахматам, и оба мы — чемпионы института по этим видам. Оба получали каждый семестр дополнительно по двадцать рублей — «премиальные» за отличную учебу, которые расходились стремительно, поскольку шли на траты всей «коммуны» в комнатах общаги. Поэтому мы с Юрой нет-нет да и перехватывали займы друг у друга.

Пожалуй, этим наше общение в те годы и ограничивалось — скорее так, просто знакомство. Да еще, начиная с первого курса, наши с Юрием фотографии оказались на студенческой доске Почета — и так до окончания института. Но я всегда считал — да так это и было — что Юрий стоит ступенью выше.

Судите сами. Вспоминается ситуация, узнав о которой, нельзя было не зауважать земляка еще больше. Институт наш и тогда был большой, мест в общежитии не хватало, и было решено строить второе общежитие. Рабочих рук на строительстве не хватало, и к нему привлекали студентов, но, разумеется, нельзя было всех отрывать от учебы. Тянули жребий — кому что выпадет. Юра Скуратов попал в строительную бригаду, освоив специальности бетонщика и маляра. Случалось видеть его в спецовке, заляпанной цементом, когда он спешил переодеться и идти на занятия. Так и учился — днем работал на стройке, вечерами сидел на лекциях и семинарах, корпел над рефератами. Сессию он сдал на «отлично» — единственный из всех шестидесяти «строителей».

Выделялся Юрий, как говорили его однокашники и преподаватели, неординарным, научным мышлением. Рассказывали, что на первом вузовском экзамене по предмету «организация суда и прокуратуры в СССР» проректор института, профессор Владимир Михайлович Семенов, принимавший у него экзамен, сказал; «Настоятельно рекомендую вам, молодой человек, посещать научное студенческое общество. И непременно определитесь с приоритетами своих научных интересов. Грешно не использовать такой потенциал, как у вас».

Юрий, последовав этому совету, вскоре сам возглавил студенческий научный кружок по конституционному праву, будучи избранным его старостой. А несколько позже, кажется, в 1972 г., стал председателем совета студенческого научного общества. Логику, нестандартность его научного мышления оценили не только в нашем вузе. Стало известно, что выступление студента из Свердловского юридического института Юрия Скуратова в Москве на научной конференции, посвященной пятидесятилетию образования СССР, произвело «сильное впечатление», как выразился потом один из преподавателей. Статья третьекурсника Юрия Скуратова вышла в солидном научном сборнике, а его самого перевели на индивидуальный график учебы — такой график имели только студенты, занимающиеся научной деятельностью. Я тоже по рекомендации профессора Алексеева имел такой график. В соответствии с ним можно было не ходить на лекции, кроме того, «индивидуаль» экзамены сдавали когда хотели, в любой очередности, что для обычных студентов было недостижимо. За все время учебы он не получил ни одной четверки — только «отлично».

Сейчас он с улыбкой вспоминает про «особый» знак, каковым едва ли не всерьез считал совпадение аббревиатуры вуза и своих имени и фамилии. Свердловский юридический институт — сокращенно СЮИ и он тоже СЮИ — Скуратов Юрий Ильич. Вроде мелочь, хоть и приятная. А может... символичная?

По окончании вуза Юрий был рекомендован для поступления в аспирантуру. Я вернулся в Бурятию, и, как могло показаться, на этом наше знакомство закончилось, пути наши разошлись...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Забегаю вперед, скажу, что нам довелось не только встретиться. Завязались и постепенно упрочились такие взаимоотношения, что сейчас я могу их с полным правом называть настоящим товариществом.

А тогда, после института, каждый из нас прошел свой отрезок пути. У Юрия он был особенно насыщенным и ярким. Он успел отслужить в армии, а после окончания аспирантуры и успешной, причем досрочной, защиты кандидатской диссертации, работал в родном вузе сначала преподавателем, затем — деканом одного из крупнейших факультетов института — судебно-прокурорского. Получил ученое звание доцента, а в 1987 г., защитив докторскую диссертацию, стал самым молодым доктором юридических наук и профессором в СССР. Неудивительно, что перспективного молодого ученого заметили и пригласили в аппарат ЦК КПСС, где он занял сначала должность лектора идеологического отдела, затем — старшего консультанта и заместителя заведующего отделом по законодательным инициативам и правовым вопросам. Сегодня, возможно, не каждому понятно, что это значило по тем временам, но мои сверстники вполне могут оценить, какой это был карьерный рост!

Так Юрий Ильич Скуратов оказался в Москве.

За моими плечами к той поре тоже был некоторый опыт партийной и иной работы, но, конечно, далеко не такой внушительный, как у Юрия Ильича. В мою бытность заместителем заведующего государственно-правовым отделом Бурятского обкома партии нередко приходилось общаться с кураторами из Москвы. И, помнится, я был приятно удивлен, когда в одном из командированных узнал Скуратова, с которым учился в Свердловске.

Он, на мой взгляд, не изменился в отношениях с людьми — был по-прежнему доброжелателен, внимателен, даже, я бы сказал, деликатен, но наряду с этим чувствовалось, насколько солиднее, разностороннее и весомее стал его профессиональный багаж, причем связанный не только с наукой, но и со многими иными сферами.

С тех пор наши контакты возобновились, а к деловым отношениям добавились дружеские. К тому времени мы оба обзавелись семьями, у нас росли дети. Юрий Ильич, приезжая к родным в Улан-Удэ, часто бывал в гостях и у нас. Его жена Елена Дмитриевна тоже родом из Улан-Удэ, и неудивительно, что мы сдружились семьями, вместе бывали на отдыхе, чаще всего на Байкале.

Позже в профессиональной деятельности моего друга произошел еще один поворот: после ряда длительных командировок и работы за границей Скуратов в «лихие» 90-е гг. был назначен старшим консультантом по правовым вопросам руководителя Межреспубликанской службы безопасности Вадима Бакатина, а затем — министра безопасности России Виктора Баранникова. В его послужном списке — и должность руководителя НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, после чего он получил назначение на должность Генерального прокурора страны.

Когда я работал в аппарате Верховного Совета республики заведующим юридическим отделом и вплотную занимался организацией и подготовкой проекта новой Конституции Бурятии, неоценимую помощь нашей комиссии оказывал именно Юрий Ильич Скуратов, тогда уже возглавлявший НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Вместе с ним нам помогали Виктор Осипович Лучин, судья Конституционного суда России. У Скуратова уже имелся немалый опыт в подобной деятельности, поскольку до этого он работал в составе Конституционного совещания над подготовкой проекта Конституции России 1993 г. При этом важен здесь был не только высокий профессионализм, углубленность в проблематику конституционного права, учитывая особую специализацию. Юрий Ильич, никогда не терявший не только личных, но и деловых связей с Бурятией на различных уровнях, прекрасно знал специфику и историю государственного строительства республики, ее национальные корни и традиции и учитывал их в качестве источников конституционного права. Сейчас, к сожалению, это замалчивается, более того, выпячивают свое участие те, кто по сути не имел к этой работе никакого отношения.

Собственно, этой непростой и чрезвычайно ответственной работе посвящен ряд моих статей и интервью. Но сейчас хотелось бы сказать о другом — о том, с каким нетерпением наш именитый земляк всегда ждал встречи со своей малой родиной.

В Юрии Ильиче вообще сильна память сердца, благодарность к своим истокам. Мне всегда импонировал тот искренний интерес, какой проявляет Юрий Ильич ко всему, что происходит в Бурятии и его родном Улан-Удэ. А еще случайно доводилось узнавать от знакомых о различных ситуациях, когда Юрий Ильич и его жена Елена Дмитриевна помогали бывшим соседям, престарелым знакомым. Как-то, в очередной раз договариваясь о встрече с Юрием и Леной, услышал от него: «Ты извини, Олег, чуть задержусь, надо обязательно заехать к Марии Дмитриевне, помочь кое в чем...» Я вспомнил: это его бывшая классная руководительница, Юра очень тепло о ней отзывался, да и Лена, кажется, тоже у нее училась. Но на мой вопрос он, пожалуй впервые, отвечал неохотно, односложно: ну, да, помогли, она же старенькая... Похоже, стеснялся говорить об этом, как и о других своих подопечных, а я больше не стал расспрашивать.

Бывая в Улан-Удэ, Юрий Ильич нередко навещал своих бывших учителей, и в первую очередь Марию Исааковну Суздальницкую (позже она уехала из Бурятии) и Таисию Михайловну Елаеву. Я, сам выросший в семье сельских педагогов, хорошо представляю, как ценят учителя внимание своих бывших учеников, как оно их трогает, как теплеет у них на душе, когда те, уже «оперившиеся», приезжают к ним со словами благодарности и признательности... А тут ученик, ставший известным не только в стране, но и за рубежом! И при этом — ничуть не «звездившийся», все тот же Юра Скуратов, не утративший память о том, как много они, учителя, старались ему дать в те далекие школьные годы.

А что уж говорить о самых близких ему людях! По словам самого Юрия Ильича, самые теплые воспоминания детства у него связаны, прежде всего, с бабушкой по матери, Верой Лукиничной. «Знаешь, Олег, — не раз говорил

он мне, — если бы не она, то и я, возможно, не стал бы тем, кем стал». В одной из своих книг он подчеркнул: «Не хочу возвышать этими словами себя — хочу возвысить бабушку». Все они в ту пору жили на ее более чем скромную зарплату — и маленький Юра, и мамыны сестры — тетушки Ира и Валя. Одно из самых ярких воспоминаний тех лет: бабушка, возвращающаяся вечером домой с бидоном парного молока и большим кульком с пирожками с ливером. Для них, голодных весь день, это был настоящий пир. Вкуснее тех ужинов, и посейчас кажется, ничего не было... Но бабушка была не только кормилицей. Учила многим житейским мелочам, которые, как оказалось, не раз пригодились, могла наподдать дворовым хулиганам за «малого» — за внука Юрика, пока тот не смог защищаться сам. Не терпела никакой кривды, не прощала подлости, отличалась жестким характером, и одновременно Юрию трудно назвать кого-либо добрее ее... Сам он считает, что именно она вложила в него дух правды, к которому должен стремиться человек.

Когда близкие люди уходили в мир иной один за другим, навещал уже на их последнем пристанище. Разыскал при помощи дяди могилу родного отца, горько жалел, что поздно узнал о нем все то, что теперь дает возможность гордиться своей родословной по его линии, включая деда — лихого казака-урядника, прожившего по-настоящему красиво, не склонившего ни перед кем головы.

Как-то, прибираясь с тетей на могилах близких, с болью в сердце представил, как может все зарости бурьяном, когда не будет возможности приезжать сюда. И в очередной отпуск пробыл в Бурятии дольше обычного. Уезжая, положил цветы на черный мрамор большого саркофага, объединившего несколько могил и, опершись на мраморное ограждение, тихо сказал, глядя в родные глаза на высеченных в камне портретах: «Ну вот, так вам будет лучше ... даже когда и меня не станет».

Тете Ирине в свое время он помог перебраться в Подмосковье, поближе к нему, поскольку родни в Улан-Удэ почти не осталось... И все равно, каждый год, а то и дважды в году, приезжает в Бурятию. И сразу — на Байкал.

БАЙКАЛ, РЫБАЛКА И ... КЛЕЩ

Ценитель классической музыки, живописи, Юрий Ильич часто бывает в музеях, театрах, концертных залах. Мне доводилось видеть его в минуты, когда он слушал сороковую симфонию Моцарта, первый концерт Чайковского или фуги Баха — свою любимую музыку. Лицо его светлело, он казался отрешенным от всей житейской суеты, поглощенным чем-то неизмеримо более важным, чем все вокруг. Знаю и то, что он не пропускает ни одних гастролей бурятских артистов в Москве.

В редкие свободные часы, а иногда просто в дорогу, в самолет, он берет с собой томик рассказов Чехова или Бунина, перечитывает «Мастера и Маргариту» Булгакова. Может подолгу стоять у полотен Александра Шилова, покоренный мастерством художника тонко и романтично передавать в портретах психологическое состояние своих героев. Бывая за границей, приводил в знаменитые музеи, знакомил с любимыми картинами тогда еще маленьких

внуков, считая, что понимание прекрасного и возвышенного, эстетическое восприятие не только доступно, но и необходимо с самого раннего возраста.

Но нигде и никогда — уверен в этом! — не находил Юрий Ильич такого душевного отдохновения, как на Байкале. Сам он говорил, что Байкал способен помогать, очищать человека, удалять «накись» с души. С давних пор, стоя на байкальском берегу, он спрашивал себя: правильно ли живу, тем ли делом занимаюсь?..

А уж какие зори и закаты он там наблюдал и с восхищением говорил: именно здесь, вспоминая «индийские» полотна Рериха с их буйством необычных красок, можно снова и снова убеждаться, что такое волшебство красоты действительно существует в природе, и не только на другом конце земли, и уж тем более не в воображении художника.

Здесь, на Байкале, как-то по-особому проникновенно звучат пушкинские строки. Читает их Юрий Ильич обычно чуть прикрыв глаза, с легкой картавинкой, а плеск прибоя будто аккомпанирует ему. А когда мы, его друзья, сидя у костра, в честь нашего гостя исполняем юроол — бурятскую песнь-благопожелание, у него влажнеют глаза и крепче становятся дружеские благодарные объятия: «Вот я опять и дома!»

Видно, благодатно действует на него энергетика нашего древнего сибирского озера и родной земли, прибавляя ему силы, здоровья, потому что возвращается он в Москву посвежевшим, загорелым, оживленным при всей его внешней сдержанности.

Здесь Юрий Ильич отдается своему любимому занятию — он настоящий фанат рыбалки — и с лодки, и в подледном лове. Надо видеть, как упорно он сидит над лункой, часами выжидая клева, и с каким азартом делает подсечки, как ревностно сравнивает наши уловы! И всегда находит хорошие слова похвалы более удачливому рыболову. Помнится, в один из студеных зимних дней наша компания человек в двенадцать разбрелась вокруг насверленных лунок, я и Юрий оказались неподалеку друг от друга. Но у меня клевало просто бешено — один за другим стальной короткой молнией мелькал и тяжело плюхался на лед то омуль, то хариус, то сиг, «хвостов» уже до пятидесяти! Смотрю, а у Юры — ни движения, ни звука, только лед чуть потрескивает. Говорю: давай поменяемся, иди на мою лунку, ты же гость! Он: нет, спасибо, дождусь своей удачи. И дождался-таки! Стемнело, все уже расположились в палатке — ужинать ушницей, а он все колдует над своей лункой, сосредоточенный и явно довольный собой. Рядом — приличная-таки горка рыбы. Кстати сказать, именно Юра когда-то обучил меня, с присущей ему обстоятельностью, всем премудростям и тонкостям рыбалки, приохотив к этому замечательному занятию.

Он по-прежнему любит шахматы и, несмотря на уже далеко не юный возраст, может гонять в футбол, на равных «режется» с детьми и внуками в бадминтон, а то и метко закидывает мячик в баскетбольное кольцо. Прекрасно плавает, еще в детстве мог переплыть Селенгу — студеную реку, пересекающую Улан-Удэ. Катается на лыжах, тоже любимых с детских лет, а позже особенно увлекся горными лыжами. Но рыбалка на Байкале, не побоюсь сказать, — это его вдохновение. Когда он в море — так все мы называем наше

великолепное сибирское озеро — его ничто не удержит от любимого занятия, и ценит он при этом каждую минуту.

Как-то наш катер, на котором отправились за уловом, сел на мель. Мы — а было нас, с иркутскими друзьями, человек пятнадцать — в ожидании помощи травили байки, кто-то подремывал. А Юрий говорит: «Ну нет, время терять не буду!» Смотрим, а они с тестем спустили с катера и вывели на глубину резиновую лодку, закинули удочки. Так и прорыбачили они часов шесть, пока нас не отбуксировали, наконец, к берегу. Ухи, которой угощал Юрий, с лихвой хватило на всех.

А однажды ранним утром мы попросили доставить нашу небольшую компанию — меня, Юрия с тестем и сыном Димой, тоже ставшим заядлым рыбаком — на необитаемый байкальский остров. Там кроме маленькой избушки ничего и никого не было. Связи, соответственно, тоже, мобильных же телефонов в те времена у нас не имелось. Договорились, что катер придет за нами через три дня.

Внезапно в первый же день у Юрия поднялся сильный жар. При осмотре обнаружили двух клещей, глубоко впившихся в его ногу. Энцефалитные? Кто ж знает, вполне возможно, а с этим не шутят. Попытка извлечь их оказалась безуспешной. Тогда Юрий достал охотничий нож, вопросительно глянул на нас: кто? Мы опустили глаза... То, что происходило дальше, до сей поры вспоминаю, признаться, не без содрогания. Он накалил на костре нож и деловито, будто чистил картошку, только закусив ремень, начал «с запасом» вырезать обиталище клещей. При этом не издал ни звука, лишь на лбу и висках проступила обильная испарина. Закончив, перетянул все тем же ремнем ногу, обработал спиртом и сам перебинтовал рану. Граммов пятьдесят принял и вовнутрь. Мы, стряхнувшие оцепенение, под впечатлением увиденного тоже опрокинули по чарке... К вечеру жар начал спадать. Немного успокоенный, я заснул, а утром увидел, что постели моих гостей пусты. Опрометью выскочив из палатки, невольно расхохотался: вдали в море маячила лодка с тремя силуэтами. Вернувшись, семейство похвалилось великолепными омулями.

Когда за нами пришел катер и Юрий смог показаться врачу, тот только покрутил головой: здорово, молодец! Хотя еще пролечиться все-таки пришлось, поскольку клещи, доставленные в лабораторию в баночке, оказались действительно энцефалитными.

КОГДА ЕСТЬ «ТРЕТЬЕ ПЛЕЧО»...

В семейном кругу, в узкой компании давних, близких друзей, вспоминая разные, иногда еще детские истории, его бывшие одноклассники упоминали, что в свое время прочили Юрику, как они его раньше называли, карьеру ... футболиста. Рассказывали, как яростно «молотились» на лесных «футбольных» полянах в районе так называемого Аршана, бывшего в ту пору окраиной города. Когда Юра стоял на импровизированных воротах, обозначенных сухими ветками или школьными портфелями, редкий мяч, отправленный противником, мог претендовать на гол. А уж как виртуозно он справлялся с мячом, будучи защитником или полузащитником уже на институтском фут-

больном поле, а то и забивал голы, мне доводилось видеть самому, уже в Свердловске. Азарт, упорство, тяга к совершенству, хитроумные комбинации, ловкость, выносливость... «Это была закваска на всю дальнейшую жизнь», — так отзывался Юрий Ильич, в первую очередь, о том далеком «лесном» футболе.

В школе его любимыми предметами были история и химия. Увлечение последней не всегда было безобидным, поскольку они с другом «экспериментировали» за пределами школьной лаборатории. Один эпизод стал в наших дружеских байках уже анекдотичным — однажды они «нахимичили», изготовив из добытых реактивов некую смесь. Юра набил ею велосипедный насос, запустил эту «ракету», и она... взлетела! К слову, обошлось без возможных не очень приятных последствий, если не считать крутой взбучки от бабушки. Помню взрыв хохота, когда в одном нашем тесном кругу был озвучен этот момент «космических испытаний». А один из слушателей, вытирая выступившие от смеха слезы добавил: «Эх, а может тогда зарождался новый Циолковский!..»

Шутки шутками, а иногда мне, да и не только мне, казалось, что не выбери Юрий Ильич профессию юриста-правоведа, он вполне мог бы талантливо проявить себя и на ином поприще, настолько многогранны были его интересы, способности и познания. Поражаюсь его умению общаться с самыми разными людьми, не изменяя самому себе. Наблюдая его взаимоотношения со студентами, коллегами — именитыми и не очень, с чиновниками высокого «ранга», с людьми из «глубинки», вполне представляю его и в роли руководителя, коим ему довелось быть в разных ипостасях, и в роли социолога, психолога, политика и даже... врача. При всей внешней сдержанности в нем ощутима готовность к сопереживанию, внутренняя эмоциональность, стремление поддержать, помочь, практическое проявление чего мне доводилось видеть не раз, да и ощущать на себе.

Сам же Юрий Ильич не представляет себя вне юридической науки. Да и все, кто его знает, — пожалуй, тоже. Эта, как оказалось, взаимная любовь, начавшись со студенческих времен, длится всю последующую жизнь, где бы он ни работал. Его исследования в правоведении всегда высоко оценивались ведущими учеными. Достаточно вспомнить, что после распада СССР, когда он утратил тогдашнюю должность в ЦК партии и на бывших «аппаратчиков» многие смотрели косо, Юрия Ильича приглашали на работу известнейшие ученые. Так, покойный ныне бывший ректор Московской юридической академии Олег Емельянович Кутафин предложил ему должность профессора, поступали предложения и из других престижных вузов. Сыграли свою роль не только высокий профессионализм Скуратова, его известность и авторитет в научном мире, но и личностные качества, порядочность, интеллигентность в высшем значении этого понятия.

Похожее отношение к нему сохранялось и значительно позже, после отстранения президентом Ельциным Скуратова от должности Генерального прокурора, хотя было немало и отвернувшихся от него. Кстати, что касается начавшихся в то непростое время гонений не только на Скуратова, но и на его сотоварищей и знакомых, — не из Кремля даже, а на довольно дальних радиусах от него, — то ощутил это на себе и я, работавший тогда в Минюсте

России руководителем Департамента правовой помощи. Внезапно назначили повторную аттестацию. Ее я, надо сказать, выдержал отлично, «уесть» меня не смогли. Следом назначили вдруг мой отчет на коллегии министерства. Однако представитель Администрации Президента РФ, который присутствовал на коллегии, одобрительно отозвался об отчете — мол, это лучшая речь, которую я здесь услышал, толковая, обоснованная. И меня оставили в покое, видимо, до поры до времени. Правда, я не стал дожидаться этого самого времени и, как только получил приглашение из Бурятии, дал согласие на должность заместителя Председателя Правительства Республики Бурятия по безопасности и обороне, тем более что давно скучал по родным краям.

Вспоминаю об этом не потому, что это имеет какое-то особое значение, а в контексте того, что меня очень поддержал Юрий Ильич. Да, именно он — сам в ту пору «опальный»! Он помог мне преодолеть все тогдашние нападки моих бывших руководителей, давал практические советы, как лучше подготовиться к аттестации, как правильнее и убедительнее строить отчетный доклад на коллегии. Словом, я постоянно чувствовал его плечо рядом со своим. Как поется в песне: «друг — это третье мое плечо»...

Сейчас я очень признателен Юрию Ильичу и за то, что в свое время он убедил, если не сказать буквально заставил меня поступить в аспирантуру. Я отнекивался, вовсе не горя желанием углубляться в недра научной деятельности, тем более что с работой было все в порядке, она меня устраивала и была интересна. Но настойчивые доводы и дружеские увещевания Юрия Ильича побудили задуматься над этим шагом. И действительно, начиная работу над своей кандидатской диссертацией, я ощутил «вкус» научного исследования, тема меня увлекла, а параллельно вольно или невольно соприкасаясь и углубляясь в другие сферы, значительно расширяя свой кругозор научного работника. А с житейской точки зрения обрел более прочный профессиональный «фундамент», подспорье в своей дальнейшей судьбе, имея степень кандидата юридических наук.

Поддержку Юрия Ильича, как я уже говорил, ощущали самые разные люди, независимо от степени знакомства с ним. А уж друзьям он старался не только помочь, когда они в этом нуждались, но и просто доставить приятное, сделать, в прямом смысле слова, сюрприз, порой совершенно неожиданный и от этого особенно дорогой.

О ПОРТРЕТЕ ДЗЕРЖИНСКОГО, АВТОГРАФАХ И СПАРТАКЕ

В связи с вышесказанным вспоминается случай трехлетней давности. Одному из белорусских друзей Скуратова, его бывшему зарубежному коллеге по службе в органах безопасности, чрезвычайно понравился живописно исполненный портрет Дзержинского в одном из популярных кафе города Дархана в Монголии, куда они приезжали в отпуск вместе с Юрием Ильичом. Попытались сговориться с хозяином кафе о приобретении этого портрета, но тот напрочь отказал — вежливо, но твердо. Мол, это настоящая достопримечательность заведения, клиентам очень нравится!

Юрий Ильич загорелся мыслью все-таки сделать такой подарок другу — у того намечался юбилей. Мне тоже хотелось ему помочь. Но и позже, бывая в Дархане, сколько мы ни уговаривали обладателя портрета, тот не уступал, будучи, кстати, очень довольным, что его достопримечательность вызывает такой интерес. Нам все же показалось, что вежливо-настойчивый «натиск» Юрия Ильича постепенно дает надежду. И однажды с нами в кафе появились наши давние монгольские друзья, бывшие коллеги по профессиональной и сегодняшней научной деятельности — бывший прокурор Дархана Бато-Очир и начальник отдела юстиции Хышикты. «Кафе-то ваше как называется? «Дружба!» — пожалуй, это была последняя фраза обаятельной Хышикты, подытожившая наш успех. Вскоре, как говорится, «ударили по рукам», сойдясь в цене, а главное — в доводах.

И Юрий Ильич увез портрет в Беларусь, вручив его юбиляру, чему тот несказанно обрадовался, а еще больше удивился: как это удалось?

Позже мне сказали, — уж не ручаюсь за достоверность, — что решающим фактором для бывшего владельца портрета было то, что дипломатичный, но упорный русский, — это «тот самый Скуратов»... Который не побоится идти в атаку на любую крепость.

Впрочем, о «том самом Скуратове», как оказалось, в Монголии знают многие и с большим уважением относятся к нему. И не только такие известные люди, как, например, прокурор Дорлигжав и председатель Конституционного суда Монголии, доктор юридических наук профессор Ж.Амарсанаа. Но и люди, далекие от юриспруденции.

Несколько лет назад Юрий Ильич откликнулся на просьбу дать согласие на перевод и издание на монгольском языке его книги «Кто убил Влада?». Два года назад она вышла в свет на монгольском. Во время презентации и после нее я был поражен не только тем, какая очередь выстроилась за автографом автора. В этих очередях белые рубашки, официальные костюмы людей «при галстуках» то и дело перемежались разноцветными дыгылами — национальным одеянием монголов, причем зачастую халаты были не праздничными, а явно повседневными. Да, в Улан-Баторе, где состоялась презентация, многие, как и везде в Монголии, ходят в дыгылах. Но эти чабаны, животноводы специально приехали из провинции на встречу с «тем самым Скуратовым», оказалось: его выступление и книга, а больше того — он сам были интересны не только юристам, ученым, бизнесменам, журналистам...

И еще один любопытный нюанс. Видя такой наплыв желающих приобрести книгу, а главное — автограф, друзья, в т. ч. и я, желая ускорить процесс, предложили Юрию Ильичу помощь в оформлении дарственной надписи: мол, мы будем надписывать текст, а он только ставить автограф. Но очередь неожиданно всколыхнулась просьбами: пожалуйста, пускай автор сам пишет, своей рукой, каждому поименно, они готовы ждать! И Юрий Ильич терпеливо выводил: с пожеланиями добра и дружбы — Очиру... Батмунху... и еще множество имен. После этой презентации он буквально не мог разжать пальцы. А мне, при всем сочувствии к затекшей руке друга, были чрезвычайно приятны его популярность и уважение в этой дружественной стране...

Иногда я задумываюсь: что же такого в Юрии Ильиче Скуратове, что зачастую так притягивает и располагает к нему самых разных людей? Особое

внутреннее обаяние, доброжелательность, аристократический интеллект, уникальная эрудиция? Или умение жестко отстаивать свою позицию, точку зрения, не принижая при этом другого дискуссанта? Или и то и другое? Мне же приходилось видеть его в гуще невероятно тяжелых житейских перипетий, не теряющего присутствия духа. Случались, конечно же, как у всех нас, смертных, минуты отчаяния, душевной боли. Но даже будучи незаслуженно, более того — незаконно — устраненным властью с ее дороги, он не стал ни в чьих глазах раздавленной жертвой, как ни пытались «перемолоть» его судьбу властные жернова. Напротив.

Траектория падения с высоты, по всем законам притяжения, — это движение вниз. Скуратова она вниз не привела. Не случайно, наверное, среди самых почитаемых Юрием Ильичом исторических имен он выделяет такую личность, как Спартак. Возможно, образ Спартака довольно мифологизирован, но на многие века он остается символом борьбы за нечто прекрасное и героическое, символом мужества, ума, доблести, справедливости, силы человеческого духа, который невозможно сломить. Некоторые высказывания людей, знавших историю Скуратова, ассоциируют свойства его харизмы с подобными определениями. Только в современной интерпретации.

Э. Ф. Побегайло, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН: «Скуратов сделал то, что мало кому удается. Он действительно ушел непобежденным. Еще раз процитирую его проникновенные слова: «Я ушел победителем, стыдиться мне не за что...»

А. В. Наумов, доктор юридических наук, профессор Российской академии Министерства юстиции Российской Федерации: «...мне кажется, что объективная оценка его пребывания на этом посту (генерального прокурора. — *Прим. автора*) — дело еще не близкого будущего. Я ... оцениваю это как его подвиг, принципиальную позицию, занятую им при попытке расследования коррупции в верхних эшелонах власти... Инспирированные им дела большого коррупционного масштаба после этого были развалены. И все же не назвал бы это поражением генерального прокурора. Впервые в отечественной истории тот поставил **Закон** выше предписаний «верховой власти».

И. Я. Козаченко, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель наук Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета: «Что бы ни говорили о Юрии Ильиче Скуратове злопыхатели, карьеристы, однодневки, лизоблюды и подковерники, я говорил и буду говорить, что Юрий Ильич Скуратов — **ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ!**».

Что к этому добавить? Рад поздравить с юбилеем своего друга — генерального прокурора России. Бывшего генпрокурора, но — не бывшего друга. А друга всей моей жизни.

О. В. Хышиктуев,
заслуженный юрист России,
государственный советник юстиции 2-го класса

УДК 342

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ)

© **Ю. И. Скуратов**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин, заслуженный юрист РФ,
Российский государственный социальный университет
Россия, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4
E-mail: s.kuratov_yi@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические аспекты современной концепции социального государства. Обосновывается тезис о нецелесообразности сведения характеристики последнего лишь к совокупности ряда функций, выполняемых в социальной сфере для поддержания уровня жизни малоимущих граждан. По мнению автора, более целесообразно широкое понимание социального государства как комплексного явления, предполагающего политический контроль не только за социальной сферой, но и социально-ориентированную розничную экономику и механизм народовластия. Теоретической основой подобной конструкции может стать евразийское учение о гарантийном государстве.

Ключевые слова: социальное государство, социальная сфера, социальная рыночная экономика, правовое государство, гарантийное государство.

На современном этапе общественного развития России научный и политический интерес к проблеме социального государства резко возрос. Одним из очевидных проявлений этого стала еще оставшаяся в памяти многих россиян борьба вокруг вопроса о «монетизации льгот и привилегий», затронувшая значительную часть населения страны. Главное же, однако, состоит в другом: от того, в какой мере тезис о социальном государстве станет реальным фактором государственной политики страны, во многом будут зависеть условия жизни миллионов людей, новые социально-политические тенденции и варианты развития современного российского общества.

Существуют и другие обстоятельства, определяющие крайне высокую степень актуальности продолжения обширных научных исследований теоретических проблем социальной роли российского государства и права. Во-первых, это вытекает из самой ситуации все еще длящегося переходного периода, отказа от одной модели общественного развития и попыток реализовать другую. Следует согласиться с В. Н. Лексиным в том, что, по сути, в настоящее время в России осуществляется не только переход от одной экономической системы к другой, но и «еще один, самый ощутимый для населения переход. Это переход от прежнего «социалистического общенародного государства» к современному социальному государству — неизменному в своей стратегической основе и чрезвычайно мобильному по формам и тактике реализации» [8, с. 284]. Само по себе это связано с выработкой особой методологии решения социальных проблем, стоящих перед государством и обществом, поиском иных механизмов, процедур и норм, обеспечивающих практическую реализацию новых принципов и подходов в социальной политике.

Во-вторых, возникает необходимость решения важнейшего вопроса преемственности в развитии российских государственных и правовых институтов в социальной сфере. Может быть, мы (и ученые, и политики) уже имеем необходимый исторический опыт и знания, чтобы помочь нашей стране избежать привычной схемы: в очередной раз разрушить «все до основания» и отбросить себя на десятилетия назад. Наверное, можно согласиться с мыслью о том, что серьезное науковедческое отношение к советскому этапу отечественной юридической (да и, пожалуй, всей общественной) науки — дело будущего [19, с. 4]. Но уже сейчас налицо приметы затухания атмосферы «демократического угара», что создает предпосылки для спокойного серьезного анализа того, какие теоретические конструкции, государственные и правовые инструменты предшествующего исторического этапа можно успешно использовать в ходе строительства в России социального правового государства.

С другой же стороны, как показало проведенное нами исследование евразийской концепции гарантийного государства [17, с. 5–11], вовлечение ее в современный научный оборот дает основание для вывода о том, что вклад отечественной науки в общемировую теорию социального государства более весом, чем принято полагать в настоящее время. Нельзя также не учитывать, что распад СССР, мировой системы социализма, смена общественного строя в России дали основания многим не только для крайне негативных и ненаучных оценок социалистической теории в целом, но и даже привели к выводу о том, что социализм не был особой, своеобразной формой социального государства. Впрочем, оставляя в стороне эту дискуссию, отметим, что отечественная евразийская концепция гарантийного государства, сформированная на иной (нежели марксизм и капитализм) методологической основе, существенно обогащает представление человечества о способах, вариантах построения общества, основанного на социальной справедливости. Необходимо лишь надлежащим образом использовать, применить соответствующие знания.

В-третьих, следует согласиться с утверждением авторов фундаментального курса «Национальная идея России» о том, что «сегодняшние российские власти явно недооценивают огромный созидательный, пропагандистский и мобилизующий потенциал идеи социального государства» [13, с. 310]. Реализация этого гуманистического и научного потенциала должна стать важнейшей задачей современной юридической науки, других отраслей научного знания о закономерностях развития общества и государства.

В-четвертых, отмечая значительный вклад российских ученых-юристов как в разработку фундаментальных теоретических проблем российского социального государства в целом, так и в проведение исследований отдельных проблем социальной сферы (социальная защита семьи, обеспечение занятости населения, социальная справедливость в трудовых отношениях и др.) [10], подчеркнем, что большая часть соответствующих работ написана в контексте «привязки» к западной модели «правового социального государства». Мы полагаем, что не может быть единой универсальной модели правового государства для всех стран. Точно так же следует согласиться и с утверждением о том, что «социальные государства имеют множественные видовые варианты воплощения. Их специфичность определяется цивилизационным

контекстом. Универсальная модель социальной государственности невозможна уже хотя бы по причине культурной разнородности самого феномена социальности» [2, с. 74]. Поэтому речь должна идти о разработке отечественной концепции социального государства (в том числе и в контексте его взаимосвязи с государством правовым), которая давала бы ответы современной российской социальной практике, а не о простом переносе на российскую почву самых совершенных европейских конструкций. На наш взгляд, именно евразийская идея «гарантийного государства» содержит важные теоретические предпосылки для формирования отечественной концепции социального государства, что, конечно же, не исключает возможности творческого осмысления опыта иных государств, в том числе и западноевропейских.

И, наконец, в-пятых, мы должны принимать во внимание и крайнюю ограниченность, незначительность материальных, финансовых ресурсов, выделенных государством на решение социальных проблем. В этих условиях социальная политика должна быть исключительно продуманной, грамотной, а государственно-правовые институты и механизмы, действующие в социальной сфере, эффективными и рациональными, чего невозможно добиться без серьезной научной проработки соответствующей проблематики.

И еще одно, в известном смысле предварительное, вводное замечание. Говоря о социальном государстве, мы не можем забывать и о социальной роли права. Ни одна из функций Российского государства не оказывает на природу и роль права такого мощного влияния, как его социальная функция, социальная природа. Но безусловно и другое: вопросы качества осуществления государственных и правовых функций в социальной сфере очень тесно сопряжены между собой [3, с. 45]. А это означает, что социальную роль права невозможно исследовать полно и объективно без учета изменений, происходящих в социальной природе и функциях государства.

Если кратко обратиться к историческому аспекту развития концепции социального государства, то необходимо отметить достаточно длительную эволюцию этого понятия. Мысль о том, что в число общих дел, которые призвано осуществлять государство, должна входить и социальная защита населения, начала распространяться в общественном сознании еще в конце XIX в. Первоначально воспринимаемая как некая современная модификация монаршей заботы о своих подданных, она реализовывалась в институте государственных пенсий, социальном страховании, контроле над бедностью и т. д. Перерастание капитализма в монополистическую стадию развития, сопровождавшееся усилением роли государства, обострением борьбы между трудом и капиталом, Октябрьская революция в России активизировали социальную функцию государства, его стремление не допустить острых социальных конфликтов.

Однако, о превращении социальной политики в главное направление деятельности государства, как о реальности, заговорили лишь во время Второй мировой войны. Один из импульсов исходил из Великобритании, где впервые в официальном документе и появилось понятие социального государства. Речь идет об известном плане Бевериджа, предложенном британским парламентом лейбористскому правительству в 1942 г. и ставшем моделью для многих государств послевоенной Европы. Как отмечает немецкий историк

Г. Риттер, «произошел переход от социального страхования рабочих к всенародному страхованию» [20].

В США идея социального государства была воспринята позднее, чем в странах Европы. «Средний американец», т. е. господствующий в Америке тип общественного сознания, предпочитал веру в собственные силы, основанную на глубоко укоренившемся в американском обществе принципе индивидуализма [18, с. 45]. В период после окончания Второй мировой войны вплоть до распада мировой системы социализма и СССР развитие идеи социального государства и практики реализации социальной функции государства во многом происходили в режиме идеологического противостояния и соревнования двух общественных систем. При этом идеологическая зашоренность отечественной юридической и общественной науки явно препятствовала серьезному и объективному анализу западной концепции и практики социального государства [16, с. 160].

Создание полноценной теории российского социального государства, а тем более выработка национальной социальной доктрины современной России невозможны без ответа на фундаментальные вопросы о природе современного гражданского общества, целях его развития и взаимодействия с политической системой общества, государством, системой местного самоуправления. Очевидно, что одни юристы без помощи философов, социологов и политологов не в состоянии решить эту проблему. Вместе с тем, позиция юридической науки в этом вопросе носит не прикладной, а во многом определяющий характер, поскольку формирует потребность в научных знаниях иных отраслей обществоведения, необходимых для всестороннего понимания природы социального государства.

Формирование концепции российского социального государства органично сопряжено с ответом на вопрос о сущности такого государства. На наш взгляд, не является удачным предложенное Ж. Х. Македонской определение сущности социального государства как «формы практической реализации конституционного и социального права посредством осуществления социальной политики» [11]. Это определение слишком абстрактно, формально, не раскрывает природы явления.

Трудности в определении сути социального государства вполне объяснимы и обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, неоднозначностью и широтой самого слова «социальное»¹ [6]. Во-вторых, это связано со сложностью и неразработанностью концепции социальных отношений и социальной сферы. Последняя занимает чрезвычайно обширное пространство общественной жизни и характеризуется значительным разнообразием относящихся к ней явлений. Социальные же отношения не только олицетворяют непосредственные условия и процессы обеспечения человеческого существования, но и опосредуют различные явления общественной жизни, складывают-

¹ Интересно отметить, что австро-американский экономист Ф. фон Хайек считал, что определение «социальный» стало бесполезным в качестве средства коммуникации. Он приводит в своей книге более 160 словосочетаний со словом «социальный» и полагает, что это слово «размывает», «крадет» значение определяемого.

ся между социальными общностями, «вторгаются» во все виды их деятельности (экономическую, политическую, культурную). В последнем понимании они являются т. н. «синтетическими», охватывающими все отдельные виды человеческой деятельности [12, с. 7–43]. Наконец, нельзя не учитывать, что социальные отношения и социальная сфера находятся в постоянной динамике, развитии, отсюда очень сложно сформулировать четкие пределы социальной функции государства, в т. ч. и российского.

Известным подспорьем для формулирования понятия социального государства является обобщение зарубежной литературы, в основном германской, поскольку именно в Германии концепция социального государства была разработана наиболее обстоятельно.

Авторство термина «социальное государство», по мнению многих ученых, занимающихся данной проблематикой, принадлежит известному государствоведу и экономисту Лоренцу фон Штейну (1815–1890). Он полагал, что «идея государства заключается в восстановлении равенства и свободы, в поднятии низших, обездоленных классов до уровня богатых и сильных, что государство должно осуществить экономический прогресс всех его членов, т. к. развитие одного является условием и следствием развития другого, и в этом смысле мы говорим об общественном и социальном государстве [4, с. 20].

Авторы учебника «Государственное право Германии» выделяют три аспекта, три ответа на вопрос о сущности социального государства. Первый связан с пониманием социального в самом общем плане, не подразумевающим каких-либо оценочных суждений; социальное здесь равнозначно общественному, или связанному с обществом. Термин «социальное государство» в этом смысле означает, что государство несет ответственность за существование общества. При этом они полагают, что важно избежать крайностей в вопросе о мере этой ответственности (чего не удалось в российских условиях, когда маятник качнулся от жесткого господства государства над обществом к либеральному государству, исполняющему лишь роль «ночного сторожа»).

Другая интерпретация обращается к трактовке слова «социальное» как указанию на общественный статус человека, его связь с обществом. Термин «социальное государство» в таком смысле подчеркивает существование обязанностей индивида по отношению к другим людям и обществу в целом. За этой трактовкой скрывается тревога за то, как бы маятник не качнулся от тоталитарного подчинения к несвязанности индивида никакими общественными узами.

Однако наиболее полно суть явления, по мнению авторов учебника, отражает третий подход, третья трактовка, согласно которой социальное государство — это организация, помогающая слабому, стремящаяся повлиять на распределение экономических благ в духе принципов справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование. Странники такого подхода обратились к обыденному пониманию слова «социальное» и связали государственность с конкретно-историческим политическим движением, преследующим социальные цели. К такому решению проблемы подталкивали как требования времени, так и неспособность сформулировать хоть какие-то рекомендации относительно направления, в котором должно развиваться об-

щество. В результате были даны ответы на вопросы о том, как обеспечить ответственность государства за развитие общества (в духе первой, самой общей трактовки социального государства) и в какой мере, с какой целью должен быть связан с обществом индивид (в соответствии со второй трактовкой, подчеркивающей социальные обязанности). Таким образом, третья трактовка социального государства восприняла идеи и первой и второй [5, с. 64–65].

В качестве же основных элементов социальной государственности немецкие государствоведы выделяют: достойный человека прожиточный минимум; смягчение и устранение социального неравенства; развитое социальное обеспечение; общий подъем благосостояния [5, с. 67]. Обращаясь к отечественной юридической да и, пожалуй, к общественной науке в целом, отметим несколько подходов к пониманию социального государства.

Один из них связан с известным отождествлением социального государства с государством в целом. Основой этой позиции является суждение о том, что любое современное государство выполняет известные социальные функции, играет определенную социальную роль. Авторы подобной точки зрения вопрошают: «почему число государств, обеспечивающих гражданам социальную защиту и поддержку в меру собственных возможностей и представлений о «социальной справедливости», порядково меньше тех, которые публично назвали себя социальными»? Если вопрос только в мере «социальности», и если эта мера не определена, то «асоциальных» государств, видимо, вообще не удастся найти [8].

Представляется, что с таким мнением о социальном государстве трудно согласиться. Во-первых, само по себе «самообозначение» государства в качестве социального (пусть даже с использованием текста конституции) мало что значит, ибо на первый план могут выступать соображения идеологического, пропагандистского характера. К тому же для всех очевидна дистанция между юридической нормой и ее практическим воплощением. Во-вторых, «мера социальности», конечно же, играет важную роль, но вряд ли можно говорить о «размытости», «неопределенности» критериев этой «социальности». Социальные условия жизни человека носят во многом универсальный характер во всех странах, что дает возможность вырабатывать во многом общесоциальные стандарты качества жизни, отражаемые в том числе и в международно-правовых актах, реальное выполнение которых свидетельствует о социальном характере государства. Есть масса других экономических и финансовых показателей (объем ВВП, направляемого в социальную сферу, уровень оплаты труда, размер прожиточного минимума, размер пенсий и социальных пособий, показатели налогообложения и т. д.), совокупность которых дает четкое представление о социальном характере государства.

В-третьих, при трансформации обычного государства в социальное происходят как функциональные, так и качественные структурные изменения. Речь идет не только о более развитой структуре социального обслуживания и обеспечения населения, но и о системе государственных и муниципальных органов власти, которые в целом получают новое качество — становятся важнейшим звеном механизма реализации социальной политики государства. При этом данный механизм включает в себя не только государственные, но и

общественные звенья. Принципами социальной ответственности должны быть охвачены и все уровни бизнес-сообщества (социальная ответственность крупного, среднего и малого бизнеса за развитие социального рыночного хозяйства), общественные организации и объединения граждан (политические партии, профсоюзы, страховые союзы и иные отраслевые саморегулируемые организации и т. д.). Наконец, соответствующие изменения должны затронуть и самую личность, которая в своей жизнедеятельности должна не только надеяться на помощь государства (патернализм), но и сама приложить максимум усилий для обеспечения достойного существования для себя и своих близких. Социальное государство, наконец, предполагает и наличие системы развитых социальных стандартов, в т. ч. воплощенных и в правовых нормах, что приводит к появлению обширного и кодифицированного социального законодательства и устойчивой практики его применения.

Достаточно распространенным для российской юридической науки является понимание «социального государства» как страны, которая проводит социальную политику, направленную на социальную защиту и социальное обеспечение населения [6, с. 211]. Такого рода подход во многом базируется на определении социального государства, предложенном ст. 7 Конституции РФ, которое сводится к перечислению определенного набора функций государства в социальной сфере, направленных на обеспечение достойного уровня жизни граждан. Не вдаваясь в детальную характеристику статьи 7 основного закона, отметим, что, во-первых, Конституция лишь указывает на основные направления социальной политики государства; во-вторых, отсутствуют качественные показатели, общие стандарты, достижение которых должно свидетельствовать о социальном характере государства; в-третьих, перечень социальных функций далеко не полон¹ [6, с. 210–211], и, наконец, в-четвертых, непонятно, за счет чего социальный характер государства обеспечивается, гарантируется в экономическом, финансовом и политическом аспектах² [7].

Таким образом, речь по сути идет о социальном государстве как об определенной программе деятельности в социальной сфере, не подкрепленной экономическими, финансовыми и политическими механизмами достижения результатов, размытыми социальными стандартами жизнедеятельности граждан, ответственностью государственных органов за проводимую социальную политику.

Ранее уже были отмечены две общетеоретические предпосылки, играющие, на наш взгляд, важнейшую роль в формировании научной концепции

¹ Р. В. Евстифеев применительно к России подчеркивает тенденцию к свертыванию социальных функций государства и принижению его социальной ответственности.

² Академик В. И. Жуков правильно отмечает, что «социальное государство немислимо без политической доктрины, экономической модели и финансового обеспечения его развития» (с. 296). Следует также согласиться с М. П. Граф, которая подчеркивает, что «необходимость проведения государственной социальной политики и реализации конституционно закрепленного принципа социального государства практически не увязывается с общегосударственными задачами обеспечения сильной и независимой власти, суверенитета народа и воспринимается как предоставление определенных преимуществ, улучшающих качество и условия жизни конкретных людей (с. 3).

социального государства. Первая из них связана с двуединой природой социальных отношений, пониманием их и в узком и в широком значении, позволяющим рассматривать государство не только как инструмент политики в социальной сфере и, прежде всего, в области воспроизводства человеческой жизни, т. н. «социального репродуктивования»¹ [3, с. 3], но и более широко как политический механизм, обеспечивающий на демократической основе экономическую, финансовую, правовую, социально-культурную политику определенного качества, позволяющую обеспечить и достойный уровень жизни граждан, и их духовное развитие.

Вторая теоретическая предпосылка связана с евразийским научным наследием, сформулированной его представителями концепцией «гарантийного», а по сути социального государства. Нельзя не отметить единство обоих подходов в части широкого понимания содержания категории «социальное государство», не сводимого к общераспространенному пониманию последнего лишь как инструмента осуществления политики в социальной сфере. В противоположность современному истолкованию социального государства в России как в значительной степени программной нормы евразийцы основной акцент делали на поиске инструментов, средств, механизмов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм, программ. Отсюда и название нового совершенного государства — гарантийное.

Названный подход не просто актуален для современной российской действительности. Расхождение между конституционными положениями и реальной практикой — одна из главных проблем нынешней России. Нашей стране крайне необходимо создать систему разнообразных политических, юридических, идеологических, морально-нравственных, социально-психологических гарантий, превращающих норму Конституции о социальном государстве в непререкаемый правовой постулат. Поэтому изначально в само понимание сути социального государства необходимо заложить идею о достойном уровне жизни граждан как атрибутивном свойстве российской государственности, а не как о некоем благом пожелании.

При широком подходе к пониманию социального государства правильно должна быть оценена роль гражданского общества. Как уже было отмечено выше, сам механизм социального государства предполагает сочетание государственных и общественных звеньев (органы государства, органы муниципальных образований, политические партии, реализующие социальные программы, общественные организации и объединения граждан и т. д.). Традиционно важную роль в построении социального государства играют профессиональные союзы, за исключением соглашательских. Как правильно отмечает академик В. Л. Макаров, необходим поиск мер для раскрепощения воли народа, чтобы общество само снизу строило социальное государство [9,

¹ При этом было бы несправедливо сводить назначение социального государства лишь к поддержке слабых, социально уязвимых слоев населения. Речь должна идти о выполнении соответствующих социальных функций применительно ко всем слоям населения, всем гражданам страны.

с. 11]. В этом процессе должны быть задействованы семья, община, иные местные сообщества, отдельная личность. В данном же контексте должен быть рассмотрен вопрос и о социальной ответственности бизнеса. Компании, в особенности крупные корпорации, должны заботиться о своих работниках, обеспечивая не только условия для их труда, но и пакеты социальных услуг, создавать предпосылки для отдыха, обучения и т. д. В этой связи представляется сомнительной получившая еще недавно широкое распространение практика отказа бизнеса от учреждений социального профиля, «сбрасывание» их на плечи муниципальных образований и т.д. [9, с. 12].

Для понимания сути социального государства является принципиальным вопрос о сочетании ответственности государства и самой личности. Как известно, одним из обязательных элементов социального государства является обеспечение каждому (прежде всего гражданину страны) достойного человека прожиточного минимума. «Каждый, кто не в силах самостоятельно добыть себе средства к существованию и не получает при этом никакой посторонней помощи, имеет право на личную и материальную поддержку, которая соответствует его специфическим потребностям, побуждает к самопомощи, обеспечивает участие в общественной жизни и гарантирует достойное человека существование» — гласит параграф 9 общей части Кодекса социальных законов ФРГ. Вместе с тем, и это важно подчеркнуть, ответственность социального государства за обеспечение человеку достойного существования, как правило, вторична. Социальное государство руководствуется исходным представлением, согласно которому каждый взрослый имеет возможность и обязан зарабатывать на себя и содержание своей семьи.

Это обстоятельство имеет принципиально важное значение для России. Оно дает прочную теоретическую основу для преодоления укоренившейся в стране системы государственного патернализма, предполагающего возложение всей полноты ответственности за социальную сферу на государство. Все ждут, что кто-то принесет, сделает, накормит, подаст. Обязанность социального государства оказывать услуги и поддержку населению не должна быть понята как замена государственной опекой экономической свободы, хозяйской и предпринимательской активности членов общества. Для сегодняшней российской социальной политики важно обеспечить максимально благоприятные условия для того, чтобы граждане своими усилиями достигали материального достатка для себя и своей семьи.

С учетом этого обстоятельства должны быть внесены и соответствующие коррективы в социальные программы государства (государственный приоритет программам занятости, обеспечение реальной поддержки фермерского хозяйства, поддержка малого бизнеса, выделение солидных ассигнований для переподготовки, перепрофилирования активного, трудоспособного населения и т. д.).

Вполне очевидно, что для обеспечения достойного материального уровня населения в социальном государстве необходима эффективно работающая экономика¹ [1, с. 375]. Однако дело не только в этом. В условиях социального

¹ Н. Н. Алексеев одной из первейших характеристик гарантийного государства называл наличие развитой материально-технической базы жизни.

государства серьезные изменения претерпевает сама рыночная экономика, которая трансформируется в «социально-ориентированную рыночную экономику». Не ставя задачу «отобрать хлеб» у наших экономистов, хотелось бы отметить в этой связи одно существенное обстоятельство. Социальная рыночная экономика невозможна без вмешательства государства в сферу рыночных отношений, масштабы которого определяются объемом и содержанием социальных обязанностей государства. Анализ этого вмешательства (несмотря на значительные различия опыта ряда стран) дает основания для выделения своего рода «планирующей», «управляющей», «распределяющей», «контролирующей» деятельности современного социального государства. Так, опыт ФРГ показывает, что государство, формируя бюджет федерации, ежегодно предусматривает треть расходов его на социальные нужды (с привлечением средств земель, общин, юридических и физических лиц прямо или косвенно на социальные нужды идет свыше половины всех расходов); влияет на ценообразование, условия труда в различных сферах, социально-демографическую политику и — главное — обеспечивает сочетание экономической свободы (т. е. гарантированности собственности, свободы конкуренции, профессиональной занятости и потребления) с государственным регулированием рыночных отношений на основе закона. И дело не только в том, что в СССР был накоплен достаточно серьезный опыт реализации многих из этих функций, который не востребован до настоящего времени. Современная конституционная концепция России как социального государства не содержит категории «социальная рыночная экономика», что на практике позволяет уходить пресловутому маятнику в сторону безудержного либерализма (опыт Е. Гайдара, А. Чубайса, нынешних правых). А это прямо противоречит конституционному постулату о России как социальном государстве. Представляется, что соответствующее конституционно-правовое оформление статуса социальной рыночной экономики позволило бы серьезно подкрепить и конституционную формулу о России как социальном государстве.

Суммируя все изложенное выше, возможно сформулировать следующую дефиницию: социальное государство в широком смысле этого слова — демократический социально-политический властный механизм, обеспечивающий (гарантирующий) через систему закрепленных в законодательстве стандартов, сочетание социальной ответственности государства, бизнеса и личности достойный (высокий) уровень жизнедеятельности и воспроизводство как основных коллективных субъектов общества (народов, наций, социальных групп), так и отдельных индивидуумов на основе социально-ориентированной рыночной экономики и высокого уровня культурного развития.

Важное методологическое значение для российской концепции социального государства имеет правильное понимание сочетания социальных и правовых аспектов российской государственности. В литературе справедливо отмечается, что социальное правовое государство может рассматриваться как исторически обусловленный синтез двух составляющих: правового и социального начал [14]. Именно правовые средства прежде всего обеспечивают основную задачу социального государства — достижение общего блага, социального компромисса.

Вместе с тем в публикациях многих российских ученых наблюдается стремление обеспечить слияние, совмещение понятий «правовое» и «социальное» государство, при этом понятие «социальное» рассматривается лишь как характеристика правового государства. Сильное влияние на такого рода понимание социальной и правовой составляющих оказала норма статьи 20 (абзац 1) Конституции ФРГ, где термин «правовое государство» употреблен как единое имя существительное, а термин «социальное» — как прилагательное к нему [5, с. 54].

С подобным подходом согласиться нельзя и дело не только в терминах. Правовая государственность (так же как и федеративная форма государственного устройства, республика, демократия и т.д.) является лишь средством, организационным принципом достижения общего блага, что составляет суть социального государства. Кстати, как уже отмечалось, социальное начало доминирует и над экономикой, обуславливая многие ее характеристики. Первичность социального начала в устройстве государства определяется и приоритетностью социальных целей, как при формировании стратегии общественного развития, так и в деятельности всех ветвей государственной власти.

Из названного подхода вытекает необходимость использования для реализации социальных программ общества не только правовых, но и всех иных инструментов социального регулирования поведения людей (корпоративных норм, норм морали, нравственности, обычаев и т. д.), что имеет серьезное практическое значение. Отсюда вполне закономерно, что высшим мерилom эффективности правовых средств является их социальная ценность, полезность для общества. В этом смысле вполне можно согласиться с утверждением Н. В. Новгородцева, что «социальное государство становится высшей стадией развития государства правового» [15, с. 26].

Поэтому представляется, что формула ст. 7 Конституции РФ, закрепляющая социальную природу Российской Федерации как отдельную составляющую характеристики российской государственности, более удачна, нежели соответствующая норма (ст. 20, абз. 1) Конституции ФРГ.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. Багдасарян В. Э. Цивилизационно-вариативные основания формирования социального государства // Россия: путь к социальному государству: материалы всерос. науч. конф. (Москва, 8 июня 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.
3. Белкин А. А. Социальное воспроизводство и государственное право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 111 с.
4. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. М., 2000. С. 18–37.
5. Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. Т. 2. 320 с.
6. Евстифеев Р. В. Социальное государство versus государство социального благополучия? Политические аспекты социального мира // Россия: путь к социальному государству: материалы всерос. науч. конф. (Москва, 8 июня 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.
7. Жуков В. И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований: в 3 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во Рос. гос. соц. ун-та, 2007. Т. 1.

535 с.; Граф М. П. Права граждан как элемент конституционной концепции социальной государственности России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Челябинск, 2007. 30 с.

8. Лексин В. Н. «Социальное государство»: фантом и реальность // Россия: путь к социальному государству: материалы всерос. науч. конф. (Москва, 8 июня 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.

9. Макаров В. Л. Социальное государство строится снизу // Россия: путь к социальному государству: материалы всерос. науч. конф. (Москва, 8 июня 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.

10. Македонская Ж. Х. Правовая природа Российской Федерации как социального государства: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1997. 23 с.; Андреева Е. Н. Социальная функция демократического государства (конституционно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. 28 с.; Милецкий В. П. Социальное государство: эволюция, теория и практика (политико-социол. анализ): дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 1999. 350 с.; Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14; Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты. СПб., 2003. 404 с.; Николаев Е. А. Социальное государство как конституционный принцип и его реализация в решениях Конституционного суда РФ // Право и политика. 2004. № 2. С. 20–25; Сигарев А. В. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Новосибирск, 2004. 192 с.; Черепенников Г. Д. Становление и функционирование социального государства в России: конституционно-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Новосибирск, 2004. 187 с.; Старшова У. А. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации. Саратов, 2004. 219 с.; Вишняков В. Г. Конституционные основы социального государства // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 11–22; Глотов С. А., Кочеткова Л. Н. Социальная политика Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы реализации: учеб. пособие. М.; Саратов, 2006. 333 с.; Увачев В. А. Социально-правовое государство и гражданское общество постиндустриальной эпохи: правовые основы функционирования и взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. 191 с.; Наумова Е. И. Социальное государство: эволюция теории и практики: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2006. 30 с.; Граф М. П. Права граждан как элемент конституционной концепции социальной государственности России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Челябинск, 2007. 30 с.; Авдеенко Г. И. Европейская социальная хартия и конституционно-правовые проблемы реализации социальных прав граждан в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2007. 30 с.; Россия: путь к социальному государству: материалы всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.; Новое в российском и международном праве. Вып. 10. На пути к социальному государству: 15-летие Российской Конституции. М., 2009. 216 с.; Права человека и правовое социальное государство в России. М.: Норма, 2011. 400 с.; др.

11. Македонская Ж. Х. Правовая природа Российской Федерации как социального государства: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1997. 23 с.

12. Мокляк Н. Н. Социальные отношения: структура и формы проявления / АН УССР, Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1986. 205 с.

13. Национальная идея России: в 6 т. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 5. 696 с.

14. Невинский В. В. Гражданин и основополагающие принципы Конституции Федеративной Республики Германии: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 1994. С. 30–31; Андреева Е. Н. Социальная функция демократического государства (конституционно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. С. 8.

15. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1996. 269 с.

16. Политико-правовые доктрины современного империализма / А. Винклер [и др.]; отв. ред. В. Е. Гулиев, С. Л. Зивс. М.: Юрид. лит., 1974. 263 с.

17. Скуратов Ю. И. Евразийская доктрина гарантийного государства и ее значение для современной юридической науки // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1, № 6. С. 5–11.

18. Теория государства и права: учебник / Л. И. Спиридонов. М.: Проспект, 1996. 304 с.

19. Тарасов Н. Н. Об основаниях методологических проблем нашего правоведения // Российский юридический журнал. 2001. № 2. С. 3–9.

20. Ritterg. Sozialstaat. Munchen, S. 59.

THE MODERN CONCEPT OF THE SOCIAL STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION (EURASIAN CONTEXT)

Yu. I. Skuratov

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of state and legal disciplines
of the law faculty of Russian State Social University, Honored Lawyer
of the Russian Federation
E-mail: skuratov_yi@mail.ru

The theoretical aspects of the modern concept of the social state are considered in the article. The thesis of the inexpediency of reducing the characteristics of the latter to a combination of a number of functions performed in the social sphere to maintain the standard of living of poor citizens is justified. In the author's opinion, it is more appropriate to broadly understand the social state as a complex phenomenon that assumes political control not only over the social sphere, but also the socially-oriented retail economy and the mechanism of democracy. The theoretical basis for such a construction may be the Eurasian doctrine of a guaranteeing state.

Keywords: social state, social sphere, social market economy, legal state, guarantee state.

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

© Л. А. Лазутин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
международного и европейского права,
Уральский государственный юридический университет
Россия, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23
E-mail: mp@usla.ru

В статье анализируется кризис современного права международной безопасности, отмечается, что изменилась геополитическая обстановка, отсутствуют международные договоры и институты, учитывающие такие процессы. Указывается на необходимость реформирования ООН в современных реалиях, разработки концепции гуманитарной интервенции, институтов региональной безопасности, предмета правового регулирования права международной безопасности и определение его методов и принципов. Рассматривается конфликт международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: международное право, международная безопасность, международная ответственность.

Международная безопасность на современном этапе является наиболее актуальной отраслью международного публичного права. Это объясняется сложившейся за последние пять–шесть лет международной обстановкой, которая характеризуется резким обострением межгосударственных отношений. Наглядным подтверждением являются политические и экономические санкции против Российской Федерации, наращивание военного потенциала НАТО размещение систем противоракетной обороны вблизи границ с Россией, локальные войны в различных уголках земного шара и особенно в Северной Африке, гражданская война в Сирии и, наконец, война против ИГИЛ, где Российская Федерация принимает самое активное участие. Также не следует забывать о ситуации на Украине, где пересекаются интересы ряда государств и конечно России.

Учитывая перечисленные обстоятельства, некоторые исследователи говорят о необходимости переосмысления права международной безопасности как отрасли международного права. Основным их доводом является отсутствие за последние десятилетия каких-либо наиболее значимых международных договоров (двусторонних, локальных, универсальных), которые бы составляли юридическую основу данной отрасли права. Во всех учебниках идут ссылки на договоры конца 60-х и 70-х гг. (Неприменение ядерного оружия 1968 г., Договоры о противоракетной обороне 1972 г. и протоколы к нему 1974 г. и др.). Бесспорно, эти международно-правовые документы имели и какое-то время будут иметь важное значение. Но изменилась геополитическая ситуация, изменились взгляды на всеобъемлющую и коллективную (региональную) системы международной безопасности.

В год 70-летия ООН на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН лидеры ведущих государств давали оценки деятельности ООН в целом. Были

различные предложения, но неизменным акцентом осталось то, что альтернативы ООН в сегодняшней ситуации не существует. А следовательно, необходимо всем государствам неукоснительно руководствоваться принципами устава ООН и общепризнанными нормами международного права. Вместе с тем проблема заключается в том, как поднять ООН на более высокий уровень эффективности, не подрывая ее устава. Мы поддерживаем взгляды некоторых политологов относительно принятия нового документа в рамках ООН, не затрагивая содержания устава, но как бы конкретизируя новые основополагающие принципы, на которые будут ориентироваться государства в новых современных условиях.

Актуальной проблемой является внедрение в международный оборот концепции гуманитарной интервенции или ограниченного суверенитета. Де-факто концепция гуманитарного вмешательства реализуется на практике уже много лет. Необходимо четко определиться в сущности этого явления и дать ему научное обоснование. Уместно напомнить, что еще в 1999 г. по этому поводу разгорелась полемика между генеральным секретарем ООН и рядом государств-членов, включая Россию. Генсек ООН заявил тогда, что массовые и систематические нарушения прав человека вынуждают международное сообщество реагировать и подчас вмешиваться в развитие ситуации внутри той или иной страны. Россия тогда возражала против этого. Сегодня взгляды России по этому вопросу несколько изменились. Это связано с участием наших ВКС по просьбе Сирийского правительства в борьбе с ИГИЛ на территории Сирии. Сегодня необходимо юридическое обоснование и тем более экспертные заключения по этому важному вопросу.

Что касается региональной системы коллективной безопасности, то она также требует научного переосмысления. Международные организации военно-политической направленности (НАТО, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ и др.) имеют разные международные статусы, уровни международной легитимности и составы участников. Они хотя и призваны обеспечить региональный мир и правопорядок, до настоящего времени не объединены общей компетенцией и замыслом, у них различные политические перспективы. Более того, некоторые находятся в состоянии конфронтации между собой.

Анализ компетенций международных рейтингов возможен в контексте двух основных тенденций политологического изучения международных отношений: неореализма и неолиберализма. Его первая составляющая опирается на классические теории баланса сил, полагая международное право и международные институты вспомогательной функцией взаимодействия государств-членов международной системы, приверженцы неолиберализма более оптимистично воспринимают перспективы нового международного порядка, основанного не только на балансе сил, но и на балансе интересов.

Региональная безопасность определяется как составная часть всеобщей безопасности, относящаяся к тому или иному региону земного шара и строящаяся на основе интерпретации взаимодействия и взаимовлияния национальных интересов при учете системообразующей роли международного права и международных институтов, применительно к отдельному региону (субрегиону), и к конкретной сфере международных отношений. В рамках данного понимания предметом нижеследующего анализа является концептуализация

региональных рейтингов безопасности с точки зрения национальных интересов России [1].

Обеспечение международной безопасности может быть достигнуто на основе сочетания взаимодополняющих факторов: безопасность отдельного государства зависит от обеспечения безопасности всех государств, безопасность всех предполагает безопасность каждого государства. Необходимость активных действий в процессе обеспечения международной безопасности обусловливается своеобразием метода регулирования, воздействием на определенно выраженную позицию субъектов международных правоотношений. Речь в данном случае идет о концепциях обеспечения многосторонней безопасности. Современные политологи выделяют здесь три позиции: коллективная безопасность, общая безопасность и безопасность на основе сотрудничества. Каждая из них при наличии общих черт с другими обладает отчетливо выраженной спецификой.

Концепция коллективной безопасности является наиболее разработанной в теоретическом и практическом плане. Ее особенность — беспрецедентный масштаб универсальности, включая требования необходимых действий от каждого члена системы, автоматизм применения санкций в случае необходимости, отсутствие разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее. Наглядное подтверждение функционирования концепции коллективной безопасности — деятельность НАТО.

Концепция общей безопасности утвердилась как альтернативная традиционным представлениям о роли вооруженной силы в решении международных проблем, а также в преодолении сложившихся стереотипов мироурегулирования, основанного на базовых параметрах государств и коалиций, внося в него элемент всеобщего договора, осознанного баланса устремлений и самоограничений, обусловленных всеобщим интересом в стабильности и совершенствовании системы. Концепция общей безопасности с середины 1970-х гг. стала неотъемлемой частью общеевропейского процесса, философской основой Хельсинского акта 1975 г. и других документов СБСЕ/ОБСЕ.

Концепция безопасности на основе сотрудничества во многом схожа с концепцией общей безопасности. Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является необязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным [1].

Одна из важнейших проблем современного международного права — выработка нового содержания предмета правового регулирования права международной безопасности и определение его методов и принципов. Вопросы международной безопасности носят универсальный характер, государствам приходится соприкасаться с ними практически во всех сферах международных отношений, поэтому возможно предмет права международной безопасности рассматривать с учетом его собирательного характера и специфической направленности. Предметом правового регулирования права международной безопасности являются отношения, сопряженные с обеспечением международной безопасности, в т. ч. меры

по предотвращению ядерной и любой иной войны, укреплению доверия и ослаблению военного противостояния.

В целом, оценивая причины обострения международной напряженности, приходишь к выводу о том, что из всего комплекса политических, экономических, идеологических и других причин на первый план выступают юридические проблемы, которые с новой остротой заявили о себе и заставляют вновь и вновь обращаться к едва ли не «вечной» теме о соотношении международного и национального (внутригосударственного) права. При этом я не имею в виду применение норм международного права как регулятора внутригосударственных отношений. Речь идет о необходимости новых подходов к соотношению международно-правовой системы и внутригосударственной в условиях многополярного мира.

Происходящие события в мире и в отдельных государствах по своей сути разные и имеют неодинаковые последствия для тенденции развития сообществ государств или отдельных стран, а в конечном итоге и судеб мира, но все они в своей основе так или иначе указывают на наличие множества граней у названного явления: это выведение на первый план суверенитета государства в широком смысле слова, даже если оно вступило в международное объединение и связано международно-правовыми обязательствами, которые должны выполняться.

В настоящее время в научных публикациях и практике межгосударственного сотрудничества нередко можно встретить тезисы о верховенстве права. Такие утверждения совершенно справедливы, когда речь идет о верховенстве права, скажем, в международных отношениях. В этом ключе постановка вопроса о верховенстве международного права в осуществлении международной политики, международных связей вполне оправданна. Однако вряд ли заслуживает одобрения провозглашение примата (приоритета) международного права как такового вообще. Вместе с тем известно, что современное устройство глобальной юридической системы предполагает наличие двух систем права: международного и внутригосударственного, ни одна из которых не доминирует над другой. Соответственно, нигде в актах ООН не утверждается верховенство международного права, равно как и не пропагандируется верховенство внутригосударственного права. Обе системы имеют равнозначную ценность и не подчинены друг другу. При этом грань между международным и внутренним правом не стирается, поскольку это привело бы к нарушению их нормального функционирования. У каждой из этих правовых систем своя природа, своя сфера действия, свой объект регулирования и свой механизм действия. Имеет место углубление взаимодействия двух правовых систем, а не стирание границ между ними. Мы это отмечаем потому, что в ряде государств, и в частности в США, отчетливо просматривается превосходство национального права и подчинение международного права своим национальным интересам.

Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права однозначно решен в «писаном» международном праве. Так, нормы права договоров *expressis verbis* устанавливают, что участник международного договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.). Это правило относится к ка-

тегории норм общего международного права императивного характера, «которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» (ст. 53 Венской конвенции 1969 г.). Исключением из действия предписаний вышеуказанной статьи 27 Венской конвенции выступают правила статьи 46, устанавливающей возможность для государства ссылаться на положения внутреннего права как на основание недействительности его согласия на обязательность для него договора в случаях, когда положения внутреннего права касаются компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и относилось к нормам внутреннего права особо важного значения. В качестве примера хотел бы обратиться к поправкам в Конституционный закон РФ от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ¹. Данный нормативный правовой акт закрепил полномочие Конституционного суда РФ по рассмотрению вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Таким образом, Конституционный суд по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против России, принимает одно из следующих постановлений:

А. О возможности исполнения в целом или в части, в соответствии с Конституцией РФ, решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений межгосударственного договора РФ в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный суд Российской Федерации.

Б. О невозможности исполнения в целом или в части, в соответствии с Конституцией РФ, решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека...

При анализе данных поправок в Конституционный закон РФ следует согласиться с позицией профессора Л. П. Ануфриевой, которая считает, что данные изменения федерального Конституционного закона Российской Федерации в связи с попытками теоретического и нормативного обоснования неисполнения некоторых решений межгосударственных органов по защите прав человека, и прежде всего ЕСПЧ, в их содержании, как это отчетливо демонстрируется текстом, «слились воедино «гордость и предубеждение» — гипертрофированная «конституционная самоидентичность» и недооценка современного положения любого государства в мире, в котором самоизоляция если и возможна, то непрактична, а международные приоритеты: правопорядок, взаимодействие государств по всем направлениям очевидны и осознаются всеми» [2]. В этом плане многие авторы совершенно верно подчер-

¹ Федеральный Конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в федеральный Конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 284.

квивают важность для каждой страны осознания нахождения в международной среде: «Поскольку внутренняя политика во всевозрастающих масштабах оказывается несостоятельной в том, что касается возможностей в одиночку справиться с управлением важными областями общественной жизни, международное право своей главной функцией имеет выступление в качестве механизма, с помощью которого национальная политика разных государств может быть соединена в целях создания юридического механизма функционирования международной политики. Во внутренней политике данная политическая связь позволяет осуществить формирование внутривнутриполитических коалиций, которые не могут быть образованы в условиях автаркии. Международное право, таким образом, представляет собой механизм, благодаря которому издержки или выгоды одного государства могут быть использованы при принятии национальных решений другими участниками международного сообщества» [3]. Нельзя не согласиться с Л. П. Ануфриевой, что «любое противопоставление Конституции и международного договора (международного права в целом), тем более искусственное, не способно принести желаемый позитив, и здесь еще раз нелишне подчеркнуть экономическую, фактическую, политическую, а в ряде ситуаций и юридическую обязательность для каждой страны всестороннего учета нахождения в международной системе координат» [3]. Объявление верховенства как международного, так и внутреннего права само по себе контрпродуктивно, а подход к исполнению решений международного контрольного механизма по защите прав человека и соблюдению основного закона государства — его конституции — должен пролегать по вектору проведения согласования и нахождения компромисса. Более того, объявление примата внутривнутригосударственного права по отношению к международному праву способно привести не просто к тупику, а обострению международной напряженности, а главное — что должно быть дальше: «право сильного», разрешение споров путем войны и принуждения с помощью оружия, т. е. возврат назад на несколько веков? Думается, абсурдность такой постановки вопроса и диктуемой ею логики очевидна!

Литература

1. Лазутин Л. А. Право международной безопасности как отрасль современного международного права: дискуссионные вопросы // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы международного сотрудничества: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. С. 4–11.
2. Ануфриева Л. П. «Гордость и предубеждение»: российская Конституция на службе неисполнения решений ЕСПЧ? // Альманах кафедры международного права / отв. ред. К. А. Бекяшев. М.: Проспект, 2017. Вып. 7. С. 14.
3. Trachman J. P. Future of the International Law: World Government. Cambridge, 2013. P. 3.

INTERNATIONAL SECURITY AND RESPONSIBILITY

L. A. Lazutin

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of International and
European law of the Ural State law University
23, Komsomolskaya, str., Ekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: mp@usla.ru

The article deals with the crisis of the modern law of international security. It is noted that the geopolitical situation has changed, there are no international treaties and institutions that take into account such processes. It points out the need for reforming the UN in modern realities, the need to develop the concept of humanitarian intervention, the institutions of the security law, the subject of legal regulation of international security law and the definition of its methods and principles. The conflict of international and domestic law is being considered.

Keywords: international law, international security, international responsibility.

УДК 341.1/8

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

© **А. Н. Митин**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории
и практики управления,

Уральский государственный юридический университет

Россия, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23

E-mail: idom@list.ru

Россия заинтересована в интеграционных связях со странами евразийского географического пространства. Взгляд на нее в различных странах неодинаков, что влияет на развитие с ней экономических контактов или на участие в конфронтационной политике. Тем не менее предлагаются и реализуются большие международные проекты и комплексные программы с участием России, особенно по развитию транспортной инфраструктуры. Это происходит в рамках двух проектов, осуществляемых ЭСКАТО ООН: Трансазиатские железные и Азиатские автомобильные дороги. Они реализуются в Западной Европе и Азии, а также в России, Казахстане, Турции и Иране. Речь идет о транспортных магистралях с дальними расстояниями — великих транспортных коридорах между Европой и Азией.

Транспортная сеть России здесь особенно важна, а потому отечественными учеными и специалистами предложен новый мегапроект «Интегральная евразийская транспортная система». В нем наиболее перспективным признано создание ширококолейной железнодорожной линии до города Вены (Австрия) и двух транспортных коридоров «Запад — Восток» и «Север — Юг».

Полная реализация мегапроекта, при заинтересованном участии многих стран, позволяет создать самый короткий путь между азиатским побережьем Тихого океана с побережьем Атлантики.

Любая транспортная система должна быть максимально безопасна. Для этого требуются стратегические решения, инвестиции, соответствующее нормативное правовое обеспечение. Мегапроекты должны учитывать ряд угроз безопасности: использование транснациональными преступными группировками возможности транспортировки оружия и наркотиков; условия перевозки опасных грузов; внедрение современных информационных технологий, логистику и др.; но, вместе с тем, крупнейшие межгосударственные транспортные проекты чаще всего экономически выгодны, поскольку создание новых территориальных инфраструктур влияет на экономическое развитие регионов. Принимая во внимание, что в названных мегапроектах участвуют многие государства, предлагается создание целевых комплексных программ, совершенствование нормативной правовой базы по функционированию транспортных коридоров и защите национальных интересов.

Ключевые слова: интегральная евразийская транспортная система, безопасность транспортных проектов, угрозы на транспорте.

Сотрудничество России со странами евразийского пространства не может рассматриваться как самоцель. Это один из инструментов обеспечения национальных интересов, геостратегическая матрица развития на этом географическом ландшафте. Сегодня Россия — уникальное многонациональное сообщество.

щество, демократическое государственное образование, способное воспринять, а где-то даже и принять достижения других цивилизаций, других национальных культур, но не подменять ими свою историческую самобытность. Реалии современного мирового сосуществования таковы:

- Точка обзора на Россию во многих странах разная. На привычном для нас глобусе поражает ее территория, а нам представляется, что Россия велика. Но есть антиподы — глобусы (например, в Австрии, ЮАР), где нашу страну видно так же, как от нас Антарктиду [9]. Южнее экватора взгляд на нее другой.

- В некоторых государствах Азиатско-Тихоокеанского региона ее тоже часто не рассматривают в качестве державы. Демография, экономика, развитость восточных районов страны, слабость внешнеэкономических связей, бедность отдаленных поселков — все это признаки «соседа с собственной цивилизацией» — не европейской и не азиатской [1]. Получается, что мало-заметность в азиатско-технологической политике — наша слабость, определенный просчет дипломатии, управленческие просчеты власти.

- Можно назвать экономическим просчетом очень позднее внимание законодательной и исполнительной власти к целевому развитию Дальнего Востока, Курильских островов, Восточной Сибири. А ведь именно там находятся основные запасы минеральных ресурсов, но нет инфраструктуры для их добычи, глубокой переработки и транспортировки.

- Конфронтационная политика западных стран по отношению к России становится «пусковым механизмом» для изменения отечественной транспортной стратегии в контакте с государствами Евразии, с Европейским регионом. Это наиболее сложная экономическая структура, представленная в мировом хозяйстве. В ее составе: Россия и страны СНГ; страны Азии, Китай, Индия; страны Персидского залива; страны Европы и Турция. На этом пространстве год от года нарастает межгосударственная конкуренция.

Транспортная инфраструктура Евразийского региона развивается в рамках двух проектов, которые осуществляются ЭСКАТО ООН¹: Трансазиатские железные и Азиатские автомобильные дороги, что позволяет сформировать сети, охватывающие Азиатский континент. Они берут свое начало в Западной Европе и Азии, а также в странах, расположенных в центральной части этого пространства, России, Казахстане, Турции и Иране, с соединениями, созданными для перевозок на дальние расстояния и сулящими новые возможности для транспортировки.

Железнодорожные трассы остаются главными трансазиатскими маршрутами²: Транссибирская (от Балтики до Владивостока); коридор ТРАСЕКА с рядом маршрутов вдоль бывшего Шелкового пути (центральный — переход по Черному морю в порты Грузии, затем через Каспийское море и на восток, в

¹ Официальный сайт экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unescap.org>

² Межправительственные соглашения по сети Азиатских шоссе и Трансазиатских железных дорог / ЕЭК ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unescap.org>

направлении Китая; южный — через Турцию, Грузию, Азербайджан); транс-азиатский железнодорожный маршрут через Турцию и Иран, Туркменистан, Казахстан; линия Север — Юг через Иран с доступом в Центральную Азию с моря. Автомобильными дорогами покрыта вся Азия, особенно в южной части континента (Индия, Пакистан, Индокитайский полуостров)¹. Вместе с тем основной объем транзитных грузов перемещается морским путем.

Если в первом проекте можно говорить о постепенном развитии, то по проекту ТРАСЕКА реализация программ замедлилась. Выход коридора на полную мощность возможен не ранее 2020 г. [11].

Но даже несмотря на политизированность проекта, с 1993 г. реализовано несколько десятков идей в области технической помощи (региональная координация, совершенствование и гармонизация тарифов и операций на транспорте, обучение сотрудников отраслевых ведомств, разработка ТЭО, содержание, реабилитация и строительство дорог, внедрение систем управления, изменение национальных законодательств, а также инвестиционных проектов, на которые было истрачено около 200 млн дол. средств Евросоюза и более 1 млрд дол. частных инвестиций [2]. Современная же геополитическая реальность такова, что необходимо новое видение «великих транспортных коридоров» между Европой и Азией. Ученые, исследователи, политические деятели стремятся выразить свое отношение к ним, предполагая в их рамках небывалую ранее концентрацию материальных, финансовых, информационных потоков, высокое качество обслуживания и разнообразие оказываемых услуг [5].

Транспортная сеть России исторически формировалась по модели «скелет рыбы». Хребтом стал Трансиб, соединенный через Москву и Варшаву с железнодорожной системой Западной Европы. «Ребра» были направлены на север и юг, соединяя хребет с Северным морским путем и Средней Азией. Этот «хребет» стал цивилизационной осью России, и здесь складывалось целостное геополитическое образование — Евразия.

По мнению академика РАН Г. В. Осипова [10], сегодня предложен транс-континентальный мегапроект нового поколения — «Интегральная евразийская транспортная система», который позволяет создать инфраструктуру модернизированной мировой экономической системы, значительно смирить кризисные явления в действующей. Будут ликвидированы такие недостатки мировой транспортной системы, как разобщенность, ограничение доступа к мировым транспортным коридорам, слабая пропускная способность на стыке «широкой» и «узкой» железнодорожной колеи.

В контексте этого мегапроекта наиболее перспективным признано создание ширококолейной железнодорожной линии до Вены (Австрия) и двух транспортных коридоров «Запад — Восток» и «Север — Юг», а также развитие высокоскоростного и скоростного пассажирского движения по ним. Заинтересованность в этом проявили лидеры железнодорожного машиностроения — компании «Альстом», «Жейсмар», «Бомбардье», «Татравагонка», «Сименс», «Кнорр Бремзе» и др.

¹ Межправительственные соглашения по сети Азиатских автомобильных дорог [Электронный ресурс]. URL: <http://untreaty.un.org>.

Первая очередь мегапроекта предполагает строительство скоростной железнодорожной магистрали, вдоль транспортных коридоров планируется создание экономических зон с промышленным производством наукоемкого инновационного технического уклада. Транспортный коридор к США позволит в разы сократить себестоимость доставки грузов и сформировать варианты взаимовыгодного сотрудничества с «центральной коридором» и «коридором ТРАСЕКА». Хотя этот коридор остается в числе интересов НАТО, он дотируется многомиллионными инвестициями финансовых структур, поскольку расчленяет единое транспортное пространство Кавказа и Средней Азии. Это весьма важно, учитывая, что сегодня регионы России «растаскиваются» через прямые широкохозяйственные связи, минуя национальное государство. А с позиций безопасности страны ни заселение территорий, ни их экономическое развитие, ни сохранение политического пространства не могут осуществляться без надежного транспортного комплекса.

Создание Евразийской транспортной системы позволяет создать самый короткий путь через Евразийский континент, соединив азиатское побережье Тихого океана с побережьем Атлантики через туннель между Корейским полуостровом и Японией и обеспечив беспересадочное путешествие из Токио в Лондон [4].

Помимо железнодорожных и автомобильных магистралей экономически важным остается и Северный морской путь, позволяющий более чем в два раза сократить расстояние перевозки грузов, по сравнению с путем через южные моря.

Вместе с тем существуют нефизические и физические барьеры, препятствующие реализации идеи Евразийской транспортной системы. Под нефизическими понимаются нетехнические барьеры, созданные с участием человека: длительное таможенное оформление на пограничных пунктах перехода; внезапные досмотры в пути с нередкими случаями принудительного вскрытия опечатанных транзитных контейнеров; в недостаточной мере гармонизированные транзитные тарифы.

К барьерам физического характера можно отнести: устаревание локомотивного и вагонного парка; отставание по скорости прохождения маршрута по причине неразвитой инфраструктуры и информационных технологий; отсутствие развитой логистической и коммуникационной сети, пунктов придорожного сервиса и др.

Для устранения названных проблем, конечно же, требуются стратегические отраслевые документы (государственная политика в сфере развития транспортных систем), инициативы интеграционных объединений, а также инвестиционная политика государства, стремящегося к реализации своего транзитного потенциала, соответствующее законодательство.

Транспортные системы обычно относят к наиболее критическим объектам по целому ряду причин: резкое возрастание доли перевозок опасных грузов, использование транснациональными преступными группировками контрабанды оружия и наркотиков как источника финансирования терроризма, высокая степень изношенности и аварийности объектов транспортного комплекса, возможность даже единичной акцией воздействовать одновременно на большое количество людей. Транспорт в силу своего транснационального характера

стал либо средой хозяйственной деятельности международных криминально-террористических группировок, либо объектом бандитских нападений, средством политического шантажа и давления. В то же время он является инструментом развития производственного и экономического потенциала.

В апреле 2016 г. в Совете Федерации РФ состоялся научно-методический семинар о перспективах мегапроекта Трансъевразийский пояс «RAZVITIE» — «Интегральная евразийская транспортная система» (ТЕПРИЕТС), сопряженного с запущенными инфраструктурными проектами Китая: «Великий шелковый путь»¹ и «Шелковые сети». Они объединены одной экономической инициативой «Единый пояс — единый путь». В целом предполагается развитие на территории России транспортной сети, соединяющей Западную Европу с Дальним Востоком, Северной Америкой, Юго-Восточной Азией. Он включает в себя современный скоростной железнодорожный комплекс на 40 тыс. км, автомобильную трассу на 120 тыс. км и линию оптоволоконной связи на 23 тыс. км. Это основные инфраструктуры, способствующие развитию государства. Работа над ним была начата в середине 2000-х гг. с участием нескольких университетов и структур РАН. Трансъевропейский мегапроект может стать стимулом для новых организационно-правовых соглашений России с Европейским союзом, США, позволит экономически выгодно сблизить экономические системы государств-участников. В контексте экономической географии за основу при разработке мегапроекта взята «транспортная теорема», по которой развитие базовых инфраструктур позитивно влияет на экономическое развитие регионов.

Безусловно, что реализация национальных интересов России зависит от повышения конкурентоспособности отечественных трансконтинентальных маршрутов, особенно Транссиба, участия в таких транспортных коридорах, как «Шелковый путь», «Шелковые сети», ТРАСЕКА, со всем южным поясом стран ЕАЭС, предложение сотрудничества с Ираном (проект «Север — Юг») для выхода в южные моря. Не менее важен еще один экономический коридор Россия — Китай — Монголия, а также инициатива Монголии «Степной путь». Это новая транспортная инфраструктура, обустройство программных пунктов пропуска, транзитные перевозки.

В развитии евразийских транспортных маршрутов заинтересована Индия, в первую очередь по проекту «Север — Юг» и в направлении Афганистана, минуя Пакистан. Для нее — это основа расширения сотрудничества с государствами Евразии.

По вполне понятным причинам любой проект должен предусматривать обеспечение безопасности. Безопасность формулируется как состояние защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах человеческой деятельности [7]. Состояние защиты — совокупность количественных и качественных параметров, характеризующих защиту этих жизненно важных интересов.

¹ SilkRoadFund. Overview. URL: <http://www.silk-roadfund.com>; China to establish \$40 billion Silk Road infrastructure fund. Sat // REUTERS. 2014. Nov. 8. URL: <http://www.reuters.com>.

Федеральным законом РФ от 9 февраля 2007 г. №16-ФЗ «О транспортной безопасности»¹ определено и основное понятие — «обеспечение транспортной безопасности». Это реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса соответствующим угрозам совершения актов незаконного вмешательства — противоправных действий (бездействий).

Исследования показывают, что наиболее вероятными и существенными факторами, создающими реальную и потенциальную опасность для Евразийских транспортных проектов, являются [8]:

- угрозы в сфере экономики (нарушение производственных связей, потеря рынков сырья, материалов, энергоносителей, готовой продукции, возрастание стоимости транспортных перевозок, перегруженность транспортных магистралей, передел форм собственности с участием криминальных структур и др.);

- техногенные угрозы (нарушения технической и технологической дисциплины, аварии на всех видах транспорта с выбросом опасных веществ и возникновением обширных площадей заражения, загрязнения и возгорания (ионизирующие излучения, химические опасные вещества, сильнодействующие ядовитые вещества, боеприпасы) и др.;

- угрозы экологическим системам (увеличение количества автотранспорта с высоким уровнем загрязненности выхлопных газов, опасные загрязнения гидросферы, техногенные загрязнения литосферы вследствие отсутствия эффективных технологий утилизации радиоактивных, химических, промышленных и бытовых отходов, изменения состояния почв, недр, ландшафтов в результате антропогенного воздействия, нарушения природоохранного законодательства и др.);

- угрозы в сфере законности и правопорядка (насилие и терроризм как инструмент влияния на принятие решений органами государственной власти, рост числа особо тяжких и корыстных преступлений, криминализация предпринимательства, высокий уровень коррупционности представителей органов управления и устойчивая тенденция криминализации властных структур, переход под контроль криминальных групп финансово-кредитной сферы и транспортных коридоров, увеличение объемов наркотрафика, несбалансированность принимаемых межведомственных программ по обеспечению транспортной безопасности и др.).

Эта классификация угроз может быть продолжена, но в любом случае идея создания Евразийского транспортного пространства должна быть сопровождена несколькими целевыми комплексными программами безопасности на транспорте национального и интернационального уровней. Как представляется, они могут быть сформулированы следующим образом [6]:

- в сфере экономической безопасности:

повышение уровня надежности эксплуатируемой техники и применение ее новых видов; сокращение убыточности пассажирских перевозок; поддерж-

¹ Российская газета. 2007. № 4294. 14 февр.

ка инвестиционных программ развития транспорта государством; стимулирование повышения эффективности работы, особенно через соотношение между ростом производительности труда и заработной платы и др.;

- в сфере транспортно-технологической безопасности:

модернизация нормативной правовой базы, регламентирующей правовые отношения в сфере транспорта и в области обеспечения безопасности на транспорте, возможно, через разработку Транспортного кодекса РФ; внедрение современных технологий и технических средств обеспечения безопасности населения на транспорте (интеллектуальные системы охраны объектов, видеонаблюдения, фиксации нарушений, автоматизированные системы контроля и управления доступом, металлодетекторы, газоанализаторы паров взрывчатых веществ, рентгенотелевизионные установки и др.); адаптация имеющегося и разработка нового специального оборудования, выдающего информацию о наличии опасных факторов единого стандарта, а также разработка программного обеспечения, способного осуществлять их комплексный анализ и на его основе выдавать сигналы управления на исполнительный механизм системы контроля и управления доступом и др. [3];

- по обеспечению безопасности с применением уголовно-правовых и криминологических средств:

предупреждение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, которые целесообразно в целевой программе разделить на три основные группы, исходя из особенностей рассматриваемых составов преступлений:

1) преступления, совершаемые лицами, непосредственно управляющими транспортными средствами и ответственными за их техническое состояние: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта (ст. 263 УК РФ), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ);

2) преступления, совершаемые лицами, обеспечивающими надлежащие условия для безопасности движения и эксплуатации транспортных средств: недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ); нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ);

3) преступления, совершаемые иными лицами, призванными способствовать обеспечению безопасности транспортной деятельности: приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ).

Меры уголовно-правового характера по предотвращению угроз жизни и здоровью людей на транспорте имеют особую важность. Механический транспорт, с одной стороны, величайшее благо для человеческого общества, а с другой — источник тяжелых, а подчас и трагических последствий при неправильном использовании. Российское законодательство правомерно признает транспорт источником повышенной опасности.

По объективной стороне преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта в своем содержании являют заведомое нарушение установленных на транспорте правил безопасности. Эти правила носят многоуровневый характер: законы, правительственные постановления, ведомственные приказы, инструкции. Это вынудило законодателя сделать нормы

об ответственности за транспортные преступления бланкетными, следовательно, для установления наличия состава конкретного преступления всякий раз необходимо обращаться к законам и другим нормативным актам.

Принимая во внимание, что в любом мегапроекте будут участвовать многие государства, предлагается создание нескольких целевых комплексных программ, в которых можно было бы консолидировать нормативную правовую базу всех участников, а также прописать конкретные организационные мероприятия, определить источники финансирования.

В целом можно говорить об остром международном соперничестве за участие в транспортных трансграничных проектах, что неизбежно затрагивает сферу геополитических интересов стран, их борьбу за рынки сбыта своей продукции, обостряет политические и международно-правовые противоречия, заставляя использовать все более жесткие формы защиты национального суверенитета, развивать совершенно новую систему многосторонних договоренностей, опережающую современное международное право.

Литература

1. Akaha T. A. Distant Neighbor. Russias Search to Find Lts Plase in East Asia // Global Asia. Summer. 2012. P. 1–14.
2. Баженов Ю. Международные транспортные коридоры как фактор интеграции пространства Евразии [Электронный ресурс] // Идеология Евразийского союза. Санкт-Петербург, 2012. 15 мая. URL: ruskline.ru (дата обращения: 02.08.2016).
3. Егорушкин И. Н. К вопросу о совершенствовании системы обеспечения безопасности на транспорте [Электронный ресурс] // Транспортная безопасность и технологии. 2011. № 2. С. 32. URL: <http://www.securpress.ru> (дата обращения: 02.08.2016).
4. Катляр Н. В. Российские регионы в мировой транспортной системе (геополитические аспекты) // Вестник Челябинского госуниверситета. 2011. №14(229). Вып. 10. Политические науки. Востоковедение. С. 17–24.
5. Кузнецов М. М. Особенности развития современной транспортно-логистической инфраструктуры // Ученые записки Таврического нац. университета. Сер. Экономика и управление. 2011. Т. 24(63), № 2. С. 112–122.
6. Митин А. Н. Обеспечение эффективного управления процессами укрепления национальных интересов России при развитии сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона // Международный журнал. 2016. № 2. С. 74–78.
7. Митин А. Н., Кузнецов П. У. Концепция общественной безопасности Свердловской области. Екатеринбург, 2006. 100 с.
8. Митин А. Н., Кузнецов П. У. Концепция общественной безопасности Свердловской области. Екатеринбург, 2006. С. 10–20.
9. Никонов В. А. Российская матрица: учебник. М.: Русское слово, 2014. С. 856.
10. Осипов Г. В. Мегапроект «Интегральная евразийская транспортная система» (социальные и геополитические аспекты) [Электронный ресурс] // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2011. № 18(430). URL: <http://www.budjetrf.ru> (дата обращения: 02.08.2016).
11. Баженов Ю., Гроин А. Международный транспортный коридор «Север — Юг» как фактор интеграции евразийского пространства [Электронный ресурс]. 2012. 5 июня. URL: <http://www.casfactor.com> (дата обращения: 02.08.2016).

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
AND SECURITY OF THE TRANSPORT INFRASTRUCTURE
OF THE STATES OF THE EURASIAN SPACE

A. N. Mitin

Doctor of Economics, professor, head of the theory and practice
of management of the Ural State Law University
23, Komsomolskaya, str., Ekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: idom@list.ru

Russia is interested in integrating ties with the countries of the Eurasian geographic space. The view on it in different countries is not the same, which influences the development of economic contacts with it or participation in confrontational politics. Nevertheless, large international projects and comprehensive programs with the participation of Russia are proposed and implemented, especially for the development of transport infrastructure. This takes place within the framework of two projects implemented by UNESCAP: the Trans-Asian Railway and the Asian Highway. They are implemented in Western Europe and Asia; And also in Russia, Kazakhstan, Turkey and Iran. We are talking about highways with long distances - the «great transport corridors» between Europe and Asia.

The transport network of Russia is particularly important here, and therefore a new megaproject «Integral Eurasian transport system» was proposed by Russian scientists and specialists. The most promising is the creation of a wide-gauge railway line to Vienna (Austria) and two transport corridors «West-East» and «North-South».

The full implementation of the megaproject, with the participation of many countries, allows the creation of the shortest path between the Asian coast of the Pacific Ocean and the Atlantic coast.

Any transport system should be as safe as possible. This requires strategic investment decisions, appropriate regulatory legal support. Megaprojects must take into account a number of security threats: the use of transnational criminal groups to transport weapons and drugs; Conditions for the carriage of dangerous goods; Introduction of modern information technologies, logistics, etc., but at the same time, the largest interstate transport projects are most economically profitable, as the creation of new territorial infrastructures affects the economic development of the regions.

Taking into account that many megaprojects participate in the mentioned megaprojects, many states are proposed to create targeted integrated programs, improve the regulatory framework for the functioning of transport corridors and protect national interests.

Keywords: integral Eurasian transport system, security of transport projects, threats on transport.

УДК 341.162

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ОТ БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОИЗВОЛА

© Карл Экштайн

доктор юридических наук, профессор, адвокат и нотариус, почетный консул РФ
Швейцария, Роршарх, ул. Постфач, 120
E-mail: karl@advokat.best

Рассматривается несовместимость российского менталитета и практики Европейского суда по правам человека. Обосновывается идея создания наднационального международного суда в рамках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Евразийский экономический союз, права человека.

После Второй мировой войны европейцы стремятся, чтобы ужасы, происходившие в концлагерях гитлеровской Германии, никогда больше не повторились. Они создали Европейский совет, который принял различные конвенции, касающиеся прав человека, запрета пыток и т. д. Государства Европы подписали Конвенцию о защите прав человека и в качестве наднациональной надзорной инстанции учредили Европейский суд по правам человека, расположенный в Страсбурге. Государства, в т. ч. Россия, обязались признавать и выполнять его постановления.

Несомненно, является очень хорошей и заслуживает всяческих похвал идея, что никакое диктаторское государство больше не должно безнаказанно совершать такие зверства, как это делали нацисты. Граждане, которые считают, что национальное государство не защищает их элементарных, гарантированных конституцией основных прав, должны иметь возможность обратиться в международный суд, который сможет проверить соблюдение этих элементарных основных прав. И несомненно, можно только приветствовать идею, что какая-то инстанция, стоящая над национальными государственными аппаратами, сможет осуществлять контроль за бесчеловечным государственным произволом.

Вот только при этом возникают следующие вопросы: до какой степени такой суд может вмешиваться во внутренние дела государства? Насколько эти судьи должны уважать возникшие демократическим путем правила какого-либо государства? Где заканчиваются полномочия этих судей? Где начинается грубое нарушение признанных во всем мире основных прав? И, пожалуй, самый важный вопрос: насколько судьи в своих решениях должны ориентироваться на культурные особенности отдельных государств?

В этом отношении в сегодняшней ситуации с Судом по правам человека в Страсбурге есть серьезные недостатки. Этот суд представляет западноевропейский идеал строгого индивидуализма, ориентируясь только на права отдельного индивидуума. Такая концентрация на правах индивидуума скрывает многие недостатки, которыми сейчас страдает западноевропейское общество: одиночество людей и растущий эгоизм. Россия, однако, является евразийской страной. Большая часть России не относится к Европе. Русская культура не

является чисто европейской: она носит евразийский характер. Евразийская культура не является культурой эгоистичного одинокого индивидуума. Это культура со существенными коллективистскими чертами. Традиционно индивидуум не мог выжить один в суровых климатических и географических условиях. Выжить можно было только сообща, скоординировав общие силы. Вот только несколько примеров постановлений, вынесенных Страсбургским судом в отношении Швейцарии.

- среди молодых людей, покинувших родительский дом и не имевших возможности оплачивать собственную квартиру, в последнее время было принято собираться в группу и где-нибудь занимать пустующий дом (освобожденный хозяином для ремонта). Это, конечно же, было незаконно и всегда приводило к конфликтам с полицией. И вот эти сквоттеры, чтобы получить статус организации, создали объединение. Швейцарские суды постановили распустить это объединение, поскольку оно преследовало противозаконные и антиконституционные цели. Европейский суд по правам человека объявил этот запрет объединения нарушением прав человека. Тем самым Страсбургский суд установил право человека на незаконное заселение.

- Один мужчина хотел изменить пол и стать женщиной. Швейцарский фонд обязательного медицинского образования в принципе был готов оплатить операцию по смене пола, однако только по истечении двухлетнего наблюдательного периода. Однако мужчина торопился и не хотел ждать два года. Поэтому фонд медицинского страхования отказал в погашении расходов. Страсбургский суд объявил отказ в погашении расходов нарушением права человека, хотя в Конвенции даже не упоминается обязанность по организации обязательного медицинского страхования.

- Швейцария является членом Шенгенского соглашения. Оно предусматривает, что обеспечение беженцев и обработка ходатайств о предоставлении убежища должны осуществляться первым государством, в которое въехали беженцы без визы. Один беженец со всей семьей приехал из Северной Африки в Италию, а затем поехал дальше в Швейцарию. В соответствии с Шенгенским соглашением Швейцария хотела выслать этих беженцев обратно в Италию. Однако, вопреки ясному тексту Шенгенского соглашения, Страсбургский суд постановил, что эта депортация нарушает права человека, так как в Италии якобы не гарантированы уход за детьми соответствующего возраста и предоставление жилья надлежащего качества. В последнее время Страсбургский суд все больше проявляет себя как в высшей степени сомнительная инстанция.

1. Судьи позволяют себе игнорировать решения демократически избранных парламентов и отменять их законы.

2. Суд проповедует «динамическое развитие права». Что это означает на практике? Судьи больше не придерживаются текста и первоначального смысла конвенции, а хотят навязать всем государствам-участникам свое видение новой справедливости: они хотят создать новый мировой порядок, который больше не сможет понять большинство жителей государств-участников.

3. Однако формально суд больше не придерживается собственных правил: мотивировочные части постановлений составлены порой хуже, чем в какой-нибудь банановой республике.

Формуляр отказа: хорошо обоснованные жалобы, над которыми опытные адвокаты часто работают неделями, отклоняются банальным односторонним стандартным формуляром, в котором написано только следующее: «В соответствии со ст. 35 Конвенции отказать в принятии жалобы. Это решение окончательное и обжалованию не подлежит». И не приводится никакого индивидуального обоснования. Суд даже не пытается подогнать формуляр под пол заявителя. Несмотря на то, что один такой формуляр был адресован в мой офис для госпожи ХУ, в тексте постановления было написано «уважаемые господа». Суд постоянно обвинял государства в том, что добивающимся своих прав гражданам приходилось слишком долго ждать решений суда.

После подачи жалобы в Европейский суд в Страсбурге я в одном деле должен был ждать решения более девяти лет. Подводя итог, я хотел бы сказать, что у России есть все основания прекратить членство в Европейском совете и, соответственно, подчинение Европейскому суду по правам человека в Страсбурге. Как уже было сказано, я считаю целесообразным иметь наднациональную инстанцию, которая могла бы отменять произвольные и бесчеловечные решения государственных судебных органов.

Однако такой суд, которому будет подчиняться также Россия, должен будет соответствовать, например, следующим критериям:

- Суд сможет отменять только являющиеся грубым произволом, бесчеловечные решения национальных судебных инстанций.
- Суд в своих постановлениях должен будет учитывать национальные и культурные особенности страны.
- При защите индивидуума всегда необходимо будет учитывать его обязанности по отношению к сообществу, коллективу. Суд всегда должен будет взвешивать интересы коллектива по отношению к интересам индивидуума.

Я бы предложил создать такой суд в рамках Евразийского экономического союза. Правда у этого союза уже есть суд, занимающийся экономическими вопросами. Однако было бы целесообразно кроме него создать еще один суд для контроля за защитой индивидуума от бесчеловечного произвола со стороны государства. Такой суд должен опираться на конвенцию, разработанную совместно членами Евразийского экономического союза. Так как я знаю, что юридический факультет Бурятского государственного университета занимается темами евразийской кодификации норм права, у меня следующая идея: факультет должен разработать проект такой конвенции.

INTERNATIONAL PROTECTION FROM INHUMAN TYRANNY OF THE STATE

Carl Eckstein

D. Yu.N., Professor, lawyer and notary honorary Consul of the Russian Federation
120, Postfach str., Rorschach, Switzerland
E-mail: karl@advokat.best

The article discusses the incompatibility between the Russian mentality and practice of the European court of human rights. Substantiates the idea of creating a supranational international court of justice in the framework of the Eurasian economic Union.

Keywords: European court of human rights, the Eurasian economic Union, human rights.

УДК 347.6

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

© **Ж. Амарсанаа**

академик, заслуженный юрист Монголии, советник,
Национальный юридический институт
Монголия, Улан-Батор, Бага тойруу, Сухбаатар дуурэг, 1
E-mail: vanchigmaa9194@gmail.com

© **М. Ванчигмаа**

докторант,
Монгольский правоохранный университет
Монголия, Улан-Батор, Бага тойруу, Сухбаатар дуурэг, 1
E-mail: vanchigmaa9194@gmail.com

Одними из старейших, традиционных отношений, возникших в разных традициях с момента создания частного имущества и семьи, являются наследственные отношения. В соответствии с работами исследователей в период господства матриархата граждане передавали свое имущество по наследству лицам, связанным по линии крови [1, с. 13]. В то время наследственные отношения регулировались внутренними обычаями, защищенными старшими поколениями [2, с. 37]. С развитием общества наследственные отношения стали регулироваться законодательством, наследовалось не только материальное имущество, но и права, обязанности, право на интеллектуальную собственность, вследствие чего формировалась основа современного наследственного права.

Ключевые слова: наследство, наследственное имущество, наследник, наследодатель.

Монголы с древних исторических времен регулировали общественные отношения, о чем свидетельствуют исторические источники. В «Старинном монгольском сказании» содержится положение о регулировании наследственных отношений, что «после смерти Алунгуа ее сыновья Билгуудэй, Билгуунтэй, Бухатусалжи разделили между собой скоты, а Бодончару не дали причитающуюся ему долю» [3, с. 12]. После этого в Большой Ясе, Вводном кодексе Великой Юании, Законе халхов и прочих источниках наследственные отношения хорошо регулировались, согласно общественным желанием населения.

В 1911 г. в Монголии победила народная революция национальной свободы, а в 1924 г. Монгольская Народная Республика утвердила свою первую конституцию. В ст. 5 Конституции указано: «Конституция предназначена для защиты свободы всего населения, для создания народной революционной армии в целях предотвращения насилия иностранных врагов, создания условий для обучения молодых солдат» [1, с. 118–127]. Иными словами, Конституция закрепила основные права граждан. С 1926–1929 гг. Гражданский кодекс классифицировали по разделам [4, с. 56].

В ст. 29 «О наследстве какого-либо имущества» Гражданского кодекса Монголии названы законные наследники, которые вправе напрямую наследовать имущество покойника.

В случае если наследником является монах, он должен доказать, что в дальнейшем он будет продолжать развитие сельскохозяйственного имущества. Только в этом случае монаху разрешается наследовать имущество. Вышепоставленным монахам, феодалам запрещается наследовать общественное народное имущество по завещанию или передавать его.

Положение о том, что наследник в дальнейшем будет продолжать увеличивать сельскохозяйственное имущество, предназначено для защиты имущественных прав и наследственного имущества, целесообразного наследования имущества. В ст. 515.2 действующего Гражданского кодекса целесообразно добавить следующие положения: «Наследник несет ответственность в пределах полученного наследства, если докажет то, что он в дальнейшем будет продолжать развивать отдельное имущество, ему разрешается передать наследственное имущество» ... «Вышепоставленным монахам, феодалам запрещается наследовать общественное народное имущество по завещанию или передавать его». Из этого положения можно наглядно видеть, какими были нормы закона по защите прав и свобод граждан. Действующие положения Гражданского кодекса Монголии закрепили право не совершать дискриминацию по социальному положению, должности, религиозному убеждению населения¹. А также указано положение о том, что при наследовании имущества администрация сомона, судебные органы взыскивают налоги и после этого передают имущество наследнику. При передаче имущества для зачета задолженности наследника другим лицам, при конфискации государством имущество налогом не облагается. Из этого следует, что в других случаях наследственное имущество облагается налогом.

Из указания о необложении налогом наследственного имущества при передаче имущества для зачета задолженности можно считать, что в прежнее время наследственное имущество облагалось налогом. В действующем Налоговом кодексе также указано взыскание налога с наследственного имущества². Однако каким будет размер налога, не определено.

Из практики наследственного права Японии тоже можно видеть, что наследственное имущество облагается налогом. При наследовании не по закону, а по завещанию незаконным наследникам размер налога на наследство увеличивается. Считается, что данное положение закона имеет важное значение для защиты от неправомерного обогащения и неэтических действий.

Ранее завещания заверялись баронами, князьями, теперь уполномоченным лицом, заверяющим завещания, стала местная администрация. Возложение обязанности заверения сделок, договоров на Министерство юстиции с 1925 г. создало основу для деятельности современных нотариусов, и они впервые в истории стали заверять завещания.

Гражданский кодекс 1926 г. на основе опыта некоторых зарубежных стран закрепил положения, регулирующие наследственные отношения, защиту прав наследников, которые ранее не были установлены в письменном виде, хотя население исторически ими руководствовалось.

¹ П. 2 ст.14 Конституции Монголии... с. 14.

² Ст. 7, 4, 16 Налогового кодекса Монголии.

В Гражданском кодексе 1952 г. содержался раздел из 20 статей, регулирующих наследственные отношения, причем некоторые положения были усовершенствованы и созданы новые. Рассмотрим некоторые из них. Если наследственные отношения не изменились по завещанию, то эти отношения регулировались бы по закону. Положение статьи «Наследство по закону» распределяет его поровну между законными наследниками на основе очереди. Разъяснения настоящей статьи имеют одинаковое значение с действующим положением Гражданского кодекса о том, что если завещанием иное не указано, наследство распределяется поровну между наследниками [5, с. 438].

Положение предыдущего закона о том, что форма завещания может быть письменной и устной, было изменено. В настоящее время завещание составляется только в письменном виде, свидетельство о наследовании заверяется нотариусом, а в местностях, где нотариус не работает, наследник вправе обратиться в суд с исковым требованием о заверении [6, с.154]. Это первое законодательное положение, подробно регулирующее форму и заверение завещания.

Положение «Вкладчик ценных бумаг может определенное время вкладывать, хранить ценные бумаги, облигации в Центральном банке Монголии, в государственной кассе депозита» разъясняет, что наследник может письменно обратиться в государственную кассу депозита или в Центральный банк Монголии о передаче ему ценных бумаг, облигаций, переходящих ему по наследству, что предназначено для защиты права наследодателя.

Информацию о наследниках не печатают в СМИ и не извещают иным образом. Если наследник неизвестен или же наследником является несовершеннолетнее лицо, местная администрация или нотариус с момента получения информации о смерти наследодателя принимают меры по защите наследственного имущества до явки наследников, но срок защиты наследства не должен превышать 10 месяцев. Если в течение 10 месяцев с момента открытия наследства наследники не явились или отказались от имущества, не указав о передаче имущества в государственное управление или другим лицам, то данное имущество считается имуществом без хозяина и передается в государственную собственность. Подлежащая уплате задолженность собственника наследственного имущества, перешедшая в государственную собственность, по желанию наследника, по завещанию или при отказе наследника от имущества подлежит исполнению наследником в размере унаследованной доли. Если истец обратился в суд с исковым требованием в срок исковой давности, наследники обязаны удовлетворить его требования. Это положение является одним из важнейших условий защиты прав наследников.

Гражданский кодекс Народной Республики Монголии 1963 г. регулирует наследственные отношения в 7-м разделе, включающем 24 статьи. Согласно этому закону, если лица, имеющего право на наследство, нет в живых на момент открытия наследства, то имущество передается лицам следующей очереди. Только в том случае, если о наследстве не указано иное в завещании, совершается наследование по закону. Новшеством данного кодекса является то, что в качестве наследников названы правнуки, правнучки.

В настоящем кодексе указано следующее новое, ранее не существовавшее положение: в местностях, где не работают нотариусы, завещание подлежит

заверению командиром, руководителем, начальником местной администрации, армии; завещания лиц, находящихся в больнице, санатории, могут заверяться руководителем, главврачом, дежурным врачом; завещание лиц, работающих над геологическим исследованием в степи, заверяется руководителем, а завещание находящихся в местах лишения свободы подлежит заверению руководителем места лишения свободы. Это положение также является заимствованием из зарубежного опыта.

Несовершеннолетний или нетрудоспособный ребенок, ребенок, рожденный после смерти наследодателя, а также нетрудоспособные муж, жена, родные и приемные родители, лица, находящиеся на иждивении, независимо от содержания завещания имеют право наследовать не менее $\frac{2}{3}$ доли, обязательно причитающейся законному наследнику. В ст. 383 указано, что при определении размера обязательного наследования [7, с. 179] учитывается обычный износ имущества, денежные средства в депозите (депозитный счет) в банках Монгольской Народной Республики [5, с. 296]. В действующем законодательстве данный размер изменен, доля, подлежащая обязательному наследованию, равна $\frac{1}{3}$.

Завещание составляется в письменном виде. В нем обязательно указывается место, дата составления и заверения, нотариальная контора. Если такая контора отсутствует, завещание подлежит заверению исполнительным директором Совета народных депутатов. А также законодательно указано, что завещатель в любое время может изменить содержание завещания или отозвать его.

Также в законодательстве указано, что если душеприказчик принял на себя обязанность по выполнению завещания и подписал завещание или подпись душеприказчика представлена в отдельном документе, который приложен к завещанию, он обязан выполнить поручение наследодателя.

Запрещается принимать наследство при определенном условии, ибо принятие наследственного имущества считается переданным наследнику с момента открытия наследства [5, с. 296.] Данное положение является особым указанием по напоминанию наследнику о его правах и обязанностях.

Статья 391 Гражданского кодекса 1963 г. гласит: «Наследник может управлять, владеть наследственным имуществом, не дожидаясь других наследников. Однако в течение одного года с момента открытия наследства он не имеет права продавать, дарить, закладывать наследственное имущество». Эта статья защищает права наследников.

Также в данном кодексе были закреплены подробные положения, такие как принятие наследства, отказ от него, порядок выдачи свидетельства о наследстве, распределение имущества, защита имущества. В данном кодексе круг субъектов, имеющих право на наследство, был расширен. Следует сделать вывод о том, что данный кодекс предназначен для реализации, подробным, понятным обычными гражданами и призван регулировать обычные общественные отношения.

В 1994 г. была утверждена новая редакция Гражданского кодекса. Ст. 6 «Право наследства» и седьмой раздел, состоящий из 25 статей настоящего кодекса, содержат положения, регулирующие наследственные отношения. Положение предыдущего кодекса «В случае смерти лица, не являющегося членом сельскохозяйственной ассоциации, не возникает вопроса о насле-

довании его имущества» было удалено в новой редакции кодекса, что связано с приватизацией всех видов скота, ликвидацией ассоциации.

Наследование прав на интеллектуальную собственность определено в течение 50 лет. Предметы, предназначенные для хозяйства, дом, домашние вещи, независимо от их признаков и очереди законных наследников, переходят лицу, совместно проживающему вместе с наследодателем в момент смерти. Это положение закреплено в действующей редакции Гражданского кодекса Монголии. Душеприказчик обязан принять все необходимые меры для выполнения поручения по завещанию, а если в связи с принятием таких мер затрачены деньги, он вправе вычесть их из наследственного имущества.

Положение о разрешении заверения завещания префектом сомона в местностях, где не работает нотариус, а также руководителем места лишения свободы было изменено и количество субъектов по заверению было уменьшено.

Положения ранее действовавшей редакции Гражданского кодекса полностью сохранились, однако особенностью данной редакции кодекса стало то, что даны определения понятий, использованных в законе, а также целесообразно использованы понятия.

В 2002 г. была утверждена ныне действующая редакция Гражданского кодекса, которая упразднила предыдущие структуры закрытого общества, не признающего права и свободы граждан, провозгласила демократию, права, свободы граждан, закрепила законодательную основу частной собственности, предназначенной для обеспечения регулирования рыночного общества. Действующая редакция Гражданского кодекса сохранила предыдущие положения, касающиеся наследственных отношений.

В ранее действовавшей редакции Гражданского кодекса в качестве второй очереди законных наследников указаны трудоспособные родители, а в действующей редакции, независимо от трудоспособности, родители являются законными наследниками первой очереди.

В случае наследования имущества лицу, не являющемуся законным наследником, несовершеннолетний или нетрудоспособный ребенок, ребенок, рожденный после смерти наследодателя, а также нетрудоспособные муж, жена, родные и приемные родители имеют право на наследство в размере не менее 1/3 части доли, подлежащих наследованию. В ранее действовавшей редакции этот размер был равен 2/3 наследства.

Положение ранее действовавшей редакции Гражданского кодекса о заверении завещания руководителем места лишения свободы имеет равную юридическую силу с деятельностью нотариуса, кроме того, был добавлен еще один пункт: завещания граждан, находящихся на борту корабля, могут быть заверены капитаном судна.

Из вышесказанного следует, что отрасль наследственного права в нашей стране еще достаточно не развита, основывается на ранних положениях, т. к. с момента утверждения первой редакции Гражданского кодекса в 1926 г. более 90 лет в закон не вносились существенные изменения, связанные с наследственными отношениями. Иными словами, эти отношения не были своевременно узаконены.

Предложения и выводы. Вместе с действительным признанием частной собственности в Монголии вопросы наследства имеют важное значение, пра-

ва и обязанности, связанные с наследственными отношениями, все более часто стали занимать особое, важное место в жизни каждого человека. В связи с этим количество споров, связанных с наследством, год от года постепенно растет. Поэтому ниже приведены некоторые предложения, связанные с актуальными вопросами, возникающими на практике.

В ст. 528 Гражданского кодекса закреплены положения об отказе от наследства. Считается обоснованным продлить установленный законом срок. В этой статье говорится о возможности продления судом срока, если имеются уважительные причины. Однако разъяснение Верховного суда требует ограниченного перечня обстоятельств уважительных причин¹. Поэтому представляется необходимым продление данного срока.

В ст. 532 указывается распределение наследства. При этом все наследники собираются, обсуждают и договариваются между собой о распределении наследства, и после нотариус выдает свидетельство о наследстве. Однако возникают спорные ситуации, когда нотариусы тщательно не проверяют информацию обо всех наследниках и выдают ошибочные свидетельства о наследстве [8, с. 38]. В связи с этим заверение права и обязанности душеприказчика, указанное в ст. 526 Гражданского кодекса, обеспечивают действительность завещания. В этом случае между наследниками не возникает споров, наследники будут осведомлены о незавершении срока получения наследства, а также будут защищены права и интересы детей, рожденных вне брака и от разведенных родителей.

Хотя был утвержден закон о получении гражданами земельных участков², в этом законе не указан порядок и процесс их получения. В Гражданском кодексе нашей страны указаны такие правовые институты, как залог недвижимого имущества (ст. 165–181 Гражданского кодекса), ограничение права собственности на недвижимое имущество (сервитут — ст. 151 Гражданского кодекса), но не указан порядок разрешения проблем, связанных с наследованием заложенного недвижимого имущества, земельного участка, ограниченного сервитутом.

Статья 517 Гражданского кодекса об утрате права на наследство имеет важнейшее значение. К утрате права на наследство относят составление завещания перед смертью наследодателя или изменение содержания завещания, намеренное создание условий, приводящих к смерти наследодателя, мошенничество, составление завещания наследодателем под угрозой сил со стороны других лиц, а также оказание нотариальных услуг по льготной цене либо освобождение от уплаты вознаграждения нотариусу в отношении лиц, относящихся к уязвимой группе населения или пенсионерам. Совершенствование системы оплаты вознаграждения нотариальных услуг создает условия для увеличения заверений в интересах граждан.

Если в Испании, Италии Голландии требуется нотариальное заверение запроса о получении наследства, в Монголии наследство предоставляется наследнику по его письменному запросу. С другой стороны, наша страна мо-

¹ Постановление Верховного суда Монголии. 2006. № 33. 3 июля.

² Закон о получении земельных участков гражданами. Улаанбаатар, 2002.

жет использовать и реализовать опыт названных государств и полностью защищать права наследников.

Право на наследство граждан закреплено конституцией. Автором данной работы был исследован опыт зарубежных стран в целях усовершенствования наследственного права. Самой интересной считается ситуация во Франции. Суды Франции делают сборники для нотариусов, содержащие ситуации, споры различного рода, касающиеся наследственных отношений, что имеет важное значение для деятельности нотариусов, а также подчеркивают обязанности нотариусов. Наша страна может исследовать и реализовать опыт зарубежных стран.

Литература

1. Lan Samantha Chang // Inheritance. NY, 2010. 302 p.
2. Ануфриева Л. Т., Беляшев К. А., Дмитриева Г. К. Международное частное право. М., 2005. С. 37.
3. Монгол хууль / Э. Авирмэд, Д. Дашцэдэн, Г. Сувд. Улаанбаатар, 1997. С. 12.
4. Гражданское законодательство Монголии: ист. сб. Улаанбаатар, 2012. С. 56.
5. Амарсанаа Ж., Баярсайхан Б. Исторический сборник монгольского законодательства: в 16 т. Улаанбаатар, 2010. Т. 16. С. 438; Т. 4. С. 296.
6. Доржпалам Х. Некоторые вопросы регулирования Гражданского кодекса Монголии. Улаанбаатар, 2012. С. 154.
7. Ершова Н. М. Вопросы семьи в гражданском праве. М.: Юридическая литература, 1977. С. 179.
8. Янжинхорлоо Д. Исследования разрешения жалоб и ходатайств, адресованных в нотариальную контору Монголии (1997–2010). Улаанбаатар, 2013. С. 38.

THE INHERITANCE LEGAL ENVIRONMENT

J. Amarsanaa

Academician the legal adviser of the national institute of justice
1, Suhbaatar dureg, Bahturuu, Ulan-Baatar, Mongolia

E-mail: vanchigmaa9194@gmail.com

M. Vanchigmaa

Lawyer N and B law firm (partnership with limited responsibility)
doctorate candidate of the Law enforcement university of Mongolia
1, Suhbaatar dureg, Bahturuu, Ulan-Baatar, Mongolia

E-mail: vanchigmaa9194@gmail.com

One of the traditions which is inherited from the history on the family background and a private property is a hereditary relationship. According to the researchers' articles and historical affiliations, the heritage was inherited on the the hereditary situations since date from the Motherhood in the Era for the human civilization. The rules had been governing the succession of the inheritance, were the customs among the tribal society and the custom of this theory were been protected on the laws from first to next generation as well as by the tribal leaders. It had been legalized and regulated to meet the needs of the community during the social development, and the heritage was not only the material, but concerned not to restricted on the successors or survivors' rights, demands and intellectual property which are can be inherited, and then became the foundation of the current legal relationship and the beginning of the legislative environment. The historical developments in inheritance rights, as well as some of the issues in practice or experience have been incorporated into this researching articles and the findings of the researcher have defined under scientific investigation on the legal environment.

Keywords: inheritance, inherit, successor, survivor.

УДК 343.352.4

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

© С. С. Босхолов

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
Всероссийский государственный университет юстиции Минюста России
Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4
E-mail: sboskholov@yandex.ru

Рассматриваются вопросы противодействия коррупции, связанные, прежде всего, с финансовыми и экономическими аспектами, проблемные ситуации в этой сфере, финансовые и экономические инструменты (меры) противодействия коррупции. Анализируется антикоррупционное профилактическое законодательство, рассматриваются правовые механизмы его применения. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие те или иные положения о применении экономических и финансовых мер противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, стратегия противодействия коррупции, меры профилактики коррупции, экономические меры профилактики коррупции, финансовые меры профилактики коррупции, контроль за соответствием расходов доходам.

Проблемам противодействия коррупции в научной литературе уделяется много внимания. Написан ряд глубоких, фундаментальных работ, посвященных политическим, социально-правовым, криминологическим, уголовно-правовым, нравственно-психологическим и иным аспектам коррупции. Сделаны попытки формирования государственной антикоррупционной политики, определения ее основных направлений, выбора мер и средств противодействия коррупции. С определенным удовлетворением можно отметить, что в Российской Федерации создано и функционирует антикоррупционное законодательство профилактической направленности. Есть отдельные положительные подвижки и в правоприменительной практике, в т. ч. в практике уголовно-правовой борьбы с наиболее опасными преступлениями коррупционной направленности: получением и дачей взятки, злоупотреблением должностными полномочиями, легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, и др. В то же время финансово-экономическим аспектам противодействия коррупции уделяется недостаточно внимания. Между тем именно здесь, на мой взгляд, кроются наиболее перспективные возможности по дальнейшему ограничению и снижению антикриминогенного потенциала коррупции, минимизации ее негативных последствий для граждан, общества и государства.

Практически все коррупционные деяния связаны с корыстными целями и мотивами, преследуют извлечение прибыли (т. н. коррупционной ренты) противоправным путем, совершаются с использованием служебного положения и должностных полномочий. В этой связи вопросы о том, каковы значение и роль финансовых и экономических мер в системе мер противодействия коррупции, их реальные возможности, приобретают крайне важное теоретическое и практическое значение. И предметное рассмотрение этих вопросов

позволю себе сделать на некоторых событиях, связанных с недавней профессиональной деятельностью нашего сегодняшнего юбиляра, профессора Ю. И. Скуратова на посту Генерального прокурора Российской Федерации, с его отчаянной борьбой с коррупцией в 90-х гг. прошлого столетия. При этом большим подспорьем для меня да и для всех участников этой конференции является 38-й номер журнала «Криминологический взгляд», посвященный юбилею Ю. И. Скуратова, на страницах которого есть воспоминания очевидцев тех событий. Странным образом вышло так, что меня там не оказалось, хотя к ним я имел самое непосредственное отношение и у меня есть что сказать на сей счет. Поэтому буду рад, если высказанные здесь вслух мои взгляды по теме выступления будут оценены коллегами как определенное дополнение к тому крайне интересному материалу, изложенному в этом номере журнала, в особенности в новой его рубрике «Факты».

Необходимо, однако, сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, рассмотрение экономических аспектов коррупции в научной литературе обычно связывается с этиологией коррупции, с ее причинным комплексом. Так, широко распространено мнение, что корнем проблемы коррупции является бедность. Полемизируя с такой трактовкой, профессор С. В. Максимов говорит, что «если бы бедность была единственной причиной коррупции, трудно было бы объяснить, почему коррупция поражает как те страны, в которых население отчетливо разделено на две неравные по численности группы бедных и богатых, так и те, где эта грань размыта, глубина дифференциации населения по уровню доходов, выраженное имущественное неравенство делает экономический кризис и, как следствие, рост коррупции более вероятным» [3, с. 138–139]. Таким образом, не сама бедность как таковая, а глубочайшее расслоение российского общества на богатых и бедных, громадная пропасть между ними по доходам или критическое состояние «децильного коэффициента», как принято называть этот показатель состояния национальной безопасности, в частности его запредельно высокий уровень 1:18 (это официально, а по оценкам экспертов 1:25 при норме 1:8), и является корневой экономической причиной коррупции в России.

Во-вторых, экономические и финансовые стороны коррупции в основном исследуются с точки зрения ущерба (материального, имущественного, денежного и т. д.), причиняемого ею гражданам, обществу и государству, а также угроз их экономической безопасности. Иными словами, речь идет о социально-экономических и финансовых последствиях коррупции. Разумеется, указанные обстоятельства определяют заданный вектор исследования коррупции.

В-третьих, и это самое главное с точки зрения темы моего выступления, возникает необходимость более предметного и глубокого криминологического анализа и оценки стратегий противодействия коррупции: политических, экономических, правовых, морально-этических, организационно-управленческих.

Сегодня для всех очевидно, что так называемое «дело Скуратова» было шито «белыми нитками», носило политический и заказной характер. В своих воспоминаниях в названном журнале его ближайший соратник и советник профессор Э. Ф. Побегайло с присущей ему честностью и прямоотой указывает, что именно послужило истинными поводами и основаниями для возбуж-

дения уголовного дела против генерального прокурора Российской Федерации Ю. И. Скуратова [4, с. 81–83]. В конце 1998 г. по его прямому указанию был возбужден ряд уголовных дел по фактам коррупции в высших эшелонах государственной власти, связанных с обрушением рынка ГКО (государственных казначейских обязательств), которое вызвало острейший финансовый кризис в стране. Августовский дефолт 1998 г. — так впоследствии стали называть это событие. Его организаторами были крупные коррумпированные чиновники из Правительства и Администрации президента России во главе с Альфредом Кохом и российские олигархи во главе с Борисом Березовским.

Вслед за этим по поручению Ю. И. Скуратова были возбуждены уголовные дела по фактам злоупотреблений должностными полномочиями крупными чиновниками из Управления делами президента при заключении контрактов на реконструкцию Московского Кремля (получивших известность как дело «Mabetex» и «Андава — Аэрофлот»). В рамках расследования уголовных дел Генеральная прокуратура Швейцарии предоставила в распоряжение генерального прокурора России Ю. И. Скуратова информацию о наличии в швейцарских банках счетов ряда высших должностных лиц из Администрации президента и Правительства Российской Федерации. Этого стерпеть Борис Ельцин и его коррумпированное окружение не смогли. И одним из способов психологического давления на него, с тем чтобы он подал сам в отставку, а также дискредитации его как генерального прокурора и послужило возбуждение против него надуманного уголовного дела. Прямо скажем, что они были действительно страшно напуганы грядущими разоблачениями их преступной деятельности.

В тот период я был депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по безопасности и мне было поручено в рамках созданной комиссии по парламентскому расследованию незаконного отстранения генерального прокурора Российской Федерации Ю. И. Скуратова вместе с Владимиром Платоновым — председателем Комитета по законодательству и судебной реформе Совета Федерации провести парламентское расследование по факту возбуждения данного уголовного дела. С самого начала было ясно, что оно возбуждено ненадлежащим лицом. Заместитель прокурора г. Москвы некто господин Россинский не имел никакого права и полномочий возбуждать уголовное дело против генерального прокурора РФ. На то существуют совершенно определенные и строгие процедуры. Это, во-первых. Во-вторых, более безграмотного постановления о возбуждении уголовного дела мы с Владимиром Платоновым никогда не видели. Никаких должных поводов и оснований оно не содержало. Как впоследствии было установлено, Россинского заставили подписать заранее заготовленное постановление, причем на Старой площади, а не в его кабинете в здании прокуратуры г. Москвы. При этом в качестве рычага давления использовались компрометирующие материалы на самого Россинского.

Не случайно Совет Федерации, опираясь на материалы комиссии по парламентскому расследованию и другие фактические данные, трижды отклонял представление Президента Российской Федерации об освобождении Ю. И. Скуратова от должности генерального прокурора Российской Федерации. Когда такое представление уже в четвертый раз было внесено вновь избранным Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, Ю. И. Скуратов, высту-

пая перед членами Совета Федерации, прямо заявил о том, что своей основной задачей на посту прокурора он ставил не сбор и распространение компромата, а реагирование на любые факты нарушения закона, в т. ч. со стороны высокопоставленных чиновников.

Обращаясь к рассмотрению стратегий противодействия коррупции, необходимо прежде всего указать на приоритетную из них — профилактику коррупции. В этом направлении, следует отметить, начиная с 2008 г. проделана достаточно большая и результативная работа. Введено в практику обязательное представление гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими такие должности, сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Аналогичная обязанность установлена и в отношении супруги (супруга) государственного и муниципального служащего.

Разработан правовой механизм проверки достоверности и полноты сведений, указываемых в представляемых ими в налоговые органы декларациях о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Указанные лица представляют также сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. И, что очень важно, федеральным законом № 230-ФЗ от 3 декабря 2012 г. «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в целях противодействия коррупции установлены правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность (иного лица), расходов его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки, определены категории лиц, в отношении которых осуществляется такой контроль, порядок его осуществления, а также и механизм обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы.

В целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, упорядочения лоббистской деятельности, расширения инвестирования средств в национальную экономику и повышения эффективности противодействия коррупции федеральным законом № 79-ФЗ от 7 мая 2013 г. «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» установлен запрет лицам, принимающим по долгу службы решения, затрагивающие вопросы суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации, открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами, определены категории лиц, в отношении которых устанавливается данный запрет, порядок осуществления проверки соблюдения указанными лицами данного запрета и меры ответственности за его нарушение.

Прошло, таким образом, целых 15 лет с того момента, когда генеральный прокурор Скуратов первым в стране прямо и остро поставил вопрос о непри-

емлемости для госчиновников открывать и иметь счета (вклады), хранить денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. В силу своего высокого и ответственного положения ему было ясно, какую серьезную угрозу для национальной безопасности страны представляет такая порочная и никем не контролируемая практика. Государственные служащие высокого ранга, принимающие по долгу службы решения, затрагивающие вопросы суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации, имеющие такие счета и пользующиеся иностранными финансовыми инструментами, безусловно, представляли повышенный интерес для иностранных разведок и специальных служб. Они становились для них крайне уязвимыми. А если учесть то обстоятельство, что многим из них поступали лестные предложения от так называемых заграничных «друзей и партнеров» оказать помощь в открытии счета в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, а также и наполнить их валютными средствами, становится понятным, почему распродажа наших природных богатств, сдача российских позиций практически по всем направлениям национальной безопасности в 90-е гг. прошлого столетия столь быстро и успешно была осуществлена коррумпированными политическими и экономическими элитами страны. Был нанесен непоправимый ущерб, прежде всего, экономической безопасности Российской Федерации. Именно в эти годы огромный размах приобрела теневая экономика, началась крупномасштабная утечка капитала за границу. Их негативные последствия ощущаются и в настоящее время. Сколько времени было безвозвратно потеряно?!

По данным профессора МГИМО Валентина Катасонова, на начало 2012 г. зарубежные активы юридических лиц РФ в виде накопленных инвестиций составили 750 млрд дол., резервные активы денежных властей РФ — 500 млрд дол., денежные средства на счетах в зарубежных банках физических лиц РФ — 750 млрд дол. Всего же накопленных инвестиций физических лиц РФ — от 1350 до 1550 млрд дол. Что же касается зарубежного имущества РФ (физических, юридических лиц, денежных властей и государства), то оно достигло астрономической цифры в 3000–3300 млрд дол. [2, с. 98–99]. В связи с этим представляет интерес высказывание Збигнева Бжезинского, сделанное им в беседе с российскими учеными по проблеме ПРО (противоракетной обороны) в 2009 г. о том, что «он не видит ни одного случая, в котором Россия могла бы прибегнуть к своему ядерному потенциалу, пока в американских банках лежат 500 млрд дол., принадлежащих российской элите». А потом добавил: «Вы еще разберитесь, чья это элита — ваша или наша. Эта элита никак не связывает свою судьбу с судьбой России. У них деньги уже там, и дети там...»

Практически сходное высказывание принадлежит профессору В. А. Шуперу: «Западу следует отчетливо представлять, что его главный союзник в России — коррумпированная элита, у которой на Западе не только собственность, но, как правило, и семьи, а потому работают эти люди в своей стране вахтовым методом, стремясь вывести из нее заработанное или захваченное. Эта элита крайне неэффективна и непопулярна, а дети сильных мира сего уже совсем не

привязаны к родине (если Россия вообще является для них таковой), не стремятся в ней жить, вести бизнес и тем более принимать на себя ответственность за нее» [5, с. 8].

Исходя из этого, представляется необходимым в законодательном порядке запретить для российских государственных и муниципальных служащих иметь за пределами территории Российской Федерации недвижимость, ибо ее наличие также делает их уязвимыми с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Кроме того, давно пора ратифицировать статью 20 Конвенции ООН по противодействию коррупции, содержащую в себе так называемый принцип *in rem*, согласно которому проверяемое на предмет причастности к незаконному обогащению лицо само обязано доказать, что все имеющееся в его собственности имущество, деньги и иные ценности имеют легальное происхождение.

В целях профилактики коррупции в сфере государственной и муниципальной службы законодателем установлены соответствующие ограничения и обязанности, налагаемые на лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности (пункты ст. 12-1 в ред. Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ), согласно которым они не вправе: заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности, получать гонорары за публикации и выступления в качестве лица, замещающего такого рода должности на государственной и муниципальной службе. Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ установлена обязанность передачи ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов (ст.12-1 ФЗ № 273 от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции»).

В соответствии со ст. 13 ФЗ «О противодействии коррупции» граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность. Кроме того, физическое лицо, совершившее коррупционное правонарушение, по решению суда может быть лишено права занимать определенные должности государственной и муниципальной службы.

Все приведенные меры противодействия коррупции носят профилактический характер и направлены на предупреждение коррупционных правонарушений. Кроме того, эти меры связаны именно с финансовыми и экономическими аспектами коррупции. Их потенциальная эффективность объясняется тем, что своевременное и надлежащее использование этих мер способно подорвать финансовые и экономические основы коррупции. Именно в этом заключается их несомненная польза. При этом, безусловно, должен неукосни-

тельно действовать принцип неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений. За рамками моего выступления остались вопросы уголовно-правовой борьбы с коррупцией, также связанные с финансовыми и экономическими аспектами, но это предмет отдельного анализа и обсуждения.

Следует отметить, что в период работы Ю. И. Скуратова на посту генерального прокурора Российской Федерации такой законодательной базы противодействия коррупции не только не было, но и не могло быть, так как коррумпированной властью делалось все именно для того, чтобы она не появилась. Шло откровенное торможение и блокирование создания такой базы. Об этом мною говорилось и писалось еще в конце 90-х гг. «Правящей политической элите, деловым и финансовым кругам эти законы не нужны, — отмечал я, — ибо представляют для них серьезную опасность. Поэтому они предпринимают все усилия для того, чтобы законы не были приняты или же, будучи все же принятыми законодателем, не содержали в себе норм, угрожающих их благополучию» [1, с. 16–23].

Ю. И. Скуратов своей бескомпромиссной борьбой за законность и справедливость задал высочайшую планку для авторитета Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ушел с поста ее руководителя несломленным и непобежденным. История все расставит на свои места. Впрочем, сегодняшняя конференция уже доказывает это.

Литература

1. Босхолов С. С. «Конфиденциальная юриспруденция» и теневая экономика (политологический аспект) // Теневая экономика и организованная преступность: материалы науч.-практ. конф. (9–10 июня 1998 г.). М., 1998. С. 16–23.
2. Катасонов В. А. Санкции. Экономика для русских. М.: Алгоритм, 2015. 228 с.
3. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2017. 290 с.
4. Побегайло Э. Ф. Моральная победа в ситуации обреченности (воспоминания советника) // Шупер В. А. Предисловие редактора перевода к книге Брюне Антуан, Гишар Жан-Поль «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения: пер. с фр. М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.

FINANCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF ANTICORRUPTION

S. S. Boskholov

Professor of criminal law and criminology Irkutsk Institute (branch)

Russian state University of justice, moj doctor of legal Sciences,

Professor, honoured lawyer of the RF

4, Nekrasova str., Irkutsk, 664011, Russia

E-mail: sboskholov@yandex.ru

The article deals with the issues of corruption, primarily the financial and economic aspects of the problem situation in this sphere, financial and economic instruments (measures) of anti-corruption. Analyzes preventive anti-corruption law, discusses the legal mechanisms for its enforcement. Specific examples that illustrate these or other provisions on the application of economic and financial corruption measures.

Keywords: corruption, corruption strategy, prevention of corruption, the economic measures of the prevention of corruption, financial prevention of corruption, control over the matching of costs with revenues.

УДК: 343.2/.7

ВЕЛИКАЯ ЯСА ЧИНГИСХАНА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ

© **Г. В. Дашков**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: LawBSU@mail.ru

Рассматривается Великая Яса Чингисхана, которая содержала нормы уголовного права, заимствованные в отечественное дореволюционное законодательство.

Ключевые слова: Великая Яса Чингисхана, преступность, уголовный закон.

Любые осложнения в криминогенной ситуации в странах мирового сообщества, включая Россию, вольно или невольно заставляют ученых и практиков, живущих в XXI в., искать рецепты борьбы с современной преступностью в далеком прошлом. наших современников привлекает, прежде всего, жесткая реакция законодателей и правоприменителей того периода на малейшие отступления от требований законов и сложившихся в обществе обычаев. В этом смысле на живущих в 21-м столетии наибольшее впечатление и по сей день производят решительные действия монгольского хана Темучина (Чингисхана), который во благо отечества, желая подавить резкое сопротивление тех, для которых личная свобода и безответственность были дороже государственного порядка, провозгласил на Великом Курултае в 1206 г. ряд правовых норм и законодательных уложений для обеспечения надлежащего управления в ранее неуправляемой стране. В этом хорошо известном в мире своде законов Еке Монгол улуса (Великого Монгольского государства), получившем название Великая Яса Чингисхана, из 36 запрещенных действий смертной казнью каралось 18. Тут были и такие, к примеру, казалось бы безобидные проступки, как жадность к еде. Откуда и зачем такая жестокость за умеренное потребление пищи? Но в условиях всеобщей бедности того периода этот проступок не выглядел таким уж безобидным и требовал сверхжесткой реакции государства, во избежание взрыва недовольства со стороны бедных и голодных. Тут есть над чем задуматься и сегодня, оценивая ситуацию когда несколько процентов населения страны без каких-либо объективных оснований владеют достоянием всего народа. Должно ли государство на средневековый манер реагировать на подобного рода социальную несправедливость? Думается, да. Тем более что для столь значимого социального расслоения, которое имеет место в последние годы, практически нет убедительных оснований. В то же время последствия всякого рода экономических нововведений жульнического свойства оказываются подчас столь серьезными, что порой ставят государство на грань национальной катастрофы. Весьма характерно, что ни одно из преступлений, наказываемых смертью в средние века, по степени общественной опасности не идет ни в какое сравнение с теми грандиозными злоупотреблениями в сфере хозяйственно-управленческой

деятельности, которые совершаются в настоящее время. Это обстоятельство, конечно, нельзя игнорировать в процессе совершенствования законодательства, в частности уголовного, в плане усиления ответственности за разного рода злоупотребления корыстной направленности.

Оценивая с сегодняшних позиций значимость решительных мер воздействия на правонарушителей, сформулированных в Великой Ясе Чингисхана, весьма важно отметить, что Яса — не плод волюнтаристских идей великого хана. Над этим документом, оставившим свой след в законодательстве многих стран, включая Россию, работали виднейшие мудрецы того времени. В монгольской летописи «Чиндаманин Эрixe» говорится по этому поводу, что «по изгнании Алтан-хана китайского и подчинения своей власти большей части китайцев, тибетцев и монголов, Чингисхан, владея великим просветлением, так думал: законы и постановления китайцев тверды, тонки и непременчивы. И при этой мысли, пригласив к себе из стран народа великого учителя (Китая) и 18 его умных учеников, Чингисхан поручил им составить законы (йосон), из которых следовало бы спокойствие и благоденствие для всех его подданных, а особенно Книгу законов (хули-йосони билик) для охранения правления его. Чингисхан изучил работу китайских мудрецов и одобрил ее. Он нашел ее соответствующей своим мыслям.

Великая Яса Чингисхана на протяжении многих столетий, включая и XXI в., находится в поле зрения историков, писателей, юристов Европы, Азии, Америки. Рассмотрим лишь одну из ее частей, касающуюся уголовного права.

Уголовное право — одна из главных составляющих Ясы. Цель уголовного права по Великой Ясе Чингисхана — поддержание мира и порядка в обществе. Достигалось это, главным образом, путем применения к виновному крайне жестких, даже по тем временам, мер воздействия. Уголовно наказуемыми считались преступления против религии, морали и сложившихся обычаев; хана и государства; жизни и интересов отдельной личности. Основная цель наказания — уничтожить преступника. Лишь в исключительных случаях допускалась изоляция преступника, его депортация, смещение с должности, запугивание через причинение боли и имущественное разорение. Подобные, относительно щадящие меры, как правило, допускались в отношении провинившихся членов ханского рода и членов их семей, включая жен и детей. Широко применялся и институт коллективной ответственности в отношении предателей и гостеубийц, которых казнили вместе с родственниками. Считалось, что такие люди не должны жить и производить потомство.

Предписания Ясы были обязательны для всех, включая самого Чингисхана, который был примером ее исполнения. В противном случае монголы отказали бы хану в доверии и сами вряд ли исполняли бы Ясу.

Законы, зафиксированные в Великой Ясе Чингисхана, были сформулированы таким образом, что при всей их жесткости отвечали насущным потребностям большей части населения и по этой причине одобрялись им. Яса для них была примерно тем же, чем для мусульман Коран, а для христиан Евангелие, и, конечно не только потому, что любая мало-мальски значимая провинность каралась смертью. Главное здесь заключалось в справедливости основных ее, как сейчас модно говорить, концептуальных положений. Назову

некоторые из них: «следует возвеличивать и уважать чистых, непорочных, справедливых, ученых и мудрых, к каким бы людям они ни принадлежали, и осуждать злых и несправедливых людей»; «любите друг друга, не совершайте прелюбодеяния, не крадите, не лжесвидетельствуйте, не предавайте кого-либо, уважайте стариков и бедных»; «не ешьте в присутствии другого, не приглашая его разделить пищу, не ешьте больше своих товарищей»; «уважай мудрецов и отшельников любого племени»; «не перевозноси одних над другими».

Именно тех, кто не желал следовать подобного рода предписаниям, ждала неминуемая смерть. В таком контексте «дикие законы Средневековья» выглядят не такими уж дикими.

Отмеченные обстоятельства во многом и предопределили эффективность Ясы, способствовали реализации ее основных положений в более поздних монгольских и зарубежных законодательных актах, например в Уложении Юаньской династии 1320 г., в монголо-ойратских законах 1640 г. В этом своде законов система наказаний во многом была сходна с той, которая определялась в Великой Ясе Чингисхана.

Великая Яса Чингисхана и другие ставшие мировой моделью законы прошлого показывают, что наиболее удачными, в смысле отражения жизненных чаяний подавляющей части населения той или иной страны, являются те законодательные акты прошлого, которые были приняты в сложной политической и социально-экономической обстановке.

Не менее важны в этой части и факторы личностных свойств носителей политической воли, ответственных за разработку и практическую реализацию мер борьбы с преступностью. Подтверждением тому могут служить законодательные акты, принятые в России при Иване IV, Алексее Михайловиче, Петре I. Фактически заимствованные из Великой Ясы Чингисхана основные положения Судебника 1550 г., Уголовного уложения 1649 г., указов императора Петра I позволили обеспечить порядок в стране, свести к минимуму казнокрадство, взяточничество, иные тяжкие преступления.

В настоящее время, когда имеется действительно серьезная потребность в радикальных, а не косметических изменениях в правовой регламентации вопросов борьбы с преступностью, опыт наших великих предков, многократно сталкивавшихся с проблемами, мало отличающимися, по сути, от сегодняшних, имеет первостепенное, а может быть, даже решающее значение. Мнения наших оппонентов о том, что мол «нельзя и незачем входить дважды в одну реку», «ну что мы, сегодняшнее цивилизованное общество, можем найти полезного для себя в «диком средневековье» и т. п., все это не более как попытка уйти от ответственности, оставить все как есть, воровать по-старому, а отвечать по-новому, т. е. практически никак. Обращаясь к наиболее ярким правовым памятникам прошлого, в данном случае к Великой Ясе Чингисхана, мы не всегда однозначно имеем возможность утверждать, что там с сегодняшних позиций все бесспорно и хорошо, приемлемо сейчас.

Тут надо, конечно, все основательно взвесить, всесторонне обсудить и не только с правовых позиций. Но откладывать дело в долгий ящик нельзя. Вопрос о том, кому, когда и что отрубать, не допускает промедления, которое в полном смысле слова смерти подобно.

Литература

1. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
2. Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 550 с.

THE GREAT YASA OF GENGHIS KHAN IN THE FIGHT AGAINST
CRIME I RUSSIA

G. V. Dashkov

doctor of law, honored worker of science of the Russian Federation,
Professor of the Moscow state law University named after O. E. Kutafin
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993 Russia
E-mail: LawBSU@mail.ru

The article discusses the Great YASA of Genghis Khan, which contained the criminal law. These rules have been borrowed in pre-revolutionary Russian legislation.

Keywords: the Great YASA of Genghis Khan, crime, and criminal law.

УДК 4414

ПАРЛАМЕНТ МОНГОЛИИ, ОТНОШЕНИЯ ЕГО С КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ И ПУТИ ИХ УЛУЧШЕНИЯ

© **М. Э. Сухбаатар**

директор,

Национальный юридический институт Монголии

Монголия, 15160, Улан-Батор, Чингэлтэй микрорайон, 4 Хороо, ул. Юристов, 1

E-mail: enkhtsetseg@legalinstitute.mn

Всегда существовала точка зрения, что политика будет доминировать во взаимоотношениях между законом и политикой. Закон является инструментом осуществления политической власти. В противоположных государственных устройствах преобладающее право имеет свою границу. К этому моменту правовые отношения между парламентом и Конституционным судом носят противоречивый характер. Конституционный суд обладает всеми полномочиями в осуществлении надзора и соблюдении конституции путем признания недействительными законов и правовых норм, принятых Парламентом (Государственным Великим Хуралом), в случае нарушения конституции. С другой стороны, Парламент осуществляет государственную верховную власть. Не может существовать независимый и беспристрастный суд без потенциального предотвращения политического влияния. В немногих словах статья ответит на вопросы, почему государство нуждается в конституционной судебной системе и почему существует необходимость ограничить власть Парламента путем анализа противоречивых отношений между Конституционным судом (Цец) и Парламентом (Государственным Великим Хуралом) Монголии, и определит возможности для улучшения отношений между юридической и практической сферами.

Ключевые слова: конституционный контроль, Конституция Монголии, отношения Конституционного суда и Парламента, Цец Монголий, Конституционный суд, Парламент Монголии.

Constitutions serve to delineate state powers and enshrine basic rights. Such matters are more controversial are the questions of who (should) upholds the Constitution and how constitutional review is organized in the countries.

Constitutions are considered the supreme 'law of the land' because they enable government, set out its powers, duties and responsibilities and provide for limitations, typically in the form of a catalogue of individual rights [7].

Although, Mongolia has over 2000 years history of state, the country made transition to the constitutional society some 80 years ago. Mongolia replaced kingship to People's Republic and adopted the first constitution in 1924 [1, p. 4].

By the 1990, Mongolia has strengthened its independence observing three previous constitutions which were adopted in 1924, 1940 and 1960 respectively during 70 years and has been developed under an influence of attractive strength of the world development following the Soviet Union especially it has a considerable influence of development in the state.

To end the deadlock the democratic movements of Mongolia abolished the totalitarian regime with a single predominant party at the end of 1980s and started the revolutionary movements in order to make social, political and economic reforms. As a result of this in the middle of 1990s the democratic reform of Mongolia start-

ed from the establishing first of all a legal basis for the political changes and approval of the Law on Amendments to the Constitution of MPR by the Parliament (Peoples Great Hural) on May 12, 1991 [6].

The Mongolian Parliament has drafted and passed the new Constitution which consists of the 6 chapters and 70 articles. In addition, «The Law- Attachment to the Constitution of Mongolia» with 9 articles has been also passed on 13rd, Jan, in 1992 and it has the same validity with the Constitution.

The new Constitution of 1992 is the basic law which consolidates sovereignty and independence of Mongolia and a democratic basis for social and state structure, strengthens a legal status of a human being in the society, separation of state power, its organizational and self-governing system, and determines the supervision over the implementation of the constitution [9].

The supreme state power belongs to the State Great Hural which is a representative body elected by the people of Mongolia. The entire state power or in other words, state directions and functions divided in «legislative», «executive» and «judicial» branches and the principle of checks and balances among them stipulated by the law. This is a main output of struggling for eliminating one party system, political totalitarian regime.

The implementation of decisions of a Constitutional Court has political consequence for the Parliament. Both a Constitutional Court and a democratic Parliament are institutions which exist in interdependency from each other. The study of functions of these institutions belongs to the branch of the constitutional law. The Parliament adopts laws; the Constitutional Court proves if laws and regulations are in conformance with the Constitution.

On the basis of the paragraph 1 of the article 64 of the 1992 constitution of Mongolia, the Constitutional Court (Tsets) was formed in 1992 for the first time in the history of Mongolia which is a new institution to supervise implementation of the Constitution.

The status of a true institution with the power to provide constitutional review should only be held by the institution that in the specific system of the separation of powers holds such a limiting relation to the legislative power (the Parliament) that it may annul statutes adopted by the legislative body.[8] The Constitutional Court has a power to invalidate laws adopted by the State Great Hural and many other forms to affect the power of the State Great Hural [1, p. 39]. Legal relationship between the State Great Hural (the Parliament of Mongolia) and Constitutional Court includes contradictory character by this point.

Through analysis on concepts of the Constitution, intensive explanatory judgment can be an interpretation of the Constitution. There is no way and possibility to make interpretation to the laws especially to the Constitution by the State Great Hural which is a structure of politics, and mostly consists of non-professional people who represent definite groups of society and almost all members are rechanged by four-year terms [1, p. 40].

The paragraph 1 of the article 64 of the Constitution of Mongolia states that «The Constitutional Tsets is the body which has full powers to exercise supreme supervision over implementing of the Constitution, to make decisions on the breaches of its provisions, to settle disputes» [11].

In conformity with the Law on the Constitutional Court, (Tsets) decides within its jurisdiction whether there is a breach of the Constitution by the President, Chairman of the Parliament, Members of the Government, Chief Justice of the Supreme Court and State General Prosecutor.

Moreover, the Constitutional Tsets decides within its jurisdiction whether there is a breach of the Constitution by the President, Chairman of the Parliament, Members of the Government, Chief Justice of the State Supreme Court and State General Prosecutor and whether grounds exist for these officials' resignation or withdrawal.

During its 25 years of its existence, the Constitutional Court has adopted totally 173 conclusions. But the Parliament of Mongolia has not examined at all 3 of them and has not accepted 58 (59 % of total conclusions of the Tsets) conclusions. Thus the Parliament returned and did not accept the 2/3 of the total numbers of the conclusions made by the middle bench of the Tsets during the period. This means that the Parliament express its position not being agree with the conclusions, actually there is must not be a notion to accept or not accept it by the Parliament [5, p. 211].

The conclusion adopted by the Tsets thereon shall be the final decision and there is no other institution having the right to its supervision. However, the conclusion shall be submitted to the State Great Hural. In addition, the Constitutional Tsets does not immediately remove or recall officials upon its conclusions, but determines whether they have committed a breach of the Constitution, whether there are grounds for their removal or recall.

This feature of Tsets power does not match common standards for official's accountability by judicial rules. Because a constitutional court usually defines precise responsibilities for officials. For example, an official may be resigned immediately by a decision of the Constitutional Court [10, p. 80–81].

As Dr, prof. Sarantuya. Ts found out the regulation from the Constitution of the Federal Republic of Germany, if the Federal Constitutional Court establishes that the Federal President is guilty for an intentional breach of the Constitution or other Federal law, it may announce his resignation from his position. According to her stated that a similar regulation can be found from Austria (Para 2(a), Article 142 of the Constitution), Hungary and Italy (Article 90 of the Constitution) [10, p. 80–81].

On the contrary, there is a long established norm in Mongolia that all the decisions are submitted to and further **examined** at the Parliament except for resolutions adopted at the big bench of the Constitutional Tsets. This situation has a risk to generate a wrong notion and form a wrong public stance in Mongolia that a legislative organ has a competence and resolution over decisions taken by judicial organs [10, p. 81].

The Provision No. 32 of the Rules of Procedure of the State Great Hural session is titled as rules for «examination» of the tsets conclusions. The article 32.4.3 states that «after getting acquainted with a conclusion of the Tsets confirming that a relevant official made a breach of the Constitution, the common session of the Parliament shall consider whether it should examine the question of resignation or withdrawal of that official. The Rules tell also that if the Tsets issues a conclusion that a ground exists for the officials' resignation or withdrawal, the Parliament shall consider and decide on his/her resignation or withdrawal» (32.4.6). A conclusion made by the middle bench of the Tsets must not

be considered by the State Great Hural. Instead, it would be most appropriate for the State Great Hural to examine the violations made in the laws, resolutions or other decisions which have been confirmed by the conclusion to be a breach of the Constitution. A conclusion adopted by a big bench session of the Tsets on officials under its jurisdiction is a final decision. Therefore, there is no foundation for the State Great Hural to examine this conclusion. Instead, the State Great Hural must examine liabilities to be charged to the officials who were confirmed their breach of the Constitution and grounds for their resignation and withdrawal [10, p. 84].

The conclusion adopted by the Tsets thereon shall be the final decision and there is no other institution having the right to its supervision. However the conclusion shall be submitted to the Parliament of Mongolia. In addition, the Constitutional court (Tsets) does not immediately remove or recall officials upon its conclusions, but determines whether they have committed a breach of the Constitution, whether there are grounds for their removal or recall.

The Constitutional Court has decided that the Parliament breached the Constitution and exceeded its authority by issuing two resolutions on interpreting the Constitution.

Besides, Constitutional Court has concluded that several members of Parliament breached the Constitution. In spite of the above mentioned decisions the State Great Hural is still breaching the Constitution by not implementing them.

Quite many cases are known when issues concerning rule of law and constitutional provisions of other democratic governments are being misinterpreted and violated under democracy. For instance, it is common to use the Constitution as a «political weapon» in order to suppress opponent civil and political forces. In this case politicians elected in a democratic way are willing to appoint people politically loyal to them as Constitutional Court judges.

Proper operation of Constitutional Courts or failure thereof thus directly depends on political culture. Were political culture is not well-arranged, the Constitution is considered as a sole mean of blocking or restricting personal interests of individuals and it gets widespread in the society that a possibility exists anyhow to avoid the implementation thereof. The above conditions lead to decrease of importance of constitutionalism and rule of law.

It is an utmost importance in development of democratic states to create independence, capacity and separate powers of the Constitutional Court system [1, p. 41].

This feature of Tsets power does not match common standards for official's accountability by judicial rules. Because a constitutional court usually defines precise responsibilities for officials. For example, an official may be resigned immediately by a decision of the Constitutional court [3]. On the contrary, there is a long established norm in Mongolia that all the decisions are submitted to and further examined at the Parliament except for resolutions adopted at the big bench of the Constitutional Tsets. This situation has a risk to generate a wrong notion and form a wrong public stance in Mongolia that a legislative organ has a competence and resolution over decisions taken by judicial organs [10, p. 81].

For example, there was confirmed that the former Chairman of the State Great Hural had corrected many times and amended the final edition of laws after their submission and adoption by the Parliament. This action infringed the Power of the Parliament, violated provisions of the Constitution and other legislation. When the Parliament examined the conclusion No. 6 on confirmation of grounds for resignation of him from his post, a Member of the Parliament told the following explanation: «there are two stages for consideration and resolution of disputes at the Constitutional Tsets. The Tsets does not decide itself over breach of the Constitution and the Parliament participates also in this decision». It is appalling that there was no one to contest his saying. In this situation, mass media cannot be blamed to announce that the Parliament will take a **final** decision on whether the Chairman of the State Ikh Hural should or should not resign, because even State officials have made the above statements [10, p. 81].

Another example is the Tsets concluded that a member of the State Great Hural Ts. Turmandakh breached the paragraph 1 of the article 2 of the Constitution on 12 January 1994. But the State Great Hural kept the conclusion without examination until the term of his expiration of the MP's power.

In 1994, the Tsets concluded that a member of the State Great Hural S. Zorig breached the Constitution. But the State Great Hural decided that it was not possible to receive the conclusion [4].

In 1994, the Tsets concluded by the conclusion №7 that Prosecutor General breached the Constitution and the State Great Hural examined and decided that the conclusion was unreasonable [4].

All this brings a negative feeling that the court is not a final decision-making organ; instead, it would be the Parliament or a political force that makes that decision. Political factors consequently influencing the independence of the Constitutional Court lead to the consideration of this issue on the level of national security. «Concepts on National Security of Mongolia» adopted in 1994 by the State Great Hural of Mongolia specifically notes that- imbalance in separation of powers is one of the internal factors that has a negative impact to ensuring security in society and government organization [4].

Comparing this supreme legal power of the Constitutional Court Decision, it is spoken that the Constitution without a specialized court is like a lion without tooth [5, p. 218]. Even though some structural problematic issues arise due to the special role of Constitutional Court in constitutional state structure, it is beneficial for the Constitutional policy. It should be recognized that there are not so few problematic issues to deal with concerning the Constitutional Court and its members shall be independent and to obey only the Constitution, to make decision on impartial, legal and political high level [1, p. 54].

The worldwide countries' history shows that the Constitutional court plays a significant role in the countries with parliamentary system.

It was the historical decision of the Mongolian people to replace the totalitarian regime with the parliamentary system, which is considered to be one of well recognized models of governing, and to found the Tsets as a safeguard of the Constitution.

The reason for the regulation to submit the decision of the Tsets to the State Great Hural was that the State Great Hural possesses direct legitimacy from the people. Unfortunately, the lack of the theoretical knowledge of the members of the

State Great Hural and other officials led to a malpractice - to discuss the decisions of the Tsets in the Parliament. There is a need to reform provisions regulating the procedure of discussing the decisions of the Tsets in the Rules of the State Great Hural. In doing so it is important to bear in mind that the reform should be based not on political reasoning but on scientific argumentation. The core of the problem is not in defining which of these institutions shall possess more power, but in allocating each institution with power corresponding to its nature and functions [1, p. 65].

It has passed 25 years since the establishment of the Constitutional Court in Mongolia. Although this is a rather short period in a long history of statehood the Tsets has accumulated a wealth of experience in defending the Constitution. Appropriate and rationale cooperation between the State Great Hural and the Tsets is still important to play in the provision of the check and balance of the state power and legal oriented state development role.

When a decision of the Tsets does not comfort certain officials or political forces, we see illegal resignation by the State Great Hural and multiplication of intimidation for resignation of Tsets members and allegations that they would have been influenced by political and business interests. This has a potential malfunction of the Parliament of Mongolia and threat to the independence of the Tsets and relationship between institutions.

The Constitutional Tsets should remain alienated from inappropriate disputes, responds them by adopting its decisions, formulating their grounds and delivering evidencing documents in the future. Even though some people say that it is natural for the relationship between the Constitutional Court and Parliament to contain an opponent character, we need to find out the potential ways to improve the relationship between the institutions.

From my point of my studying view, I am identifying some ways to improve the relations between legislation organ and the Constitutional Court of Mongolia:

1. The first and best ever solution is enhancing political culture and ethics within politicians in the Parliament.

2. To prove the notion that the Constitutional Tsets is a court and a judicial organ based on the scientific argument and increase reputation of the Tsets by the concept its decision is impartial, legal and political high level within the legal researchers, public authoritarians and politicians.

3. We need legal provision of a guarantee for implementation of a decision of the Constitutional Court is considered to be a condition for formation of a constitutional rule in the country. Therefore non-implementation of a decision adopted by the Constitutional Court should be considered as a breach of the Constitution. It is possible in this case that a complaint may be filed against the person concerned and liability of the person may be considered according to the law. If we make this regulation on the laws it would not be necessary to answer the question if the Constitutional Tsets is a «Court» or «Not». I totally agree with Dr. prof. Sarantuya's conclusion that there is no foundation for the State Great Hural to examine the conclusion of the Tsets. The regulation of the Rules of procedure for State Great Hural makes think there is a court apart from the court, and the parliament controls judicial decisions. She also notified that all

this does not fit with the means the initial ideals of our Constitution's founding fathers, classical distribution of legislative and judicial powers, the fundamental principle on bounding judicial decisions, and finally, the ethics of the relationship between legal and political institutions [10, p. 84].

4. Make the legal regulation on the Law of the Rules of the State Great Hural to obligate the State Great Hural to make formulation about the reason not accepting the conclusion of the Tsets on its Resolution.

5. To obligate the appointed proxy or official representatives by the State Great Hural to attend in the court session and send explanation or comment to the Tsets on the Laws.

Bibliography

1. Amarsanaa J. Constitutionalism and Constitutional review in Mongolia. 2009. P. 4, 39, 40.
2. Compilation of legal documents on foreign relations (in Mongolian). Ulaanbaatar, 2004. P. 402.
3. Constitution of the Federal Republic of Germany. Article 61. Para 2.
4. Constitutional dispute. Ulaanbaatar, 2012. P. 77–88.
5. Lkhagvaa T. Future course of relations between the Constitutional Court (Tsets) and the State Great Hural (Parliament), some opportunities towards improvement. Problematic issues of the Constitutional Law. 2017. P. 211, 218.
6. Lundeejantsan D., Ulziisaikhan L. Parliamentarism, Ulaanbaatar, 2005. P. 219–246.
7. Maartje di Visser. Constitutional Review in Europe. A Comparative Analysis. 2014. P. 2.
8. Mavecic Arne. The Constitutional Review. 2009. P. 22.
9. Sarantuya Ts. Constitutional Procedural Law. Fundamental Concepts and Urgent Tasks. Ulaanbaatar, 2005. P. 29–59.
10. Sarantuya. Ts. Principles to be upheld in the relations between the Constitutional Court (Tsets) and the Parliament, Constitutional Review of Mongolia. International conference Abstract book. 2008. P. 80, 81, 84.
11. The Constitution of Mongolia // The State information Pamphlet. Ulaanbaatar, 1992. № 1.

RELATIONS BETWEEN THE CONSTITUTIONAL COURT
AND THE PARLIAMENT IN MONGOLIA, WAYS TOWARDS IMPROVEMENTS

M. E. Sukhbaatar

LL. M-Master of Law and M.P.A — Master of Public administration,
A Director of the National Legal Institute,
Mongolia (directing and managing),
Mongolia, 15160, Ulaanbaatar, The National Legal Institute,
4th Khoroo of Chingeltei District, Lawyers' street-1
E-mail: enkhtsetseg@legalinstitute.m

There is always an argument with a point of view that politics will dominate in relationship between law and politics. Law is the tool to exercise political policy. In contrary politics prevailing law has its boundary. By this point legal relationship between the Parliament and the Constitutional court includes contradictory character. Constitutional court has full powers to exercise supervision and implementation of the Constitution through invalidating laws and legal norms adopted by the Parliament (the State Great Hural) if those breach of the Constitution. On the other side the Parliament exercises the state supreme power. It is impossible to exist independent and impartial court without potential prevention of being politically influenced. In brief, the article will answer the questions why a state needs constitutional judiciary and why there is a necessity to limit the power of the Parliament through analyzing controversial relationship between the Constitutional court (Tsets) and the Parliament (the State Great Hural) of Mongolia and identify the opportunities to enhance relationship between in the legal and practical field.

Keywords: Constitutional review, Constitution of Mongolia, Relations between the Constitutional court and the Parliament, Tsets of Mongolia, Constitutional court, State Great Hural.

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

© Б. Улзийсайхан

директор Института Билиг,
Гуманитарный университет Монголии
Монголия, Улан-Батор, Бага тойруу, Сухбаатар дуурэг, 1.

В статье рассматривается судебная реформа во время перехода Монголии к демократической системе правления, конституционная концепция Генерального судебного совета как органа судебной администрации, его функции, структура и организация, а также вопросы, связанные с законодательством, определяющим этот орган как относительно самостоятельную организацию, обеспечивающую независимость судей и суда.

Ключевые слова: концепция, судебная власть, судебная администрация.

С началом демократической трансформации Монголии в 1990-х гг. начался процесс судебной реформы и перехода судебной системы от уголовного и гражданского судопроизводства в условиях доминирования одной партии и тоталитарного государства в мощный инструмент защиты демократических гражданских институтов, конституционных прав человека и свободы [1, с. 305]. В 1990–1992 гг. закон о конституционных поправках и сопутствующие ему более 30 законов, новая Конституция 1992 г. способствовали созданию концепции взаимозависимости «гражданин — государство» для проведения реформы и обновления¹ во всех сферах общественной жизни.

Значение нового подхода к развитию монгольской судебной системы заключается в четком дистанцировании от прежнего этапа развития [2, с. 114], в упорядочении многосторонних отношений общественно-политической, экономической, социальной и духовно-культурной жизни общества, процесс которого регулируется правом и претворяется в жизнь через судебную систему.

В период тоталитарного режима [3, с. 434] вся государственная власть сосредотачивалась в руках одной партии по принципу «унитарной государственной власти» [4, с. 43], руководствуясь идеей «Вся власть Советам», а институты законодательной, исполнительной и судебной власти управлялись вертикально под контролем партии.

Следует отметить, что процесс замены прежнего в рамках реформирования² системы законодательной, исполнительной и судебной власти невозможен без оценки функции базового закона, определяющего уровень развития

¹ Реформа и обновление — тщательно продуманное изменение, проводимое для дальнейшего улучшения чего-либо.

² Реформирование интерпретируется в смысле удаления консервативного. В этом смысле понимается замена тоталитарного режима, создание государственных демократических институтов и фундамента для свободного политического выбора людей.

общества. Укрепление системы трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной — на основе принципа разделения государственной власти является принципиально новым моментом в **концепции** нашей Конституции [5, с. 53, 56]. Конституционная концепция (лат. «conceptio») определяется в моем понимании как основная идея, которой руководствуются при закреплении в законодательстве фундаментальных отношений общественной жизни [Там же, с. 268].

Принцип разделения власти на три ветви как одна из основных правовых характеристик конституционно регулируемых отношений изначально дан в конституции с позиций и под углом зрения прав и свобод человека и гражданина, их признания и защиты [6, с. 85]. С точки зрения новой конституции в этом общерегулятивном значении реформа судебной системы в направлении восстановления конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина является наиболее важным и в конечном счете единственным настоящим критерием правового характера действующего законодательства.

Органы судебной власти обязаны проводить судебный контроль за деятельностью административных и законодательных организаций на принципах права и справедливости, исполнять в условиях гражданского общества естественные обязанности по защите гражданских прав и свобод от самоуправства органов государственной власти и посягательств неподвластных закону лиц [5, с. 102]. Суть данной конституционной концепции заключается в приведении полномочий и структуры суда, принципа независимости судьи и самостоятельности суда, других основных принципов и механизмов осуществления судебной власти, указанных в ч. 4 гл. 3 «Государственное устройство Монголии» о судебной власти, в соответствии с ценностями демократии, гражданского общества, прав и свобод человека, верховенства закона и правового государства [5, с. 256].

Независимость и самостоятельность судебной системы определяется гарантиями независимости судебной системы и в первую очередь независимостью судей как ее составной части, самостоятельности структурных подразделений судов разных инстанций и основными принципами деятельности и гарантиями их оперативной самостоятельности [5, с. 258].

Так, для перехода к десятичной системе централизованного управления 23 марта 1990 г. в Конституцию МНР были внесены поправки. Эти поправки, а также Закон о конституционных поправках, охватывающие период от марта 1990 г. до февраля 1992 г., представляют собой важные в правовом значении документы переходного этапа, создавшие предпосылки для реформы во всех сферах общественной жизни с начала демократической трансформации.

Реформа законодательства в социальной, политической и экономической сферах общества по своему содержанию соответствует демократическим принципам. Постановлением Великого Народного Хурала от 23 марта 1990 г. о внесении изменений в Конституцию МНР [7, с. 333] были внесены изменения в редакцию ст. 67 Конституции МНР 1960 г. «Аймачные и городские суды избираются народными хуралами аймаков и городов сроком на пять лет» и ст. 68 «Президиум народного хурала аймаков и городов избирает судей участковых, районных, местных и городских судов сроком на пять лет,

народные заседатели избираются гражданами на предприятиях и в организациях места работы открытым голосованием. Судьей и народным заседателем может быть избран каждый гражданин МНР, достигший 23 лет и не имеющий судимости»¹. Таким образом, народные заседатели обладают одинаковыми правами с судьями для участия в отправлении правосудия, что соответствует требованиям конституции и закона о судебных институтах.

Согласно ст. 2.5 гл. 1 «Государственное устройство МНР» Закона о внесении поправок в Конституцию МНР² от 10 мая 1990 г. «По предложению Президента МНР премьер-министр МНР назначает и освобождает от должности генерального прокурора, председателя комитета народного контроля и председателя Верховного суда», а также согласно ст. 11.3 гл. 1 «Государственное устройство МНР» того же закона «В период между сессиями ВНХ премьер-министр МНР назначает и освобождает от должности генерального прокурора, председателя комитета народного контроля и председателя Верховного суда»; в ст. 11.6 «По представлению председателя Верховного суда выбирается состав Верховного суда и вносятся изменения в его состав» и в ст. 11.15 утверждена процедура обсуждения докладов правительства, Верховного суда, генерального прокурора, комитета народного контроля, президиумов аймачных и городских народных хуралов, министерств и государственных комитетов. Это подтверждает, что согласно закону о поправках в Конституцию МНР ведущая функция судебной администрации осуществлялась Малым Хуралом как постоянным органом высшей государственной власти, обладающим полномочиями законодательства, контроля и управления.

В документах V Пленума МНРП 1988 г. о реформе государственного устройства МНР было выдвинуто предложение о назначении председателя ВНХ высшим государственным чиновником и с этого момента члены Президиума ВНХ были наделены функцией коллективного руководства. Во время создания поста президента высшим органом государственной власти был ВНХ, постоянным законодательным органом — Малый Государственный Хурал, высшим органом исполнительной власти — Правительство; в ст. 13 Закона о внесении поправок в Конституцию МНР от 10 мая 1990 г. поправкой к закону была образована данная должность. В ч. 5 ст. 2 Постановления Великого Народного Хурала от 11 сентября 1990 г. о внесении изменений в Конституцию МНР были внесены следующие изменения: «По предложению Президента МНР премьер-министр правительства МНР назначает и освобождает от должности генерального прокурора МНР и председателя Верховного суда»³.

Согласно ст. 11.2 Закона о Президенте от 4 января 1991 г., «предложения о назначении и освобождении вице-президента МНР, генерального прокурора и председателя Верховного суда вносить в ВНХ или в Малый Государственный Хурал»⁴ обе законодательные палаты совмещали функции государственного управления.

¹ Сборник истории монгольского законодательства. 2010. Т. 7. С. 294.

² Там же. С. 308–311.

³ Там же. С. 330.

⁴ Там же. С. 402.

Таким образом, реформа законодательства в соответствии с Законом о конституционных поправках 1990 г., проводимая до 1992 г., поколебала основы тоталитарного режима и подготовила политические, экономические и правовые предпосылки для перехода к конституционному устройству.

Согласно ст. 9 «Выборы Верховного суда МНР» Закона о регламенте первой сессии Малого Хурала МНР, каждая кандидатура, предложенная председателем Верховного суда МНР, обсуждается и на основе тайного голосования большинством голосов участвующих в заседании сессии кандидат избирается в состав Верховного суда и издается постановление об этом, что в общем не противоречит полномочиям Государственного Малого Хурала. Однако следует отметить, что Верховный суд, руководя и организуя административную деятельность судебных органов нашей страны, должен был отчитываться перед ВНХ, а в период между сессиями ВНХ — его президиуму и, фактически не имея возможности избавиться от партийного контроля, осуществлял деятельность на основе смешанного принципа «партия — право — партия».

Любая партия по мере расширения политического окружения стремится концентрировать власть в любой ветви государственного управления и, притесняя и ущемляя интересы других, встречается с сопротивлением и тем самым произвольно создает почву для реформ и обновления.

Согласно постановлению Государственного Малого Хурала МНР о внесении дополнений и поправок в закон о судебном устройстве МНР от 27 сентября 1990 г. [7, с. 334], после ст. 47.2б «Судебная коллегия по уголовным делам» Закона о судебном устройстве МНР была добавлена статья «Судебная коллегия по экономическим делам», что явилось правовым регулированием, отражающим необходимость участия квалифицированных судей, охраняющих права собственности граждан в процессе перехода от плановой экономики к рыночной. Также в этой связи, на основе ст. 11.6 «Избирать и вносить изменения в состав Верховного суда на основе предложения председателя Верховного суда» Закона о конституционных поправках ГМХ от 10 мая 1990 г. постановлением 1 ГМХ о составе членов Верховного суда МНР и о руководстве судебной организацией указывалось, что **«руководство работой по организации местных и специальных судов передается от Верховного суда МНР Министерству юстиции МНР и его местным организациям»**¹. Приказом министра юстиции и арбитража № 5 «Об утверждении направлений деятельности заместителей министров, структуры центрального аппарата и начальников управлений и отделов» было образовано 6 управлений, отделов и секторов в структуре центрального аппарата министерства, в котором управление обеспечением деятельности судопроизводства было включено в сферу ответственности первого заместителя министра.

Судебная реформа проходила интенсивно с 1990 г., развитие судебного администрирования реализовывалось различными способами: в социалистический период оно входило в компетенцию Верховного суда, а с 1990 г. стало сферой компетенции министра юстиции [8, с. 134]. Судебной системой МНР руководил Государственный Верховный суд, в состав которого входили: а)

¹ Сборник истории монгольского законодательства. 2010. Т. 7. С. 337.

Генеральная ассамблея Верховного суда; б) члены президиума Верховного суда; в) судебная коллегия по уголовным делам; г) судебная коллегия по гражданским делам; д) специальный суд или военная коллегия. Президиум Верховного суда был органом коллегиального управления, ответственным за проведение организационной работы суда. Состав президиума Верховного суда и количество членов утверждались на основе предложения председателя Верховного суда президиумом ВНХ. Такое организационное разделение административных функций, когда вспомогательная функция судебной организации входила в сферу компетенции министерства юстиции, подтвердило возникновение необходимости отделения административной работы от судопроизводства. Введение функций судебной администрации в сферу компетенции министерства позволило избавиться от судебной иерархии Верховного суда, аймачных и городских судов, специальных судов и народных судов и способствовало созданию концепции самостоятельности суда, независимости судей и подчинения только закону.

В постановлении 89 «Об утверждении основных направлений судебной реформы» от 24 декабря 1990 г. судьи и работники судов были призваны вносить вклад в создание правового государства, установление судебной власти и реализацию судебной реформы МНР. В приложении к постановлению были детально указаны шаги по их реализации:

1. Реформа судопроизводства.

2. Обеспечение независимости суда:

- 1) изучить и решить вопрос по созданию руководства судебной организации и управляющей службы материального снабжения и финансирования, отвечающих требованиям независимости суда;

- 2) законодательно закрепить правовые гарантии независимости суда;

- 3) перейти от принципа выборности судей к принципу назначения судей, срок полномочий которых должен отличаться от срока полномочий назначенного должностного лица.

То, что в данном постановлении отражены первые шаги по избавлению от контроля партии, свидетельствует об обеспечении гарантий верховенства закона при судопроизводстве.

В п. 6 ст. 10 «Правил постоянного комитета Малого Хурала МНР», утвержденных постановлением 15 Малого Хурала МНР от 29 января 1991 г., указывается, что комитет отвечает за вопросы назначения и замены председателя и состава Государственного Верховного суда ...внесение предложений и выводов по данному вопросу.

Приказом А/107 министра юстиции МНР «О некоторых мерах по совершенствованию работы судов и судебных исполнителей» от 25 марта 1991 г. местные органы судебной власти освобождаются от хозяйственных, финансовых и административных функций; для обеспечения гарантий независимости суда и судей, надлежащего формирования судебной власти согласно вышеприведенному постановлению с целью реформы судебной администрации начальникам аймачных и городских юридических отделов и управлений предписывается:

1. Непрерывно обеспечивать кадровый резерв суда профессиональными кадрами с теоретической подготовкой и профессиональным опытом.

2. Вносить предложения министерству на основе изучения вопросов конкурсного отбора судей и народных заседателей о повышении, награждении и премировании, предоставлении пенсий и пособий, оказании помощи.

3. В целях повышения знаний и квалификации, освоения передовых методов работы судей, судебных исполнителей, секретарей судов и народных заседателей организовать работу семинаров, курсов и занятий с определенной программой, бесед, имеющих отношение к функции судебной администрации.

Таким образом, административно-организационная функция Верховного суда была передана государственной организации со штатным расписанием. Однако возможности для проверки материалов отчетности о выполнении приказа были ограничены.

Постановление 10 Малого Хурала МНР о некоторых мерах по отношению к судебным и прокурорским организациям, в котором указывается, что, «руководствуясь целями обеспечения независимости судебных и прокурорских организаций, отразить в бюджете судов среднюю зарплату народных заседателей на время исполнения обязанностей в суде и в целях улучшения гарантий реализации судопроизводства создать штатную позицию судебного пристава с полным окладом и обеспечением», а утверждение «присяги судей МНР»¹ охватывает период реформ судебной власти только в сфере реализации задач обеспечения независимости и самостоятельности судей [9, с. 217].

Здесь отразилось фундаментальное содержание новой конституции о независимости судей и верховенстве закона. Согласно ст. 1.3 Закона об отказе от партийного членства некоторых должностей — председателей, заместителей и членов судов всех инстанций², был создан механизм защиты от влияния политических партий.

В докладе председателя Верховного суда МНР Д.Дэмбэрэлцэрэна «Основные направления судебной реформы МНР» отмечалось: «Основной узловой вопрос судебной реформы заключается в иммунитете судопроизводства от внешнего влияния и в верховенстве закона. Для осуществления этого помимо профессиональных знаний и квалификации наряду с акцентом на единую политику и единое руководство для улучшения снабжения суда, по мнению большинства судей аймачных и городских судов, необходимо создание при Верховном суде организации, ответственной за бюджет и материально-техническое снабжение судов.

Приведем некоторые существенные результаты подготовительной работы по реформе и переходу в результате передачи административной функции под юрисдикцию Министерства юстиции.

Согласно приложению 2 к приказу А/159 «Об утверждении правил управлений и отделов», поручить работу по управлению судебной организацией и исполнению судебных постановлений аймачным и городским юридическим отделам, преобразованным в наделенное полномочиями объединенного руководства подразделение министерства. Кроме того, в правилах данного управления отражены меры по изучению и разработке мер совершенствования

¹ Сборник истории монгольского законодательства. 2010. Т. 7. С. 439.

² Там же. С. 484.

структуры, размещения и организации работы местных и специальных судов, установлению процедур для мониторинга режима их работы, контролю за исполнением данных поручений и решений высших государственных органов управления и министерства юстиции для обеспечения реорганизации деятельности судебных организаций, организации проведения выборов в суд совместно с аймачными и городскими юридическими отделами и управлениями, проведению инспекций и инструктажа местных и специальных судов, обучению на курсах и стажировке судей, изучению опыта работы совместно с соответствующими организациями, управлениями и отделами, а также внедрению передового опыта судебных организаций.

В приказе А/450 министра юстиции МНР «О некоторых мерах по обеспечению подготовки к реализации судебной власти» от 28 декабря 1991 г. с целью обеспечения независимости и самостоятельности судей утверждаются правовые акты организационного характера по обеспечению судей, судебных исполнителей и судебных приставов служебной формой и специальными средствами индивидуальной защиты, а также меры по поочередному освобождению судей от основной работы на определенный срок для занятий на курсах английского языка и обучения основам рыночной экономики. Подобный детальный подход к совершенствованию управления и организации судебной системы конкретно отражает характер и специфику реформы в социальной сфере.

Начальный этап реформы судебной власти и судебной администрации (1990–1992 гг.) характеризуется ликвидацией прежней системы, находившейся под прямым контролем одной партии и превратившейся в ее инструмент принуждения, и формированием новой системы по канонам теории распределения власти, в процессе которого произошли качественные изменения в характере административного управления и реализации принципа независимости судей и самостоятельности судебной власти в результате передачи министерству юстиции вспомогательных административных функций судебной организации.

В результате этих изменений целостные функции судопроизводства и административного управления были разделены, составив два взаимосвязанных столпа новой системы, которые были законодательно закреплены последующими законами.

В кратком введении к проекту Конституции Монголии, подготовленном организационной комиссией по разработке ее проекта от 18 апреля 1991 г., отмечается, что в проекте коренным образом была реформирована судебная система, изменен избирательный принцип, бывший государственный суд был передан в компетенцию Генерального судебного совета и гарантом независимости судей стал глава государства [10, с. 62–64]. В протоколе заседания III сессии Малого Хурала МНР от 17 мая 1991 г. записано, как доктор Б. Чимид разъяснял разницу между понятиями в этом контексте: «Генеральный судебный совет не является органом судопроизводства, скорее в своем роде он объединяет административно-управленческие функции, выполняемые ныне министерством юстиции, прокуратурой и Верховным судом [Там же, с. 96–97]».

То, что согласно п. 3 ст. 49 Конституции Монголии 1992 г. «в целях обеспечения независимости и самостоятельности судей создается Генеральный судебный совет; п. 4 «Генеральный судебный совет, не участвуя в осуществлении правосудия, занимается подбором судей из числа юристов, защитой интересов судей, обеспечивает условия для независимой деятельности судов» и п. 5 «Структура, порядок деятельности Генерального судебного совета устанавливаются законом»¹, является свидетельством особого внимания к определению правового статуса данного совета [8, с. 81].

В п. 1 ст. 3 приложенного к Конституции Монголии закона о вступлении в силу Конституции Монголии согласно ее положениям создается Генеральный судебный совет, президент Монголии назначает судей определенной инстанции, судьи всех инстанций и народные заседатели исполняют собственные полномочия согласно Конституции Монголии.

В ч. 3 указывается, что на основаниях положений Конституции Монголии работы по обновлению судебной и прокурорской организации должны закончиться в рамках 1993 г. Таково начало организационной деятельности по строительству новых органов судебной власти.

В концепции закона о суде 1993 г. «Закон о судебных институтах» и «Закон о генеральном судебном совете» были объединены; Генеральный судебный совет не вмешивается в работу суда и судей, выбирает только из юристов судей, выражает мнение о их профессиональном уровне, защищает права и налагает дисциплинарные санкции, выполняет обязанности, связанные с обеспечением самостоятельной работы суда. При совете работают судебный комитет по квалификации, дисциплинарный суд судей, администрация суда, ответственная за выполнение решений Генерального судебного совета. Председатель Верховного суда возглавляет Генеральный судебный совет (например, в США и Испании его возглавляет председатель Верховного суда). Однако когда председатель Верховного суда возглавляет Генеральный совет, то в руках одного человека сосредотачивается управление судебной администрацией и судопроизводством, что чревато негативными последствиями, могущими обусловить влияние суда верхней инстанции на суд нижней. Поэтому на основе этого законодательно определены условия для неучастия верховного судьи в каждодневной деятельности Генерального совета, и секретарь Генерального совета (штатная должность) возглавляет администрацию суда, определяя структуру и функции судебной администрации, что является симптомом начала обновления судебной власти.

Правовой статус Генерального судебного совета определяется не в контексте руководящего судебного органа, а с позиции обеспечения гарантий его независимости и автономии. Таким образом, Генеральный судебный совет является самостоятельным исполнительным органом, ответственным за оказание публичных судебных услуг государству.

Создание Генерального судебного совета с целью обеспечения независимости судей и самостоятельности суда явилось первичным основанием для поднятия судебной системы на новый уровень. Судебная администрация, не

¹ Конституция Монголии. Государственная информация. 1992. № 1.

вмешиваясь в работу судов и судей, выполняет только функцию обеспечения самостоятельности суда и независимости судей, их защиты, создания всех условий и возможностей для нормальной деятельности.

В случае, если позже у судьи выявится «скрытый» конфликт, серьезно противоречащий правовым требованиям, предъявляемым к судьям, то ответственность за это должен нести не президент, а Генеральный судебный совет. Поскольку в Конституции (ст. 49, подп. 3, 4) указано, что Генеральный судебный совет создается в целях обеспечения независимости и самостоятельности судей и занимается подбором судей из числа юристов, защитой интересов судей, это обеспечивает условия для независимой деятельности судов [5, с. 262].

Генеральный судебный совет — относительно самостоятельная организация с целью и функциями, определенными Конституцией. Осуществление любым судом судебной власти самостоятельно является главным его принципиальным отличием от законодательной и исполнительной ветвей власти и основанием для обязательной (естественной) независимости. Принцип «самостоятельности суда» в целях обеспечения независимости судей был закреплен в конституции [Там же, с. 264]. В период от закона о конституционных поправках 1990 г. до утверждения Конституции 1992 г. главной целью социально-экономической трансформации был курс на сбалансированное распределение государственной власти.

Процесс разделения судебной власти от законодательной и исполнительной, закрепления конституцией деятельности по реализации компетенций возможно изучить в рамках правовых источников определенного периода времени и на основе развития нормативно-правовой базы обеспечения конституции того времени.

Литература

1. Чимид Б. Знания о Конституции. Улан-Батор, 2008. С. 305.
2. Чимид Б. Концепция Конституции (Тетрадь 1). Улан-Батор, 2002. 114 с.
3. Нарангэрэл С. Юридический словарь. Улан-Батор: Admon, 2011. 330 с.
4. Чимид Б. Современная политика глазами юриста. Улан-Батор, 2006. 156 с.
5. Чимид Б. Концепция Конституции. Улан-Батор, 2017. 223 с.
6. Чимид Б. Главенство Конституции. Улан-Батор, 2006. С. 85.
7. Амарсанаа Ж. Конституция Монголии. Документы. Улан-Батор, 2004. 200 с.
8. Реформа судебной власти Монголии / Ж. Амарсанаа [и др.]. Улан-Батор, 2010. 125 с.
9. Нармандах Б. Конституционное право Монголии. Улан-Батор, 2005. 222 с.
10. Амарсанаа Ж. Держатели конституционных прав. Улан-Батор, 2010. 271 с.
11. Реформа судебной власти (обзор за последние 20 лет) / Ж. Амарсанаа [и др.]. Улан-Батор, 2010. С. 24.
12. Ганбаатар Г. Верховенство закона в поисках справедливости. Улан-Батор, 2016. 120 с.

CONSTITUTIONAL CONCEPT OF THE JUDICIAL ADMINISTRATION

B. Ulziisaikhan

Director, Bilig Institute,

University of Humanities Mongolia

1, Suhbaatar dureg, Bahturuu, Ulan-Baatar, Mongolia

This article studies a reform of judicial power commenced in the transition period of Democracy in Mongolia and its execution, conception of Constitution organizing General Judicial Council as an Court Administration and its system, aim and tendency also how is it defined in the related laws as a comparative independent organization with the aim to provide judge's independence and court sovereignty.

Keywords: Conception, judicial power, court administration

УДК 343.2/.7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

© З. Б. Соктоев

доктор юридических наук, профессор,
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
Россия, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: soktoev@gmail.com

Автор исходит из того, что задача борьбы с преступностью должна рассматриваться в комплексе принимаемых решений как на законодательном, так и на правоприменительном уровне при констатации роли уголовного закона как одного из многих и далеко не решающих средств преодоления проблем современности. В работе доказывается, что политическую волю следует рассматривать как самостоятельный фактор (основание) криминализации, если воспринимать преступность как явление объективной реальности в ее действительном виде, а не в представленных данных уголовной статистики. В условиях лимитированных организационных, технических, финансовых ресурсов уголовной юстиции, когда о неотвратимости уголовной ответственности говорить не приходится, действие УК оказывается избирательным. Поэтому необходима локализация уголовно-правовых запретов в отношении ограниченного перечня опасных деяний, прежде всего тех, которые генерируют детерминанты преступности.

Ключевые слова: политическая воля, качество уголовного закона, детерминанты преступности, уголовно-правовой запрет, преступление.

Одной из актуальных проблем современной юридической науки и практики следует признать необходимость обеспечения надлежащего качества уголовного закона России. Максимально эффективное воздействие на преступность и поддержание на должном уровне правопорядка может быть успешным только при условии оптимального сочетания форм и средств реализации уголовной политики на основе выявленных причинных зависимостей уголовно-правовых явлений, нашедших отражение в цельном, непротиворечивом, беспробельном, системном, обладающем внутренним единством уголовном законе. Однако действующий Уголовный кодекс РФ не отвечает этим критериям [1; 2], в связи с чем заслуживает отдельного внимания вопрос о роли политической воли в обеспечении качественного УК.

С момента вступления в силу УК принято 202 федеральных закона и 7 различных постановлений Конституционного суда РФ о внесении изменений и дополнений в УК (на май 2017 г.). Например, в ст. 1041 УК «Конфискация имущества» внесены изменения 16 федеральными законами. Это своеобразный рекорд, но данный результат не выглядит совсем уж неожиданным. Более того, может, эти изменения и вполне закономерны, если учесть появление самой статьи как следствия своеобразной уловки законодателя, когда он в 2003 г. исключил конфискацию как вид наказания, но вернул в 2006 г. в УК уже принципиально другую со схожим названием меру. Правовая природа введенной меры оказалась размытой и неопределенной. Если конфискация как карательная мера исправления и превенции была предусмотрена во всех

источниках российского уголовного права (источниках древнейшего удельного периода, судебниках, уложении 1649 г., воинских артикулах Петра I, уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в виде специальной конфискации), УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.), то в содержании конфискации в ее современной интерпретации сложно усмотреть карательный элемент, поскольку принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства подлежит то имущество, которое либо вовсе не принадлежит собственнику, либо не может по соображениям справедливости принадлежать этому лицу. Поэтому нельзя говорить о такой конфискации как о лишении и (или) ограничении осужденного в его имущественных правах.

Нетрудно увидеть, как своеобразно изменялся УК с 1997 г.: 24 раза законодатель в один день принимал два федеральных закона, которыми менялась редакция УК, 7 раз — когда в один день принимались 3 федеральных закона, 23.07.2013 г. были приняты сразу 4 таких федеральных закона, 4 раза пятью принятыми в один день федеральными законами внесены изменения и дополнения в УК, а 05.05.2014 г. — принято сразу 6 федеральных законов, которыми менялась редакция УК. Причем далеко не всегда вносились фрагментарные изменения и дополнения уголовного закона. Так, Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ подверглись изменениям сразу 266 статей УК, Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ — 239 статей УК. В целом же, если на момент принятия в УК было 360 статей, то сейчас их — 517. Количество же уголовно-правовых норм в силу поливариативности понимания технико-юридических подходов к конструированию статей УК подсчитать сложно.

Таким образом, сама по себе 20-летняя практика законотворческой работы над УК может стать самостоятельным предметом исследования, представляющим интерес не только для историков, но и для глубоко заинтересованных в учете и недопущении законодательных просчетов. Не только население (главный адресат уголовного закона), но и высококвалифицированный правоприменитель зачастую испытывают сложности, отслеживая и интерпретируя вносимые в УК изменения и дополнения.

На фоне отмеченной динамики, когда в среднем раз в месяц, если не считать редкие годы затишья, менялся УК, казалось бы, трудно упрекнуть государство, призванное осуществлять борьбу с преступностью, в отсутствии политической воли, направленной на решение этой задачи.

Однако подлинная политическая воля, как основанная на системе нормативно-ценностных установок совокупность внутренних свойств и состояний политического субъекта (политической группы или ее лидера), выражается в способности достигать поставленных целей и реально решать задачи в сфере реализации политической власти [3]. Нужно оговориться, в литературе решения, обусловленные политической волей, противопоставляют решениям, основанным на праве [4]. Вряд ли можно согласиться с категоричностью такого противопоставления, поскольку зачастую решения, основанные на праве, оказываются нежизнеспособными при отсутствии проявленной политической воли. Эта воля нужна и при принятии одного из нескольких основанных на праве решений. Выделяют политическую волю многонационального российского народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в

Российской Федерации и объективно существующую политическую волю руководства и элит как *condition sine qua non* реализации жизненно важных государственных решений [5; 6; 7]. Об этом, в частности, говорится в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС: «Российская Федерация исходит из того, что при наличии твердой политической воли руководства государств — участников БРИКС к углублению взаимодействия данное объединение может стать в перспективе одним из ключевых элементов новой системы глобального управления, прежде всего в финансово-экономической сфере (п. 11).

В случае борьбы с преступностью политическая воля государства выражается в способности принятия таких властных решений, которые свидетельствовали бы об установлении социально приемлемого контроля государства над преступностью. Причем сложнейшая задача борьбы с преступностью должна рассматриваться при ясном понимании роли уголовного закона как одного из многих и далеко не самых действенных средств преодоления проблем современности.

Правильно подмечено, что «глубоко продуманная, научно обоснованная криминализация совершающихся в обществе деяний никогда и нигде не была осуществлена» [8]. Но это, разумеется, не означает, что следует вовсе отказываться от стремления к достижению такого результата. В уголовно-правовой доктрине выработаны критерии (основания) криминализации:

- потребности общества в уголовно-правовом воздействии; общественная опасность деяния; степень распространенности деяния; невозможность борьбы иными, менее репрессивными мерами [9];

- отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета, наличие материальных ресурсов для реализации уголовно-правового воздействия, общественное правосознание, психология, исторические традиции [10; 11];

- требования конституционной адекватности, системно-правовой непротиворечивости, международно-правовой необходимости и допустимости криминализации, процессуальной осуществимости, беспробельности закона и избыточности запрета, определенности и единства терминологии, полноты состава, соразмерности санкций и экономии репрессии [12]

- и др.

Перечисленные основания криминализации оказываются, на наш взгляд, неполными без политической воли как самостоятельного фактора криминализации. Конечно, можно утверждать, и совершенно правильно утверждать, что проявление политической воли, выразившейся в учете научных основ криминализации, существенно положительным образом повлияет на результат законотворческой работы, что в этом смысле политическая воля и основания криминализации — разноплановые категории. Но дело и в другом: политическая воля находит самостоятельное место среди необходимых условий криминализации, если воспринимать преступность как явление объективной реальности в ее действительном виде, а не так, как она представлена в данных уголовной статистики.

Так, в 2016 г. в России зарегистрировано 2 160 063 преступления, а на самом деле показатели фактической преступности выше. Согласно используемым С. М. Иншаковым методикам, количество фактически совершенных

в России в 2006 г. преступлений — не менее 15 млн, и «есть достаточно оснований для выдвижения гипотезы о том, что уровень фактической преступности очень велик, он измеряется сотнями миллионов преступлений в год» [13]. Знакомый с российской действительностью читатель может поразмыслить: о сращивании криминалитета и политики; о количестве и об объемах «откатов», каждый из которых образует преступление; о фактах дачи и принятия иных незаконных вознаграждений, каждый из которых образует преступление; о межклановой политической борьбе, далекой от системного воздействия на преступность; о масштабах совершенных с заранее обдуманном умыслом нарушений договорных обязательств, причиняющих ущерб контрагентам, большинство из которых образует криминальное мошенничество; о бездействии или ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, влекущими существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, интересов общества или государства, в т. ч. предусмотренных специальными нормами, каждое из которых образует преступление; об объемах поступающих в Россию либо производимых в России наркотиков, иных опасных психоактивных веществ, за которыми стоят миллионы ежегодно совершаемых преступлений в связи с их оборотом и получением средств на их приобретение; о количестве лиц, не имеющих легальных источников доходов, но как-то обеспечивающих свое биологическое, и не только, существование. Эти данные наглядно представлены в современной криминологической литературе.

Все вышеописанное предполагает избирательное действие уголовного закона. В условиях лимитированных организационных, технических, финансовых ресурсов уголовной юстиции, когда о неотвратимости уголовной ответственности говорить не приходится, избирательность УК становится очевидной.

Законодатель, как будто бы это понимая, дополняет в последние годы УК специальными нормами, направленными, в частности, на усиление борьбы с приготовлениями к совершению преступлений террористической, коррупционной направленности и т. п. Однако такая практика идет вразрез с общей тенденцией развития уголовного законодательства, заключающейся в переходе от регламентации в УК частных положений, от казуистического изложения текста уголовного закона к формулированию более емких уголовно-правовых запретов. По этой причине понятно, почему законотворческая практика последних лет при практическом применении вновь введенных специальных норм продемонстрировала не только их избыточность, но и мнимую результативность приложенных законодателем усилий [14]. «Зачем было действиям пособника придавать значение самостоятельного состава преступления, если институт соучастия и без того позволяет обосновать его уголовную ответственность — как это сделано при выделении пособничества совершению террористического акта (ч. 3 ст. 2051 УК). Для одних форм пособничества (вооружение, подготовка лица к совершению преступлений террористического характера, а также финансирование терроризма) в ч. 1 ст. 2051 УК предусмотрено наказание от 5 до 10 лет лишения свободы, а для других форм пособничества террористическому акту в ч. 3 той же статьи — от 8 до 20 лет лишения свободы. Невозможно объяснить и то, по каким соображениям законодатель установил более строгое наказание для пособника

террористическому акту (от 8 до 20 лет лишения свободы), если для исполнителя того же преступления закон (ч. 1 ст. 205) устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет» [15].

Необходимость в локализации уголовно-правовых запретов в отношении ограниченного перечня опасных деяний ориентирует на создание «маленького» УК. Такая акцентуация уместна, по нашему убеждению, прежде всего в отношении тех опасных деяний, которые порождают, генерируют социальные противоречия — детерминанты преступности. Речь, в первую очередь, идет о проявлениях коррупционной, политической, экономической преступности: в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683) названы основные угрозы государственной и общественной безопасности (п. 43), подчеркивается особая значимость искоренения причин и условий, порождающих коррупцию (п. 46), необходимость в активных мерах по борьбе с коррупцией, теневой и криминальной экономикой (п. 58).

Политическая воля государства находит выражение в комплексе принимаемых решений не только на законодательном, но и на правоприменительном уровне. Очевидно, что даже совершенный уголовный закон утратит свое качество при ненадлежащем его применении.

Приведем следующий пример, когда без изменения текста УК уголовно-правовой запрет, будучи «мертвым», вдруг, неожиданно, в какой-то момент становится работающим. Об этом мы писали и раньше (ст. 1451 УК). Если случаев невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат было зарегистрировано в Российской Федерации в 2000 г. 44 преступления, в 2001 г. — 51, в 2002 г. — 80, в 2003 г. — 183, за первые четыре месяца 2004 г. — 81, то только за один последующий месяц было зарегистрировано больше, чем за все предшествующие 5 лет применения этой нормы — более 400 преступлений. В целом за 2004 г. зарегистрировано уже 1 723 преступления, за 2005 г. — 1 690 преступлений. Чем вызван этот рост, если в предыдущие годы уровень невыплат был более внушителен, а к середине нулевых на фоне значительного притока финансов в экономику проблема стала терять прежнюю остроту? Причина столь повышенного с мая 2004 г. внимания к ст. 1451 УК состоит в предложении Генерального прокурора Российской Федерации от 25.05.2004 г. № 20-16-2004 усилить прокурорский надзор за своевременностью выплат заработной платы и иных социальных выплат, в т. ч. путем применения мер уголовной репрессии. Это случай акцентированно проявленной политической воли, заставляющей работать репрессивный механизм государства. Спустя 10 лет после дополнения УК ст. 1451 в 2010 г. зарегистрировано 825 преступлений, в 2011 г. — 690, в 2012 г. — 624, в 2013 г. — 578, в 2014 г. — 613, в 2015 г. — 914, в 2016 г. — уже 1 679 преступлений.

Феномен политической воли в обеспечении избирательного применения УК нельзя игнорировать, поскольку на фоне значительного количества совершаемых преступлений, объективно ограниченных возможностей уголовной юстиции точечное воздействие на действительно болевые социальные проблемы может дать в краткосрочной перспективе предполагаемый положительный результат, ожидаемый от качественного уголовного закона. При отсутствии политической воли этот результат, как демонстрирует складыва-

ющая практика, может оказаться трудно достижимым. Иной вопрос состоит в том, как расставляются такие акценты и как нужно, исходя из целей эффективного решения насущных задач, их расставлять.

Литература

1. Качество уголовного закона: проблемы общей части: монография / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2016. 288 с.
2. Качество уголовного закона: проблемы особенной части: монография / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2017. 384 с.
3. Дашков Г. В. Криминологическая составляющая в политической воле // *Lex Russica*. 2008. № 4. С. 885–896.
4. Громов В. Г. Институт отрешения от должности в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации // *Современное право*. 2016. № 10. С. 32–38.
5. Алебастрова И. А. Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 12. С. 22–25.
6. Кененова И. П. Трудно ли элитам применить закон к себе? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 1. С. 15–36.
7. Маслова Л. И. Конституционно-правовые основания механизма народовластия в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 11. С. 19–22.
8. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 17.
9. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // *Правоведение*. 1975. № 4. С. 68–74.
10. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с.
11. Коробеев А. И. Криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения: назад в будущее? // *Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.* Краснодар, 2015. С. 51–58.
12. Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // *Советское государство и право*. 1980. № 1. С. 70–76.
13. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2009. № 1. С. 107–130.
14. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса РФ // *Всероссийский криминологический журнал*. 2014. № 1. С. 89–91.
15. Рарог А. И. Актуальные проблемы уголовного права // *Всероссийский криминологический журнал*. 2014. № 2. С. 90–95.

POLITICAL WILL IN PROVIDING QUALITY OF CRIMINAL LAW

Z. B. Soktoev

Doctor of Laws, Kutafin Moscow State Law University,
professor of Department of Criminal Law
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia
E-mail: soctoev@gmail.com

The Author bases upon view that aim of struggle against criminality should be examined in connection with adopted decisions on legislative and law enforcement levels ascertaining the role of criminal law as one of many and not decisive means for overcoming issues of contemporary world. In the paper, it is proved that political will should be scrutinised as an independent factor (basis) for criminalization, if we consider criminality as a phenomenon of objective reality in its actual appearance and not as provided data of criminal statistics. In limited organizational, technical, financial resources of criminal justice, when it is impossible to talk about inevitability of criminal responsibility, the realization of criminal law is happen to be selective. Therefore, the localization of criminal law prohibitions is necessary in relation to the list of dangerous actions, primarily those that generate determinants of criminality.

Keywords: political will, quality of criminal law, the determinants of criminality, criminal law prohibition, crime

УДК 343.265

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

© **А. Н. Мяханова**

доцент, судья в отставке
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: alex27-m@mail.ru

© **Т. И. Эрхитуева**

кандидат юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: alex27-m@mail.ru

Рассматривается юридическая природа условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Несмотря на то, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания известен российскому уголовному праву достаточно давно, по вопросу о его правовой природе в юридической литературе встречаются разные точки зрения. Определение юридической природы условно-досрочного освобождения имеет большое значение как для теории, так и для практики. Единое понимание юридической природы условно-досрочного освобождения поможет определить его место в системе институтов уголовного права, установить основания применения, обусловит дальнейшее его совершенствование. Отсутствие четкого представления в решении данного вопроса затрудняет решение таких практических вопросов, как освобождение от наказания по совокупности приговоров, отмены условно-досрочного освобождения, порядок погашения и снятия судимости и т. д.

Ключевые слова: освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отбывание наказания, поощрительная мера уголовно-правового характера, условно-досрочное освобождение.

Условно-досрочное освобождение известно в российском уголовном праве достаточно давно, вместе с тем по вопросу о его юридической природе в литературе встречаются разные точки зрения.

Определение юридической природы условно-досрочного освобождения имеет большое значение как для теории, так и для практики. Единое понимание юридической природы условно-досрочного освобождения поможет определить его место в системе институтов уголовного права, установить основания применения, обусловит дальнейшее его совершенствование. В решении данного вопроса отсутствуют четкие представления, например, в таких практических вопросах, как освобождение от наказания по совокупности приговоров, отмены условно-досрочного освобождения, порядок погашения и снятия судимости и т. д.

На данный момент в науке уголовного права существуют следующие определения юридической природы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: заключительная стадия отбывания наказания; отбывание наказания с элементами карательного воздействия; субъективное право осужденного, т. е. обеспеченная законом мера возможного поведения лица,

направленная на достижение его целей и удовлетворение интересов; досрочное прекращение отбывания наказания при условии соблюдения освобожденным в течение испытательного срока установленных законом требований; одна из форм освобождения от наказания; поощрительная мера уголовно-правового характера; последняя ступень прогрессивной системы отбывания наказания.

Так А. А. Пионтковский рассматривал условно-досрочное освобождение от наказания в качестве промежуточной ступени к окончательному прекращению карательного воздействия. Автор отмечал, что условное освобождение является мерой, сходной с наказанием, имеющей целью оказать содействие исправлению и адаптации преступника к условиям общежития путем образования удерживающих от дальнейших побуждений к преступной деятельности [1]. Условно-досрочное освобождение относится к принудительной мере, потому как его применение связано с угрозой обратного возвращения в карательное учреждение при условии несоблюдения определенных условий.

В работе М. А. Ефимова подробно сформулирована точка зрения, в которой условно-досрочное освобождение должно рассматриваться в качестве последней стадии лишения свободы [8]. В данном случае характер карательного воздействия состоит в более мягкой форме после освобождения из мест заключения. Другой исследователь данной проблемы — А. Л. Цветинович считал, что к условно-досрочно освобожденному применяется наказание более мягкого вида. Так, в течение неотбытой части наказания лицо подвергается воздействию правоограничений.

В определении М. А. Ефимова существует ряд неточностей в содержании исследуемого института. Условно-досрочное освобождение является поощрительной мерой для лица, отбывшего только часть назначенного ему наказания. При этом в ч. 2 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) законодатель закрепляет право суда возложить на освобожденного условно-досрочно дополнительные обязанности, которые должны им исполняться в течение оставшейся неотбытой части наказания.

Тем не менее, применяя условно-досрочное освобождение, суд прекращает карательное воздействие на осужденного, освобожденный условно-досрочно наделяется правами и свободами гражданина Российской Федерации, которых он был лишен в период отбывания наказания. Из этого положения следует исключить те права, которых он лишается из-за состояния судимости. Постановлением Конституционного суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В. Ф. Алдошиной и Т. С.-М. Идалова»¹ введен запрет Конституционного суда на выдачу загра-

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В. Ф. Алдошиной и Т. С.-М. Идалова». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ничных паспортов гражданам РФ, являющимся условно-досрочно освобожденными, до момента погашения судимости. Таким образом, право на выезд за пределы Российской Федерации для лиц, осужденных за совершение преступления, временно ограничено и не противоречит охраняемым и установленным в Конституции Российской Федерации ценностям.

На новое содержание условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как способ исправления лица указал С. К. Гогель. По сути, тюремный режим подавляет личность, что исключает его возрождение, а с помощью условно-досрочного освобождения можно исправить негативное влияние тюремного режима. Преступник может сам решить свою собственную судьбу, а именно — освободиться от наказания или вновь вернуться в тюрьму.

С другой стороны, Ю. М. Ткачевский указывал, что при исполнении наказания прекращается действие норм исправительно-трудового права [12]. Лицо досрочно прекращает отбывать наказание при условии соблюдения установленных законом требований в течение определенного срока.

Широкое распространение в науке уголовного права имеет точка зрения, согласно которой условно-досрочное освобождение является одним из видов освобождения от наказания. Законодатель включил институт условно-досрочного освобождения в гл. 12 «Освобождение от наказания» УК РФ. Лицо, признанное виновным в совершении преступления, освобождается от наказания, а именно от определенных лишений и ограничений прав, являющихся содержанием наказания.

Вышеуказанное понимание условно-досрочного освобождения совмещает понятия освобождения от наказания и освобождения от отбывания наказания. Суд признает лицо, освобождаемое от наказания, виновным в совершении преступления. Вместе с тем, наличие установленных в законе обстоятельств позволяет освободить подсудимого от наказания. В частности, на подсудимого не налагаются те лишения или ограничения прав и свобод, которые содержатся в наказании или иных мерах уголовно-правового характера, отсутствует статус судимого лица. Освобожденный же от отбывания наказания уже отбыл определенный срок наказания и имеет статус судимого.

Мы полагаем, что авторы И. Д. Бадамшин [13], С. Г. Барсукова [15], П. М. Малин [7; 18], В. В. Орехов [16] наиболее точно определяют юридическую природу условно-досрочного освобождения как меру поощрения осужденного, его право, возникающее из факта исправления и отбытия определенной части срока наказания. Вдобавок П. М. Малин относит условно-досрочное освобождение к поощрительной мере и включает в прогрессивную систему отбывания наказаний, а В. В. Орехов рассматривает условно-досрочное освобождение как конечный этап прогрессивной системы отбывания наказания.

Таким образом, у осужденного, отбывшего установленный в уголовном законе срок и возместившего вред, причиненный преступлением полностью или частично, появляется право на условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания. Применение данного права отдано на усмотрение суда, поскольку он должен решить вопрос о целесообразности

назначения осужденному в каждом конкретном случае условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или нет.

Юридическая природа условно-досрочного освобождения представляет собой освобождение осужденного от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или принудительной работы под условием выполнения обязанностей, возложенных судом, и несовершения нового преступления в течение неотбытой части наказания.

Для определения юридической природы условно-досрочного освобождения предлагается заменить понятие «исправление» на «предвидение правоопослушного поведения после досрочного освобождения», т. к. цель исправления является труднодостижимой. Главным условием применения условно-досрочного освобождения является несовершение осужденным новых преступлений. Условно-досрочное освобождение должно стать поощрительной мерой, применяемой к осужденному, следствием того, что он не только отбыл установленный уголовным законом определенный срок, возместил полностью или частично вред, причиненный преступлением, но и доказал способность в будущем не совершать новых преступлений.

Литература

1. Пионтковский А. А. Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование. Казань, 1990. 249 с.
2. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых колониях. Л., 1963. 272 с.
3. Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 1995. С. 25–28.
4. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. 237 с.
5. Хегай Л. В. Условно-досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1985. 22 с.
6. Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2000. 17 с.
7. Малин П. М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 2000. 216 с.
8. Ефимов М. А. Некоторые вопросы условно-досрочного и досрочного освобождения // Правоведение. 1958. № 1. С. 84–94.
9. Шарипов Т. Ш. Условное осуждение: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1992. 22 с.
10. Пушкарская А., Козенко А. Приговорили жить в России. Конституционный суд запретил выдачу загранпаспортов // Коммерсантъ. 2009. № 230(4285).
11. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. 516 с.
12. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. 240 с.
13. Бадамшин И. Д. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в законодательстве России: дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. 185 с.
14. Авдеев В. А. Уголовное право: курс лекций. Иркутск, 2006. Ч. 2. 272 с.
15. Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2000. 23 с.

16. Орехов В. В. Условно-досрочное и досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким. СПб., 2007. С. 60.

17. Евтушенко И. И. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и их ресоциализация: монография [Электронный ресурс]. Волгоград, 2005. 174 с. URL: <http://pandia.ru/text/79/058/40784.php> (дата обращения: 01.02.2016).

18. Малин П. М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 2000. 29 с.

LEGAL NATURE OF PAROLE

A. N. Mykhanova

Associate Professor of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Buryat State University», a retired judge
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: alex27-m@mail.ru

T. I. Erhitueva

candidate of Law, Associate Professor,
Federal State Budget Educational institutions of higher education «Buryat State university»
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: alex27-m@mail.ru

In article the legal nature of parole from serving sentence is considered. In spite of the fact that the institute of parole from serving sentence, is known to the Russian penal law for a long time, on its legal nature in legal literature the different points of view meet. Definition of the legal nature of parole is of great importance, both for the theory, and for practice. The uniform understanding of the legal nature of parole will help to define its place in the system of institutes of penal law, to establish the application bases, will cause its further improvement. The lack of a clear idea in the solution of the matter complicates the solution of such practical questions as release from punishment on cumulative sentences, parole cancellations, an order of repayment and removal of criminal record, etc.

Keywords: release from punishment; parole from serving sentence; serving sentence; incentive measure of criminal and legal character; parole.

УДК 343

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ПОТЕРПЕВШИХ НА ВСЕХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

© **Е. Н. Науменко**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: LawBSU@mail.ru

© **А. А. Маркеева**

магистрант 1-го года обучения,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: LawBSU@mail.ru

Авторами обозначены стадии уголовного процесса и классификация соответствующих проблем защиты потерпевшего теоретического содержания. При этом систематизированы основные проблемы неравноценности в УПК РФ объема прав потерпевшего с правами обвиняемого, проблемы ускоренного возмещения вреда потерпевшему, проблемы гармонизации, оптимизации средств возмещения вреда потерпевшему и пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, права потерпевшего, защита государством прав потерпевшего, досудебные стадии, судебные стадии, процессуальный контроль, прокурорский надзор.

Для анализа рассматриваемых проблем государственной защиты потерпевшего следует указать на стадии российского уголовного процесса, не обозначенные непосредственно, но выделенные в нормах ч. 2 и ч. 3 УПК РФ¹:

- стадии досудебного производства [1, с. 88]:

- 1) стадия возбуждения уголовного дела;
- 2) стадия предварительного расследования;

- стадии судебного производства:

- 1) стадия подготовительных действий судьи к судебному заседанию;
- 2) стадия судебного разбирательства;
- 3) стадия апелляционного производства пересмотра судебного решения, не вступившего в законную силу, судами второй инстанции;
- 4) стадия кассационного производства пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу, кассационной коллегией суда второй инстанции;
- 5) стадия исполнения приговора;

- исключительные стадии:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 2001. № 249. 22 дек.

1) надзорная стадия (пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу, Президиумом ВС РФ);

2) стадия возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Следует полагать, что содержание и объем проблем в реализации государственной защиты потерпевшего на указанных стадиях уголовного процесса обусловлены соответствующими правами потерпевшего в каждой из перечисленных стадий и их нарушениями.

При этом три категории основных проблем защиты прав потерпевшего в российском уголовном законодательстве составляют [2, с. 79–82]:

- категория содержательных проблем неравноценности объема прав потерпевшего с правами обвиняемого;

- категория теоретических проблем, обозначенных в соответствующих научных работах;

- категория правоприменительных проблем, которые отражены в судебной практике и в содержании мониторинга правоприменения.

В частности, теоретические проблемы защиты прав потерпевшего в российском уголовном законодательстве (с учетом стадий процесса), как показывает анализ ресурса РГБ¹ и электронной научной библиотеки², определяются вопросами защиты прав потерпевшего с учетом двух основных категорий: досудебных и судебных стадий процесса.

Так, в комплексном исследовании С. А. Синенко [3, с. 7] логично обоснованы следующие тезисы:

1) предписание ч. 4 ст. 144 УПК РФ представляется «юридической фикцией», поскольку употребление термина «заявитель» на стадии возбуждения уголовного дела в отношении пострадавшего лица неприемлемо в силу существенного отличия статуса заявителя от статуса потерпевшего и невозможности включения в полномочия заявителя всех обстоятельств участия пострадавшего в рамках приема, рассмотрения и разрешения первичных сведений о преступлении (проблема обеспечения права потерпевшего на стадии возбуждения дела в неполноценности статуса заявителя);

2) в УПК РФ отсутствуют предпосылки наделяния потерпевшего правом на сбор доказательств, поскольку потерпевший может лишь собирать информацию, которая посредством действия, решения дознавателя, следователя, прокурора или решения суда может стать доказательством по уголовному делу (проблема наделяния потерпевшего полноценным правом сбора доказательств на досудебных стадиях);

3) в УПК РФ необходимо изменить основания к мерам обеспечения безопасности потерпевшего и дополнить механизм ответственности за их непринятие, поскольку внушительный объем научных исследований и действующих норм в данной сфере не востребован, условия обеспечения без-

¹ Сведения портала РГБ [Электронный ресурс]. URL:<http://search.rsl.ru> (дата обращения: 24.09.2017).

² Сведения портала электронной научной библиотеки [Электронный ресурс]. URL:<https://elibrary.ru> (дата обращения: 24.09.2017).

опасности, установленные УПК РФ и прочими нормативными актами, на практике не реализуются (проблема формальности и недостатка в правовых механизмах обеспечения безопасности потерпевшего на всех стадиях процесса);

4) нормы УПК РФ целесообразно дополнить прагматичными инструментами представительства прав потерпевшего: компенсационным механизмом, позволяющим возполнить затраты на представительство; совершенствованием института обязательного представительства по отдельной категории потерпевших; механизмом надлежащего обеспечения права потерпевшего в рамках производства следственных действий; нормами обеспечения полноценного права потерпевшего в части ознакомления с материалом уголовного дела при любой форме предварительного расследования (проблема малой эффективности инструментов представительства потерпевшего на всех стадиях процесса);

5) требуется корректировка стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции относительно: согласования позиции потерпевшего с государственным обвинителем при полном (частичном) отказе от обвинения; участия потерпевшего при разрешении вопросов в рамках досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве; обеспечения надлежащих условий обеспечения прав потерпевшего на защиту судом и на возмещение ущерба от преступления при решении судом первой инстанции вопросов по исполнению приговора (проблема надлежащего обеспечения прав потерпевшего на стадиях первой судебной инстанции);

6) потерпевший в уголовно-процессуальном аспекте объективно не может предоставить в суд обоснованные доводы и ходатайствовать об отмене постановления суда по условно-досрочному освобождению осужденного, по замене неотбытой части наказания более мягкой мерой, согласно ч. 2–3 ст. 399 УПК РФ, поскольку это противоречит цели и правовой природе наказания, исполнение которого не зависит от воли потерпевшего (проблема несоответствия основ института наказания с правом потерпевшего представить в суде свои доводы или обжаловать постановление суда на стадии исполнения приговора);

7) пути решения обозначенных проблем в реализации государственной защиты потерпевшего на стадиях уголовного процесса обусловлены оптимальным вариантом «сквозной» корректировки УПК РФ с помощью норм, которые позволят: согласовать терминологию с расширением прав потерпевшего, повысить уровень сбалансированности прав потерпевшего с правами обвиняемого и качество правоприменения рассматриваемых норм.

Таким образом, выводы, аргументированные С. А. Синенко [3, с. 8], отражают исходный характер содержательных проблем неравноценности в УПК РФ объема прав потерпевшего с правами обвиняемого, который обуславливает внушительный объем теоретических проблем на всех стадиях процесса, включающих среди прочих проблему несоответствия правовой природы наказания с обозначенными в УПК РФ правами потерпевшего на участие в судебных заседаниях на стадии исполнения приговора.

Вместе с этим стоит обратить внимание на теоретическое исследование Е. В. Саюшкиной [4, с. 10] о проблемах в реализации государственной защи-

ты потерпевшего на стадиях уголовного процесса при ускоренном возмещении вреда потерпевшему (в рамках особого порядка судебного рассмотрения), в котором обосновано, что право потерпевшего на гражданский иск должно реализовываться законный интерес в получении материального возмещения наступившего от преступления ущерба. При этом в особом порядке производства имеет место лишь общий характер согласия потерпевшего, что может повредить его праву на возмещение ущерба в силу разъяснения ВС РФ¹ о праве суда оставить такой иск без удовлетворения, если на то есть основания. В этой связи Е. В. Смирнова обобщает следующие проблемы возмещения потерпевшему вреда от преступления [5]:

1) проблему гармонизации законодательства по вопросам возмещения вреда от преступления (проблема дефекта норм о защите потерпевшего на судебных стадиях);

2) проблему оптимизации мер возмещения потерпевшему вреда на стадии исполнения приговора.

То есть в работах Е. В. Саюшкиной и Е. В. Смирновой обозначены проблемы полноценности защиты права потерпевшего-истца в рамках особого порядка судебного рассмотрения и с применением мер гармонизации, оптимизации закона на судебных стадиях процесса.

Указанные теоретические проблемы решаются посредством использования различных инструментов. Так, обозначенные С. А. Синенко [3] проблемы неравноценности в УПК РФ объема прав потерпевшего с правами обвиняемого предопределяют важность множества соответствующих изменений законодательства.

Недостатки в реализации государственной защиты потерпевшего на стадиях уголовного процесса при ускоренном возмещении вреда потерпевшему (в рамках особого порядка судебного рассмотрения), аргументированные Е. В. Саюшкиной [4, с. 10], целесообразно устранять с помощью заключения в суде мирового соглашения потерпевшего с обвиняемым, которое должно определять размер имущественных (моральных) требований, сроки и порядок проведения выплат.

Вместе с этим обозначенные Е. В. Смирновой проблемы гармонизации, оптимизации средств возмещения вреда потерпевшему могут минимизироваться:

- разработкой и внедрением комплексного акта (например, федерального закона «О потерпевшем от преступления»);
- ратификацией Европейской конвенции по возмещению вреда², в которой, в частности, обозначены условия формирования системы возмещения ущерба пострадавшему, особенно в случаях, если посягавший не известен (не имеет средств для возмещения);
- коррекцией содержания УПК РФ следующими нормами:

¹ Постановление пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 22.12.2015) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 2. Февр.

² Там же.

- о дополнении в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ целевого принципа уголовного судопроизводства принципом восстановления права, нарушенного преступлением;
- о дополнении ст. 11 УПК РФ ч. 5 об условии освобождения от уголовной ответственности (наказания) только после полного возмещения вредных последствий потерпевшему;
 - формированием компенсационного фонда государства помощи жертвам преступления;
 - созданием фондов (обществ) материально-психологической поддержки жертвы преступления;
 - принятием государством субсидиарных обязательств со своей стороны на возмещение, компенсацию потерпевшему вреда от преступления;
 - внедрением мероприятий господдержки пенитенциарной системы в рамках стимулирования осужденных к оплачиваемому заработку в целях роста конкурентоспособности ее продукции;
 - специальным статистическим учетом мер возмещения вреда потерпевшему, которые должны быть включены в инструментарий мониторинга возмещения вредных последствий; и т. д. [5, с. 13].

Помимо указанных предложений снижению рассматриваемых проблем в реализации государственной защиты потерпевшего на стадиях уголовного процесса, безусловно, способствует позитивное развитие установленных средств процессуального контроля и прокурорского надзора. В этой связи стоит отметить, что с созданием следственного комитета РФ от надзорных полномочий прокурора на стадии предварительного следствия ничего не осталось, и именно руководитель следственного органа стал процессуальным руководителем следователя, заменив на этом поприще прокурора. Последний же сохранил отдельные полномочия применительно к решению вопроса о возбуждении уголовного дела; кроме того, следователь не может обойтись без прокурора при принятии решения о передаче материалов дела в суд с обвинительным заключением [6, с. 189–194].

Более широкие полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования будут способствовать минимизации обвинительного уклона в работе следователя, закономерно повысят процессуальную ответственность всех профессиональных участников уголовного судопроизводства. Это позволит обеспечить решение в ходе предварительного следствия защиты права, законного интереса потерпевшего от преступления [7, с. 170–172].

Таким образом, для полноты надзорных полномочий в части государственной защиты органами прокуратуры прав потерпевшего представляется необходимым восстановить право прокурора давать следователю обязательные для исполнения письменные указания по производству следственных и иных процессуальных действий. Обладая данными полномочиями, прокурор сможет своевременно устранять выявленные нарушения закона в части прав потерпевшего, что приведет к повышению качества уголовного судопроизводства [8, с. 50–58].

Литература

1. Батычко В. Т. Уголовный процесс: конспект лекций. Таганрог, 2016. 88 с.
2. Маркеева А. А. Актуальные проблемы обеспечения прав потерпевшего в уголовном законодательстве Российской Федерации // Закон и право. 2017. Т. 8, № 8. С. 79–82.
3. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2014. 41 с.
4. Саюшкина Е. В. Реализация прав и законных интересов участников при особом порядке судебного разбирательства: гл. 40 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2017. 22 с.
5. Смирнова Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2017. 30 с.
6. Смирнова Е. В. Взаимное влияние уголовной политики в области возмещения вреда, причиненного преступлением, и судебной практики // Уголовная политика и правоприменительная практика: материалы всерос. науч.-практ. конф. (31 октября 2014 г.) / отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб.: Изд-во Рос. гос. ун-та, 2014. С. 189–194.
7. Шабанов Э. Р. Прокурорский надзор за предварительным следствием: проблемы и перспективы развития // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2(23). С. 170–172.
8. Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. 2013. № 2. С. 50–58.

STATE PROTECTION OF VICTIMS AT ALL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF SECURITY AND WAYS OF THEIR SOLUTION

E. N. Naumenko

the senior teacher of chair of criminal trial and criminalistics Faculty of Law,
Buryat State University
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: LawBSU@mail.ru

A. A. Markeeva

Master of 1 course of the Faculty of Law
Buryat State University
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: LawBSU@mail.ru

The author identified stage of the criminal process and the classification of the relevant issues of the protection of the victim of the theoretical content. In this article the main problems of disparity in the criminal procedure code of the Russian Federation of the rights of the victim rights of the accused, the accelerated reparation to the victim, the problems of harmonization, optimization of the means of redress for the victim and their solutions.

Keywords: criminal process, victims ' rights, state protection of the rights of the victim, the pre-trial stage, trial stage, procedural control and prosecutorial oversight.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

© **Ю. В. Хармаев**

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РБ,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: kharmaev@mail.ru

Автор рассматривает организационные и правовые проблемы, возникающие в связи с реализацией нового вида уголовного наказания в виде принудительных работ, характерного для регионов, не являющихся донорами в экономическом развитии, в частности Республики Бурятия; делается попытка сформулировать ряд предложений по повышению эффективности исполнения данного вида наказания.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовное наказание, исправительный центр, принудительные работы.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ наряду с другими наказаниями, не связанными с лишением свободы был введен новый вид наказания — принудительные работы, предусматриваемые как альтернатива лишению свободы за совершение преступления небольшой и средней тяжести, а также за совершение тяжких преступлений впервые. Осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях — исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены, а в случае отсутствия таковых в другом субъекте страны.

В случае если суд, назначив наказание в виде лишения свободы, придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами. При назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более 5 лет принудительные работы не применяются.

Как любое новое наказание, принудительные работы имели определенные проблемы с непосредственной реализацией данного вида уголовного наказания. Еще раз мы были очевидцами, что реформы института уголовных наказаний напрямую зависят от объективных возможностей государства, его материальной составляющей, социально-экономического состояния общества [2].

Следует вспомнить, что, несмотря на первоначальные планы введения принудительных работ в действие с 1 января 2013 г., реализовать это не удалось и введение данного вида наказания было отсрочено до 2014 г. В сентябре 2013 г. появилась информация о том, что Министерство юстиции Российской Федерации готовит законопроект о переносе вступления в силу положений уголовного законодательства о принудительных работах на 2017 г. в свя-

зи с нехваткой средств на создание исправительных центров. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ вступление в силу положений Уголовного кодекса Российской Федерации о принудительных работах было отложено до 1 января 2017 г.

На сегодняшний день, по информации заместителя директора ФСИН Валерия Максименко [5], действуют 4 исправительных центра — в Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях. В некоторых регионах России созданы изолированные участки исправительных учреждений, функционирующие как исправительные центры. К тому же данные центры необходимо обеспечить штатными сотрудниками, на содержание которых из федерального бюджета должно выделяться значительное денежное довольствие и прочие выплаты.

История повторяется по спирали, как отмечают древние, и мы на примере принудительных работ можем отчетливо видеть аналогии такого вида уголовного наказания в истории СССР и России: условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением освобожденного к труду и условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (1977–1993 гг.), направление в воспитательно-трудовой профилакторий (1982–1993 гг.). Определенные аналогии можно провести относительно направления больных наркоманией и алкоголизмом, уклоняющихся от лечения, в лечебно-трудовой и лечебно-воспитательный профилакторий (1972–1993 гг.), а также при исполнении административного ареста (ст. 32 КоАП РСФСР). В дореволюционной России наказания в виде каторжных работ невозможно представить без принудительного труда.

Перед введением в действие принудительных работ активно обсуждалось содержание указанного вида наказания, а также были вынесены на общественную экспертизу принудительные работы как новый вид наказания, не связанный с лишением свободы. Большинство теоретиков и практиков не скрывали, что за образец была принята «химия» советского периода, когда условно осужденные и условно освобожденные отправлялись не в места лишения свободы, а трудились под надзором на стройках народного хозяйства, как правило, на предприятиях химической промышленности. По мнению современных разработчиков закона, осужденные получают шанс искупить свою вину честным трудом без изоляции от общества, без усиленной охраны и конвоя, но — под надзором и с проживанием в специально предусмотренных местах (исправительных центрах).

По мнению Д. С. Козлова, возвращение к старому виду наказания, но в современных условиях и реалиях продиктовано необходимостью достижения ряда задач, среди которых автор выделяет следующие: 1) политико-идеологическую (гуманизация общества), 2) финансовую (снижение затрат на охрану и т. д.), 3) рационалистическую (использование труда для самокупальности системы), что не является ноу-хау [4].

В свою очередь, можем парировать и аргументировать указанную реплику тем, что реализация указанного вида уголовного наказания после шести лет с момента опубликования в законе — это разве не яркий пример вливания значительных дополнительных материальных ресурсов, а сколько еще

потребуется средств для применения данного вида наказания по всей стране. В частности, необходимо достаточное финансирование для строительства исправительных центров из средств федерального бюджета, а также обеспечение штатной численности сотрудников исправительных учреждений, на которых, соответственно, полагается денежное довольствие и иные установленные законодательством Российской Федерации выплаты [6]. Согласно расчетам, затраты на создание одного исправительного центра с лимитом наполнения до 200 человек составят от 67,6 до 72,2 млн р., в зависимости от комплектации, учитывающей климатические условия места расположения центра, необходимые инженерно-технические средства охраны, инженерные сети и системы. На первоначальном этапе для обеспечения деятельности 30 исправительных центров понадобится как минимум 900 штатных единиц сотрудников, а всего — 4500. Для обеспечения сотрудников 30 исправительных центров с учетом необходимой штатной численности денежным довольствием и прочими выплатами, установленными законодательством Российской Федерации, согласно расчетам, произведенным в параметрах затрат 2011 г., потребуются бюджетные ассигнования в размере от 2,325 до 2,463 млрд р.¹

Проанализировав и изучив специальную литературу по данной тематике, можем выделить ряд проблем, которые наиболее характерны и особенно заметны в связи с вводом в действие уголовного наказания в виде принудительных работ [8]. Новый вид наказания, как любое нововведение в обществе, вызывает ряд вопросов, замечаний, предложений; вполне понятны критические замечания со стороны юристов-теоретиков, среди которых можно выделить следующие.

Специфической особенностью принудительных работ является исправление лица, совершившего общественно опасное деяние, в процессе его привлечения к труду. Конституция Российской Федерации предусматривает следующее: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». На первый взгляд может показаться, что этот вид наказания вступает в противоречие с действующим законодательством. Для решения данного вопроса необходимо обратиться к подписанным СССР и Россией международным конвенциям о запрещении рабства и принудительного труда, которые делают исключения и допускают принуждение к труду в качестве наказания, назначенного по приговору суда (или составной части такого наказания) [6].

В литературе также отмечается, что само название «принудительные работы» не соответствует действительной природе этого наказания. Что касается самого термина «принудительные», то таковыми являются все предусмотренные в ст. 44 УК РФ виды наказания. Кроме того, принудительные работы, по мнению многих исследователей, имеют сходные черты с другими видами наказаний.

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2017).

Н. Е. Крылова, отмечая неопределенность юридической природы принудительных работ, приходит к выводу, что они представляют собой вид, хотя и довольно жесткий, ограничения свободы [3].

О. А. Погудин полагает, что учет профессионально-квалификационных характеристик правонарушителей при выборе вида наказания либо распределении их по местам отбывания принудительных работ, а также возможность обеспечения экономически необходимой и заранее планируемой (обусловленной, напомним, ростом общественного воспроизводства) трудовой миграции этих лиц с одного народнохозяйственного объекта на другой являются важнейшими предпосылками эффективной реализации данного уголовно-исполнительного института [7].

Также Е. В. Благов отмечает «несамостоятельность» этого наказания и фактическую, но не совсем удачную трансформацию принудительных работ из условного осуждения, что привело к проблемам как уголовно-правового, так и уголовно-исполнительного характера [1].

В ходе обсуждения нововведений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство практические работники уголовно-исполнительной системы не остались в стороне и с пониманием восприняли введение принудительных работ в качестве эксперимента в ряде регионов страны. По мнению сотрудников ФСИН, в первую очередь возникнет проблема, связанная с трудоустройством осужденных к данному виду уголовного наказания. Если проводить аналогию с советской «химией», реализация указанного вида наказания в то время осуществлялась в рамках планового хозяйства и в соответствии с проводимой государством экономической модернизацией, в основном на стройках пятилеток. Трудовая востребованность для осужденных была твердо гарантирована государством, чего нельзя сказать о сегодняшнем дне.

Следующее замечание связано с тем, что небогатые регионы России (в частности Бурятия и др.) не смогут в рамках региональных возможностей создать экономическую базу для строительства исправительных центров, которое нужно начинать с нуля. Из практики реализации других видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, сотрудники в сельских районах сталкиваются с большими трудностями, связанными с применением таких видов наказаний, как обязательные и исправительные работы, не говоря уже о введении принудительных работ. Новый вид уголовного наказания создаст реальную конкуренцию уже имеющимся и применяемым судами наказаниям по месту жительства.

Практические работники, имеющие немалый опыт работы в пенитенциарной системе, прогнозируют высокий уровень административных и дисциплинарных правонарушений со стороны осужденных, в связи с отсутствием, по их мнению, необходимых рычагов воздействия, которые имеются в других исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это касается, в первую очередь, большого количества документального сопровождения (оформления, закрепления, документирования), а также связано со сложной процедурой регистрации и оформления через суд.

Небольшой штат сотрудников (8 человек на 200 осужденных) не в силах, по мнению опрошенных специалистов, справиться с поставленными зада-

чами. Для существующих и действующих колоний-поселений одна из проблем связана с побегами, несмотря на наличие в их штате оперативных сотрудников. Исправительных центров с таким количеством работников эта проблема тоже не обойдет стороной. Думается, обсуждение указанных проблем на круглом столе позволит найти оптимальные подходы к совершенствованию эффективного исполнения нового вида наказания, как принудительные работы, а также укажет основное направление приложения сил как ученым-теоретикам, так и практическим работникам.

Литература

1. Благоев Е. В. Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 378–384.
2. Гантулга Н., Хармаев Ю. В. Некоторые вопросы ресоциализации осужденных в Монголии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 378.
3. Крылова Н. Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 26–34.
4. Козлов Д. С. Принудительные работы как вид наказания в историческом аспекте Новгородской области // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2013. № 73-1. С. 136–140.
5. Максименко В. В России с 2017 г. начнут применять новый вид наказания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 15.08.2017).
6. Никитин Д. А., Сидорова М. М. Принудительные работы как новый вид наказания: проблемы применения и перспективы развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2(59). С. 125–127.
7. Погудин О. А. Исполнение наказания в виде принудительных работ: очередная иллюзия или ожидаемая реальность? (О социально-экономических предпосылках реализации данного института) // Уголовное право. 2013. № 1. С. 132–138.
8. Хармаев Ю. В. Проблемы эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы // Правовая политика современной России: реалии и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию земской и судебной реформ в России (Иркутск, 8 ноября 2014). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 104–107.

PROBLEMS OF EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR

Kharmaev Yu. V.

a head of the department of Criminal Procedure and Criminalistics Law Faculty
Buryat State University,
Honored Lawyer of the Republic of Buryatia,
Doctor PhD, associate professor
6, Sukhbaatar str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: kharmaev@mail.ru

The author considers the organizational and legal problems arising in connection with the implementation of a new type of criminal punishment in the form of forced labor, typical for regions that are not donors in economic development, in particular the Republic of Buryatia, an attempt is made to formulate a number of proposals to improve the effectiveness of this type of punishment.

Keywords: penitentiary system, criminal punishment, correctional center, forced labor.

УДК 347.1

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ
В ПЕРИОД ЮАНЬСКОЙ ИМПЕРИИ**

© **А. В. Амагыров**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: LawBSU@mail.ru

В статье проводится исследование института правовой защиты нематериальных благ в средневековой Монголии в период Юаньской империи. В результате проведенного исследования автором делаются следующие выводы. Во-первых, институт правовой защиты нематериальных благ в период Юаньской империи приобрел более организованный характер, по сравнению с периодом становления Монгольского государства. Во-вторых, правовое регулирование личных неимущественных отношений в период Юаньской империи во многом сохранило черты монгольского права в период становления монгольской государственности. В-третьих, уровень предоставляемой субъектам правовой защиты нематериальных благ, как и в период возникновения Монгольского государства, зависел от сословной и национальной принадлежности, должностного положения, пола, а также заслуг перед государством. Также в период Юаньской империи в этот перечень стало входить религиозное положение лица.

Ключевые слова: средневековая Монголия, Юаньская империя, нематериальные блага, институт правовой защиты.

Вопрос развития правового регулирования личных неимущественных отношений (так же как и иных отношений) в период Юаньской империи является сложной проблемой, существующей в науке. Это можно объяснить целым комплексом причин. К ключевым из них можно отнести следующие. Во-первых, большинство правовых актов, относимых к данному периоду, написано на китайском языке и не переведено на русский и монгольский языки [1, с. 104–105]. Во-вторых, трудности перевода препятствуют правильному толкованию положения законодательных актов империи Юань. Ученые, занимающиеся исследованием памятников, осуществляя самостоятельный перевод текстов источников, зачастую приходят к прямо противоположным друг другу выводам [7]. В-третьих, до сих пор являются неопределенными правовой статус империи Юань как государства, состав ее территории, форма государственного устройства, характер взаимоотношений между частями государства и центром. Указанное обуславливает невозможность правильной оценки территориальной сферы действия актов и зачастую служит основой для выдвижения гипотезы об отсутствии единого законодательства государства [4, с. 40]. В-четвертых, при достаточном многообразии актов, изданных в период Юаньской империи, вопросы об их юридической природе, юридической силе, практическом применении, значении и роли в правовом регулировании отношений остаются открытыми.

На основании вышеизложенного исследованию правовой защиты нематериальных благ в период Юаньской империи должно предшествовать обозначение собственной позиции по целому ряду спорных в науке вопросов. При этом следует отметить, что подобная позиция будет являться не более чем научной гипотезой. Итак, обратим внимание на наиболее важные вопросы, без освещения которых, по нашему мнению, приступать к исследованию непосредственно правового регулирования личных неимущественных отношений было бы неправильно.

Империя Чингисхана, достигшая своих наибольших размеров при Великом хане Мункэ, в 1259 г., после его смерти, встала перед решением самого важного вопроса — избрания Великого хана. В 1260 г. было созвано два великих курултая, результатом которых стало избрание двух Великих ханов — Арик-Буги и Хубилая. При этом на Великом курултае, на котором происходило избрание Хубилая, отсутствовала значительная часть представителей «золотого» рода. В результате междоусобных войн, окончившихся предположительно в 1264 г., избранный на нелегитимной основе Хубилай стал фактически единственным претендентом на ханский престол. После смерти Арик-Буги в 1266 г. Хубилай становится новым Великим ханом, признать власть которого некоторые представители «золотого» рода Чингисхана либо отказались, либо делали это лишь на словах [13, с. 350–355]. После основания Хубилаем новой династии Юань (1271 г.) и объединения им значительной части территории Китая (1279 г.) в истории средневекового Монгольского государства начинается период Юаньской империи.

Наиболее сложный и спорный характер в данный период носили отношения Золотой Орды и империи Юань. Отказавшиеся изначально признавать власть Великого хана Хубилая, ханы улуса Джучи (Золотая орда) на протяжении всего периода правления первого Великого хана империи Юань то поддерживали его, то вновь объявляли о своей независимости. Только в начале XIV в., при Великом хане Тогон-Тимуре, улусам империи Чингисхана удалось вернуть формальное единство в рамках империи Юань [12, с. 398].

При этом некоторые исследователи, занимающиеся изучением средневекового монгольского права, обоснованно отмечают, что для Юаньской империи не было характерно наличие единого законодательства, действовавшего на всей территории государства [4, с. 40]. С другой стороны, монгольский ученый Ч. Далай, отстаивая иную позицию, указывает, что еще до официального вступления в должность Хубилай давал указания своим сановникам создать единый закон. Р. Ю. Почакаев в своей работе обращает внимание на то, что даже в период расцвета Золотой Орды (середина XIV в.) юаньские императоры издавали указы в отношении ее правителей [11, с. 107]. Реальная их юридическая сила и действие на территории Золотой Орды при этом разумно ставятся под сомнение.

Немало научных дискуссий существует на сегодняшний день и об основных источниках права данного периода. Единственное исключение составляет Их засаг. После распада империи Чингисхана Великая Яса потеряла роль ключевого регулятора общественных отношений, однако, выступая инструментом идеологического обоснования легитимности и преемственности власти на всех территориях бывшей империи, данный акт признается важным источником права. Кроме того, многие нормы Их засаг, как отмечают иссле-

дователи, вошли в состав последующего монгольского средневекового законодательства [5, с. 72; 8, с. 23; 6, с. 190].

По вопросу об иных источниках права определенности нет. В своей работе С. Ж. Дугарова в качестве источников права данного периода выделяет такие акты, как Жемчужный указ (Сувдан зарлиг, 1264 г.), Цагаан Түүх (Белая история, предположительно, 1260–1294 гг.), Военный устав Хубилайхана в отношении Кореи (1280 г.), Закон об организации уртонной службы (1263 г.), Новый закон периода Чжи Юань (Жи Юаны шинэ хууль, 1291 г.), Закон периода Да-дэ (Дадэ-гийн хууль, предположительно 1295–1307 гг.), закон о действиях общих старост (Нэгдлийн ахлагчнарын уйлэмж), Совершенный закон Юаньской империи (Их Юань улсын нэвтэрхий хууль, 1323 г.), Сборник законов периода Чжи-Чжэн (Жи Чжэны зүйл хуваасан дурэм, 1350 г.), Закон династии Юань (Юань улсын хууль хэц), Сборник законов мудрой власти династии Юань (Их Юань улсын мэргэн засагт тор гурний хууль хэц), Сборник книг о порядке составления и подачи жалоб, исков (Дэвтэр бэлтгэн зарга заалдлалыг сийруулсэн эмхэтгэл), Закон династии Юань (Юань улсын хууль), Новый сборник законов периода Жи-жи (Шинээр эмхэтгэсэн Жи Жигийн зүйл хуваасан дурэм), Великий закон о переустройстве мира (Ертойнциг засах их засаг, 1331 г.) и др. К источникам права, определяющим основы управления Китаем, по мнению С. Ж. Дугаровой, относятся следующие законы: Чжан-дин тяо-гэ (1262 г.), Синь-дин тяо гэ (1264 г.), Юань-чао-дянь-чжан (Уложение Юаньской династии), Юань-тун-чжи (Общие законы Великой Юаньской династии, предположительно 1321–1323 гг.), Чжи-юань-синь-гэ (Новые уставы годов правления Чжи-юань, предположительно 1321–1323 гг.). При этом особую группу источников права периода Юаньской империи, по мнению исследователя, составляли постановления и указы императора [6, с. 176–202].

По мнению Р. Ю. Почекаева, в системе права периода Юань необходимо выделять два уровня правовых источников: 1) нормативные акты общеимперского значения, действие которых распространялось на все улусы, признававшие власть великих ханов (Хубилая и его потомков), в т. ч. и китайские области, и 2) нормативные акты и своды, созданные непосредственно для регулирования правоотношений между китайскими подданными монгольских ханов [11, с. 106]. Помимо императорских указов (шэн-чжи) к источникам права Юаньской империи автор относит, в частности, такие акты, как Чжан-дин тяо-гэ (Установленные в ходе бесед кодифицированные правила), Синь-дин тяо-гэ (Вновь установленные кодифицированные правила), Шан-шу-шэн цзоу-дин тяо-гэ (Доложенные императору шан-шу-шэном и утвержденные кодифицированные правила, 1271 г.), Чжи-юань синь-гэ (Новый свод эпохи Чжи-юань), Да-дэ дьянь-чжан (Установления эры Да-дэ), Да-дэ люй-лин (Законы и распоряжения периода правления Да-дэ), Да Юань тун-чжи (Общие законы великой династии Юань, 1323 г.) и Юань дьянь-чжан (Установления династии Юань, 1323 г.), Цзиньши да-дьянь (Великие установления по управлению миром, 1332 г.), Чжи-чжэн тун-чжи (Законы эры Чжи-чжэн, 1346 г.) и др. [11, с. 109].

Особо следует отметить позицию Р. Ю. Почекаева по вопросам о времени создания, роли и значении «Белой истории» (Цагаан Туух, или Чаган тэукэ).

Отмечая ее комплексный характер, исследователь делает вывод о том, что данный акт нельзя признать кодификацией монгольского права или даже основным законом Юаньской империи. Также, по мнению Р. Ю. Почекаева, наиболее обоснованной выглядит точка зрения исследователей, относящих Цагаан Туух к памятникам, появившимся не ранее второй половины XVI в., «в эпоху активного распространения тибетского буддизма в Монголии» [11, с. 109]. Стоит отметить, что у истоков подобного подхода к датировке Цагаан Туух стоят такие исследователи, как В. Хайсиг и П. Рачневски.

С другой стороны, Ц. П. Ванчикова, проведя подробное исследование «Белой истории», приходит к иному выводу. Отмечая, что существенным недостатком существующих исследований «Белой истории» является их опора лишь на данные отдельных списков Цагаан Туух, автор в своей работе изучает содержание известных на момент написания диссертации списков «Белой истории» (2006). Также, достаточно подробно проанализировав труды исследователей, занимавшихся изучением Цагаан Туух, Ц. П. Ванчикова делает вывод о том, что наиболее достоверной и подтвержденной соответствующими аргументами является версия о раннем происхождении ключевых положений Белой истории (последняя четверть XIII в.), дополненных в XVI в. [3, с. 125–137]. Данную точку зрения отстаивают такие исследователи, как Ш. Бира, Ш. Нацагдорж, Л. С. Пучковский, Х. Пэрлээ и К. Сагастер.

Следует отметить, что разночтения в наименованиях актов Юаньской империи, споры о времени их возникновения, вероятнее всего, связаны с использованием авторами различных источников, переведенных либо с монгольского языка, либо с китайского.

Приступим к изложению собственной точки зрения по ранее обозначенным вопросам. Во-первых, не претендуя на безапелляционность и учитывая существующие точки зрения по вопросу о характере взаимоотношений империи Юань и входивших в нее частей, отметим, что, на наш взгляд, несмотря на отсутствие фактического единства территории, Юаньская империя, может рассматриваться в качестве преемника империи Чингисхана, поскольку формальное единство монгольских земель, достигнутое в начале XIV в., связано в значительной степени именно с деятельностью Юаньской империи. Стоит отметить, что после смерти Арик-Буги помимо Хубилай-хана иных претендентов на престол Великого кагана не было. Кроме того, столица империи Чингисхана — город Каракорум — в данный период входила в состав территории Юаньской империи. Безусловно, в рамках темы нашего исследования научный интерес также представляют и законодательные акты Золотой Орды, Иранского ильханата и Чагатайского улуса. Однако, ввиду незначительного количества сведений о регулировании личных неимущественных отношений в источниках права Золотой Орды, Иранского ильханата и Чагатайского улуса, изучить их в рамках нашего исследования не представляется возможным.

Во-вторых, многообразие правовых памятников Юаньской империи, наличие зачастую разрозненных и неполных сведений о них, содержащихся на монгольском, китайском и иных языках, существование различных подходов к переводу наименований актов, нередко отсутствие точных данных о времени создания актов в совокупности ставят перед исследователями непростую задачу унификации знаний о праве Юаньской империи. В рамках наше-

го исследования мы оставим без внимания вопросы о наименовании и датировке нормативно-правовых актов периода Юань и, вместе с тем, подробнее остановимся на изучении норм, направленных непосредственно на правовую защиту нематериальных благ. Однако следует отметить, что, даже значительно ограничив предмет исследования, для нас не представляется возможным изучение всех норм актов империи Юань, направленных на регулирование личных неимущественных отношений. Мы рассмотрим лишь отдельные положения актов, представляющих, по нашему мнению, наибольший интерес в рамках темы данного параграфа.

В-третьих, по вопросу о времени создания религиозно-правового памятника «Цагаан Туух» более убедительными являются аргументы представителей, считающих, что основные положения данного акта появились в период с 1260 по 1280 г. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие факты: упоминание о «Белой истории» (1662 г.) в труде Саган Сэцэна (первое упоминание «Белой истории») как об акте, составленном Хубилай-ханом (время правления 1260–1294 гг.); по слогу и содержанию «Белая история» существенно отличается от иных монгольских летописей данного периода, известных европейской литературе [9, с. 70–71]; монгольские императоры, правившие после Хубилай-хана, проводили политику, соответствующую основным положениям «Белой истории»; личность, с которой связан один из древних списков «Белой истории» — Бранашри, вероятнее всего, является «государственным учителем» при императоре Тогон-Тумуре (внук Хубилай-хана) [10, с. 5]; значительное сходство труда Пагба-ламы (1235–1280) «Разъяснение предмета познания» с «Белой историей», предположительно написанной с его участием [2, с. 165]. При этом позиция более позднего возникновения «Белой истории» (XVI в.) может быть объяснена, как справедливо отмечает Ц. П. Ванчикова, использованием более поздних по возникновению положений «Белой истории», имевшихся в списках «Цагаан Туух», на основе которых проводились их исследования [3, с. 135].

«Белая история» является одним из первых правовых памятников средневековой Монголии (предположительно 1260–1280 гг.), дошедшим до нас в полном объеме, и поэтому нуждается в более подробном изучении. Кроме того, «Цагаан Туух», с внесенными в нее дополнениями, во многом послужила основой для правового регулирования личных неимущественных отношений в XVI в. [1, с. 17].

Некоторые особенности правового регулирования личных неимущественных отношений, характерные для Юаньского государства, во многом были перенесены из империи Чингисхана. Сохранившие свою регулятивную роль, хотя во многом и формально, положения Великой Ясы предопределили последующие развитие правовых норм Юаньской империи, выступая, по сути, правовыми принципами. Кроме этого, ключевую роль в регулировании общественных отношений по-прежнему играли нормы обычного права. Правовой статус личности, так же как и в период становления Монгольского государства, в империи Юань определялся в зависимости от личной свободы, пола, национальности и должностного положения. К нематериальным благам, которым в этот период предоставлялась правовая защита, все так же относились жизнь, здоровье, честь, достоинство.

Однако внутренние политические процессы, протекавшие в период становления Юаньской империи и в последующие периоды, обусловили наличие двух основных тенденций, отразившихся на правовой политике государства. С одной стороны, достаточно четко прослеживается намерение императоров Юань продолжить правовую традицию Чингисхана, хотя во многом и дополнив ее нововведениями, характерными для Китая (особенно это заметно на использовании юридической техники Китая [11, с. 105]). Об этом свидетельствует как логика изложения законодательных актов, особенно в период становления империи, так и их содержание, непосредственно указывающее на это. С другой стороны, не менее очевидным является стремление представителей Монгольской династии получить признание законности своей власти со стороны китайского народа. Юридическая техника, наименования, а в последующем даже письменность и, во многом, правовая культура Китая того периода была перенята и использовалась при управлении государством императорами Юань. Указанные тенденции оказали существенное влияние на правовое регулирование личных неимущественных отношений Юаньской империи. При этом следует также отметить, что ввиду консервации общественных отношений в период существования империи Юань, несмотря на многочисленность изданных в данный период актов, существенно правовое регулирование личных неимущественных отношений не менялось.

Одним из первых правовых памятников, в содержании, которого заметны указанные тенденции, является «Цагаан Туух». По своему характеру «Белая история» не является в чистом виде монгольским правовым памятником. Несмотря на то, что в тексте «Цагаан Туух» содержится указание на то, что она была составлена на основе обработки древних сутр и обычаев рода Чингисхана, современные исследователи к источникам, повлиявшим на содержание положений Цагаан Туух, также относят иные акты тибетского, китайского и монгольского происхождения [3, с. 197]. При этом, как это видно, в самопровозглашенную сферу действия «Белой истории» входили следующие народы и принадлежащие им территории: пять своих народов — монголы (речь идет, вероятнее всего, о северной Монголии), китайцы, тибетцы, сартулы (мусульманское население Туркестана), корейцы; четыре чужих — государство кипчаков, улус Угэдэя, улус Чагатая и государство Ильханов [3, с. 181].

Непосредственно регулированию личных неимущественных отношений в тексте «Белой истории» посвящено весьма незначительное количество положений, но вместе с тем изучение содержания акта, а также указанных норм заслуживает особого внимания. «Белая история» как акт религиозного и правового характера, в первую очередь, была призвана идеологически обосновать и адаптировать монгольское право (нормы обычного права и положения Великой Ясы) под социальную реальность Юаньской империи с помощью тибетских учений. В силу указанного, вероятнее всего, «Цагаан Туух» не отменяла действия существующих положений Великой Ясы, а сосуществовала вместе с ними, дополняла и обновляла их. «После того как истинные два учения безошибочно были приведены в исполнение (Чингисханом), Хубилай Чакраварун Сэчэн-хаган для умиротворения всех народов и семей пяти цветных и четырех чужих, взяв из законов трех тибетских хаганов чакравартинов безошибочные два учения, следуя им и обновив, учредил и ввел их в дей-

стве» Цагаан Туух [3, с. 259]. Не изменяя, таким образом, основ правовой защиты нематериальных благ, установленных Великой Ясой и нормами обычного права в период возникновения Монгольского государства, «Белая история», вместе с тем, по-иному регулирует отдельные важные для данного периода аспекты личных неимущественных отношений и вводит новые институты.

Коренным образом изменилось отношение к свободе вероисповедания — нематериальному благу, в период империи Чингисхана признающемуся за всеми в равной степени. После введения «Цагаан Туух» свобода вероисповедания перестает существовать в качестве объекта правовой защиты. С принятием «Белой истории» буддизм был официально признан государственной религией Юаньской империи. Обязанность по уплате религиозного подношения носила всеобщий характер, а за ее неисполнение предусматривался штраф. Помимо этого, в «Цагаан Туух» подробно регламентировалась ответственность религиозных должностных лиц. К примеру, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей лицами «шестидесяти одной должности» (религиозные должности, установленные «Белой историей») предусматривалось наказание в виде изъятия лошади. В случае уничтожения золотого или серебряного сосуда лицо наказывалось штрафом в размере трех десятков скота с верблюдом. Также в этом случае провинившегося человека отправляли на большие работы в белые юрты (по сути аналог исправительных работ).

Однако наряду с особыми религиозными обязанностями буддийские должностные лица приобретали и особый правовой статус. За совершение таких проступков, как лишение жизни живых существ, несправедное сожительство с чужой женой, измена ламе-учителю, разрушение храмов и монастырей, употребление спиртных напитков, распространение ложных сведений, а также сведений, порочащих два закона (два учения, два правления), монаха следовало судить по закону мирян. При этом, вероятнее всего, наказание в виде смертной казни за совершение подобных деяний к монахам не применялось. В последующем следовало, «связав руки за спиной, разрисовать лицо черной сажей, воткнуть в голову черный флажок, провезти на черной повозке, ударить золотой раковиной по нижней части спины, обвести три раза вокруг храма или монастыря в противоположном направлении, выслать навсегда в далекую местность, где и оставить» [3, с. 270].

Ответственность в виде отсечения языка предусматривалась «Белой историей» за распространение ложных сведений. Имеются основания полагать, что тюрьма как мера наказания в период Юаньской империи получила значительно большее распространение, чем в период становления монгольской государственности. Интерес представляют нормы «Цагаан Туух», которые в совокупности могут быть названы своеобразным институтом амнистии, характерным для периода империи Юань. Согласно нормам «Белой истории», в случае смены одного Великого хагана (небесного хагана) и обновления старого правления (предыдущего правительства) следует отпустить тех, кто был посажен ранее, и посадить новых преступников, совершивших деяния при новом правлении.

Следует отметить, что к лицам, совершившим такие преступления, как убийство ламы-учителя, пускание по злему умыслу крови из тела Будды, причинение вреда отцу и матери, ложная хула, разрушающая великое правление, — амнистия не применялась. Указанное позволяет сделать вывод, что особой правовой защите, по «Цагаан Туух», подлежали такие нематериальные блага, как жизнь ламы-учителя, жизнь и здоровье родителей, а также честь и деловая репутация государства и должностных лиц, в т. ч. Великого хагана.

Другим правовым памятником, на который, на наш взгляд, следует обратить внимание, является «Их Юань улсын нэвтэрхий хууль», или Совершенный закон империи Юань (1323 г.). В 5-м разделе данного нормативно-правового акта были закреплены понятия «преступление» и «наказание», виды преступлений и наказаний, а также содержались иные нормы уголовного права. Объектами преступных посягательств признавались государство, личность, имущество, семья и нравственность. Нормами Совершенного закона империи Юань выделялась особая категория преступлений — против личности. К ним относились, в частности, убийство, причинение телесных повреждений, клевета [6, с. 195–196]. Подобно «Цагаан Туух», нормы Совершенного закона империи Юань предоставляли особую правовую защиту жизни родителей, а наряду с ними детей и престарелых. При этом различались убийства, совершаемые в отношении родственников и в отношении посторонних лиц.

Система наказаний, закрепленная в Совершенном законе Империи Юань была в целом схожей с аналогичной системой Их засаг и соответствовала по характеру наказаниям, распространенным в период становления Монгольского государства, однако приобрела более упорядоченный вид. К традиционным видам наказания, таким как смертная казнь, битье палкой и розгами, тюрьма, ссылка, добавились новые виды — принудительные тяжелые работы и сковывание (как правило, в кандалы) [14, с. 102].

Специального внимания заслуживает своеобразный институт освобождения от основного наказания, который применялся, по общему правилу, к чиновникам. В случае уплаты выкупа основное наказание к должностным лицам не применялось, что, подобно аналогичным нормам Их засаг, еще раз подчеркивает особый правовой статус должностных лиц. Близким по своему характеру был институт замены основного наказания. Вид наказания мог быть изменен с учетом возраста лица, совершившего преступные деяния. Так, для лиц младше 15 лет и старше 70 лет смертная казнь, предусмотренная за ряд преступлений, могла быть заменена штрафом. Помимо несовершеннолетних лиц и пожилых людей особые условия назначения наказания традиционно касались и другой категории — женщин. Так, в отношении женщины не могло быть применено клеймение, даже в случае совершения ею воровства. Иным субъектам преступления помимо основного наказания также ставили специальное клеймо на лоб и шею.

Негативным аспектом правового регулирования личных неимущественных отношений (как и в целом всего правового регулирования), который, как отмечалось ранее, был свойствен и империи Чингисхана, но в менее выраженной форме, оставался национальный подход к определению правового

статуса физического лица. В Юаньской империи все население делилось на четыре категории, принадлежность к которым определяла не только объем правоспособности лица, но и объем предоставляемой ему правовой защиты. Наибольшие ограничения были установлены в отношении жителей северного Китая. Им нельзя было нести военную службу, торговать на рынке и хранить оружие.

Особым правовым статусом были наделены монголы. Так же, как и к женщинам, к ним не применялось клеймение. Формально закрепленная ответственность за совершение убийства в виде смертной казни, в случае если убийство совершалось монголом в отношении китайца, изменялась на более мягкое наказание — принудительное несение военной службы или денежный штраф. Закреплялись также процессуальные гарантии, которые устанавливали особые привилегии по отношению к монголам и зачастую на практике приводили к полному освобождению лица от фактического несения наказания. Так, китаец, избитый монголом, не мог обратиться в суд с жалобой, мог лишь пожаловаться в соответствующее министерство, где рассмотрение жалобы затягивалось [6, с. 199].

Резюмируя проведенное исследование, можно сделать следующие выводы. Во-первых, институт правовой защиты нематериальных благ в период Юаньской империи приобрел более организованный характер, по сравнению с периодом становления Монгольского государства. Вместе с тем, говорить о существовании комплексного правового института в данный период, несмотря на многочисленные систематизации законодательства, достаточно рано. Нормы, регулирующие личные неимущественные отношения, все еще представляли разрозненные правила поведения.

Во-вторых, правовое регулирование личных неимущественных отношений в период Юаньской империи во многом сохранило черты монгольского права периода становления монгольской государственности. Многие правовые нормы, регулирующие наиболее важные аспекты защиты личных неимущественных прав, содержащиеся в нормах Их засаг и обычного права, были доработаны и адаптированы под земледельческое государство Китая в период империи Юань и включены в юаньское законодательство. Вместе с тем, в законодательных актах Юаньской империи нашли свое отражение особенности правовой культуры Китая, которая значительно повлияла на содержание и форму выражения правовых норм.

В-третьих, уровень предоставляемой субъектам правовой защиты нематериальных благ, как и в период возникновения Монгольского государства, зависел от сословной и национальной принадлежности, должностного положения, пола, а также заслуг перед государством. Также в период Юаньской империи в этот перечень стало входить религиозное положение лица. Таким образом, правовое регулирование личных неимущественных отношений в этот период приобрело более выраженный религиозный характер, что привело к появлению особой категории — духовных должностных лиц буддизма, наделенных специфическим правовым статусом.

Литература

1. Heissig W. Die Familien und Kirchengeschichtsschreibung der Mon-golen. Т. 1-2. Asiatische Forschungen. Bd. 5. Wiesbaden, 1959. 129 p.
2. Бира Ш. Анализ основных данных «Белой истории» и время ее составления // Сборник трудов. Улаанбаатар, 1977. С. 164–186.
3. Ванчикова Ц. П. «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2001. 376 с.
4. Ганболд Ж. Мөнхцэцэг Т., Наран Д., Пунсаг А. Монголии Юань Улс. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2006. 389 с.
5. Далай Ч. Монгол улсын туух. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн туухийн хүрээлэн, 1992. Т. 3. 304 с.
6. Дугарова С. Ж. Историография Монгольского государства и права (XIII — начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 332 с.
7. Дудин П. Н. Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. — начало XX в.). // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36
8. Жамцарано Ц. Монгольские летописи XVII в. // Труды Института востоковедения. М.; Л., 1936. Т. 16. 880 с.
9. Нацагдорж Ш. Цагаан туухийн тухай. Улаанбаатар, 1956. 200 с.
10. Почекаев Р. Ю. Право империи Юань: дуализм источников проблема «национальной принадлежности» // Общество и государство в Китае. 2014. № 44-1. С. 104–123.
11. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: Изд-во АСТ, 2005. 557 с.
12. Чингисхан и рождение современного мира / Джек Уэзерфорд; пер. с англ. Е. Лихтеншейна. М.: Изд-во АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. 500 с
13. Юань улсын судар. Орчуулгаа: Дандаа, Дэмчигдорж. Улаанбаатар, 2002. 370 с.

LEGAL REGULATION OF PERSONAL NON-PROPERTY RELATIONS IN MEDIEVAL MONGOLIA DURING THE YUAN EMPIRE

Amagurov A. V.

Senior Lecturer, Buryat State University,
Law Faculty, Department of Theory and History of Law and the State,
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: LawBSU@mail.ru

The article studies the institution of legal protection of non-material goods in medieval Mongolia during the Yuan Empire. As a result of the research, the author draws the following conclusions. First, the institution of legal protection of non-material goods in the period of the Yuan Empire got a more organized character, compared with the period of the formation of the Mongolian state. Secondly, the legal regulation of personal non-property relations during the Yuan Empire in many respects retained the features of Mongolian law in the period of the formation of the Mongolian statehood. Thirdly, the level of legal protection provided to the subjects of intangible goods, as in the period of the emergence of the Mongolian state, depended on class and nationality, official position, gender, and merits before the state. Also, during the period of the Yuan Empire, this list started to include the religious position of the person.

Keywords: Medieval Mongolia, Yuan Empire, intangible goods, institute of legal protection.

УДК 340

**ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ:
ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ, ПРАВОВЫЕ НОРМЫ
И СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ**

© **Е. О. Мадаев**

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: madaeo@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию теоретико-правовых категорий «легальность, легитимность, социальные нормы, правовые нормы». Выявлены общие характеристики при соотношении этих категорий с правовой доктриной. Выработана дефиниция правовой доктрины. Определено место правовой доктрины в системе социальных и правовых норм.

Автор считает, что применение в практическом плане обычаев во многом зависит от признания их правовой доктриной. Автор полагает, что правовая доктрина является теоретической основой для разработки и принятия нормативно-правовых актов, а также для их экспертной оценки. Сравнение правовой доктрины с социальными и правовыми нормами позволяет утверждать, что правовая доктрина занимает особое, промежуточное место среди этих категорий, обладая свойствами тех и других.

Автор приходит к выводу, что соотношение социальных норм с правовыми сравнимо с соотношением категорий легитимности и легальности, и переход этих категорий из одного состояния в другое обусловлен развитием общественных отношений и во многом сформировавшейся на этот период правовой доктриной.

Ключевые слова: соотношение, социальная норма, правовая норма, легальность, легитимность, правовая доктрина, доктринальная власть.

Актуальность темы обусловлена не только общенаучным подходом к исследованию теоретико-правовых категорий «легальность, легитимность, правовые нормы, социальные нормы», но и включенностью в состав социальных и правовых норм правовой доктрины, а также введением в научный оборот понятия «доктринальная власть».

Цель исследования предполагает:

1) сравнение правовой доктрины с социальными и правовыми нормами на примере сопоставления правовой доктрины с нормативно-правовым актом, обычаем;

2) определение понятия правовой доктрины;

3) определение особого места правовой доктрины среди социальных и правовых норм;

4) выявление общих характеристик при соотношении с правовой доктриной следующих категорий: «легальность, легитимность, правовые нормы, социальные нормы».

Согласно наиболее распространенной трактовке, социальные нормы представляют собой связанные с волей и сознанием людей общие правила регламентации формы их социального взаимодействия, возникающие в процессе исторического развития и функционирования общества, соответствующие

типу культуры и характеру его организации [8, с. 252]. В современной юридической литературе под нормой права понимается общеобязательное формально-определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников [8, с. 280].

Среди важнейших признаков и черт норм права, отличающих их от других социальных норм, следует особо указать на их всеобщий характер. К отличительным признакам и чертам нормы права как исходной ячейки всей системы права относится содержание и выражение в ней государственной воли; важнейший признак и черта правовой нормы — ее представительнo-обязывающий характер; нормы права отличаются своей системностью и иерархичностью по отношению друг к другу, а также строго формальной определенностью; наконец, в числе специфических черт и особенностей норм права, как и самого права в целом, следует назвать их охрану, обеспеченность государственным принуждением. При этом речь идет не только и даже не столько о реально применяемом, сколько о потенциально существующем государственном воздействии на тех, кто не соблюдает требования норм права [9, с. 387–389].

Понятие правовой доктрины, ее характеристики конкретизируются при раскрытии признаков, отличающих ее от смежных, близких ей понятий, таких как социальная норма, правовая норма.

Одним из видов социальной нормы является обычай. Между правовой доктриной и обычаем много общего. Во-первых, доктрина, как и обычай, напрямую не связана с творчеством органов государственной власти, она способна развиваться вопреки и помимо партийных, государственных установок. Во-вторых, их письменное изложение может не отвечать требованиям законодательной техники. В-третьих, доктрина, как и обычай, может не быть структурирована вообще. В-четвертых, доктрина, как и обычай, может не иметь письменной оболочки, создается при отсутствии прописанных право-творческих процедур. Нередко их возникновение, становление и совершенствование происходит в течение длительного периода времени и вне определенных стадий. Формальная определенность и доктрины, и обычаев имеет относительный характер и не формализована столь жестко, как в случае с нормативными правовыми актами. В-пятых, доктрина, как и обычай, приобретает юридический характер лишь после ее признания государством в лице судов или других государственных органов.

Различие проявляется в том, что обычай является производным от общественного сознания или от того, что называется «народным духом», «народным чувством права» [5, с. 62], в то время как доктрина носит глубоко научный характер.

По справедливому замечанию Р. Давида, применение в практическом плане обычаев во многом зависит от признания их правовой доктриной, действующей в пределах той или иной правовой семьи [4, с. 141]. В качестве примера правовой нормы можно привести нормативно-правовой акт. Доктрина и нормативно-правовой акт — понятия, с одной стороны, совершенно

разные, т. к. те признаки, которые присущи правовому акту, не совпадают с признаками доктрины.

Так, С. В. Бошно выделяет четыре основных признака. Во-первых, доктрина напрямую не связана с творчеством органов государственной власти. Во-вторых, ее письменное изложение может не отвечать требованиям законодательной техники. В-третьих, она может не быть структурирована вообще или ее строение может сильно отличаться от строения нормативно-правового акта. В-четвертых, она может не иметь письменной оболочки, т. к. для нее это обстоятельство не имеет значения. Особо следует выделить тот факт, что доктрина создается при отсутствии прописанного в законодательстве правотворческого процесса. Нередко их возникновение, становление и совершенствование происходит в течение длительного периода времени и вне определенных стадий (процедур) [2, с. 82].

С другой стороны, у них есть и общие черты. Доктрины служат утверждению и распространению определенных идей с целью внедрения их в правовую действительность. Иначе говоря, реализация доктринальных положений, равно как и положений, нормативно-правовых источников, может производиться помимо желания и воли тех субъектов, которым она адресована.

Все актуальные и необходимые на современном этапе правовые акты первоначально возникают в виде доктринальных идей в научных статьях и работах видных ученых-правоведов и юристов-практиков. В качестве примера можно привести научные статьи юристов-ученых, которые в последующем были воплощены в нормативных актах. Таким образом, правовая доктрина является теоретической основой для разработки и принятия нормативно-правовых актов, а также для их экспертной оценки.

Таким образом, сравнение правовой доктрины с социальными и правовыми нормами позволяет утверждать, что правовая доктрина занимает особое, промежуточное место среди этих категорий, обладая свойствами тех и других.

Представляется правильным признаками правовой доктрины разделить на две группы: а) основные, сущностные, на основе которых и нужно формулировать соответствующее понятие; б) дополнительные, факультативные характеристики. К сущностным признакам доктрины относятся научная обоснованность, авторитетность, научно-прикладной и практический характер, наличие регулятивных возможностей. К дополнительным (факультативным) признакам доктрины относятся формальная определенность, прогностичность, масштабность, декларативность, самостоятельность.

Сущностным признакам доктрины можно дать следующие краткие характеристики и комментарии.

1. *Научная обоснованность.* Доктрина представляет собой научное исследование, развитую новеллистическую теорию, отражающую сложившееся научное мнение [3, с. 320]; мнение ученых-юристов по тем или иным вопросам, касающимся сущности и содержания различных юридических актов, по вопросам правотворчества и правоприменения, научные труды исследователей в области государства и права [10, с. 15]. Вне зависимости от широты охвата той или иной научно-прикладной проблемы доктрина основана на том или ином типе научного правопонимания. Однако научная теория, концепция

становятся доктриной лишь в том случае, когда они заслужат признание в среде профессионалов, выступят основанием прикладных научных разработок, встретят поддержку общества, усвоятся правоприменительной практикой и в силу своего авторитета станут мерой общественного поведения.

2. Отсюда второй сущностный признак — *авторитетность*. Доктрина — это общепризнанные, влиятельные, находящие широкую и активную поддержку в научном и практическом юридическом сообществе научные воззрения, сложившееся научное мнение в силу своей глубины и авторитетности [3, с. 320], причем не каким-то малым количеством этих юристов, а как минимум большинством. Только при таких условиях доктрина приобретает регулятивные возможности и воздействует на юридическую практику, т. е. переходит из ряда научных воззрений в ряд доктринальных положений.

3. *Научно-прикладной и практический характер*. Этим своим признаком, доктрина отличается от чисто научных исследований. Доктрина — это прикладная юридическая научная теория, уже внедрившаяся в законодательство и (или) в реализационную практику естественным путем, работающая. Прикладной характер доктрины может быть разного уровня — от концептуальных теоретико-правовых и конституционно-правовых доктрин до описывающих принципы и правила конкретных правоотношений разработок отраслевых и специальных юридических наук. Назначение доктрины заключается в утверждении, распространении идей, составляющих ее содержание, с целью их применения в практической деятельности [1, с. 191].

4. *Наличие регулятивных возможностей*. Как представляется, регулятивный потенциал доктрины в современной российской правовой системе реализуется по четырем основным каналам: а) путем закрепления имеющих доктринальное происхождение декларативных норм, дефинитивных норм и норм-принципов в законодательстве; б) путем издания документов политико-правового характера типа «доктрина», «концепция»; в) через акты доктринального и официального толкования права, в т. ч. и в первую очередь — через документы высших судебных инстанций; г) в правоприменительной практике при разрешении юридических коллизий, восполнении пробелов в законодательстве, использовании предоставленного законодателем права судейского (и иного правоприменительного) усмотрения.

Дополнительным (факультативным) признакам доктрины можно дать следующие краткие характеристики и комментарии:

1. *Формальная определенность*. Любое учение, концепция, теория, чтобы приобрести качества доктрины, должны быть объективированы, получить внешнюю форму выражения сначала в письменных, главное — опубликованных научных трудах, а затем в актах толкования, судебных решениях, декларациях, программных документах и т. п. Именно посредством данных форм доктрина воспроизводится и получает возможность воздействовать на общественные отношения. Часть доктринальных положений, находит свое прямое выражение в законодательстве, прежде всего в тексте основного закона государства. Доктрина — это теория, допускающая нормативную формализацию своих положений [7, с. 14].

2. *Прогностичность*. Доктрина на основании своего научного содержания описывает возможные будущие состояния, позволяет прогнозировать

основные тенденции, влияющие на структурную организацию общества и государства, т. е. имеет прогнозный характер. Имеющие доктринальное происхождение целеполагающие и доктринальные нормы определяют и закрепляют цели и задачи, на достижение которых должна быть направлена деятельность как государственных органов, так и всего общества и реализацией которых должен завершаться процесс правового регулирования общественных отношений.

3. *Масштабность*. Разные доктринальные положения (фрагменты доктрины) могут иметь разный охват и степень регулятивных возможностей. Однако даже частные отраслевые доктрины, задействованные юристами-практиками в повседневной правоприменительной деятельности, имеют не характер индивидуальных разработок для конкретного случая, а общий характер и достаточно большой масштаб, как правило общегосударственный.

4. *Декларативность*. Доктринальные нормы-объявления обычно включают положения программного характера, определяют задачи правового регулирования отдельных видов общественных отношений, содержат легальные дефиниции, принципы и декларации, воплощаются в программных документах политико-правового характера. Иными словами, регулятивность правовой доктрины в значительной степени ограничена ее декларативностью, поскольку у нее несколько иные задачи, нежели у источников права, содержащих прямые нормы-предписания.

5. *Самодостаточность*. Важным достоинством доктрины является то, что она, имея научное происхождение, способна развиваться вопреки и помимо идеологических партийных, государственных установок, определяя целостность правовой материи в историческом масштабе. Это проявляется, в частности, в так называемой академической свободе, когда ученые в процессе поиска ответов вынуждены выдвигать ряд теорий, которые противоречат существующим учениям. И в этом плане можно говорить о самодостаточности доктрины как правового явления.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно дать следующее определение. Правовая доктрина — это относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности. Доктрина реально воздействует на правотворческую и правореализационную практику, в т. ч. в роли источника права.

Для характеристики соотношения легитимности и легальности основанием может служить утверждение о сущностной близости этих понятий.

В широком смысле легитимность — это принятие власти населением страны, признание ее права управлять социальными процессами, готовность ей подчиняться. В узком смысле легитимной признается законная власть, образованная в соответствии с процедурой, предусмотренной правовыми нормами [8, с. 140]. Юридическим выражением легитимности власти служит ее легальность, т. е. нормативность, способность воплощаться в нормах права, ограничиваться законом, функционировать в рамках законности [8, с. 141].

Законность и легитимность власти — однопорядковые, но не тождественные понятия. Власть, имеющая законные основания на господство в обществе, в результате своей неэффективной политики может утратить доверие граждан и стать нелегитимной. Так, законно избранный в 1996 г. Президент России Б. Н. Ельцин в конце 1999 г. пользовался доверием не более 10% российских граждан, т. е. полностью утратил свою легитимность. И напротив, власть, не имеющая законных оснований, в результате эффективной политики может обрести доверие народа и стать легитимной. Например, пришедший к власти в Чили в результате военного переворота в 1973 г. генерал А. Пиночет в результате эффективной экономической политики впоследствии стал вполне легитимным и законным президентом страны [6, с. 120–121].

Сегодня развитие современной модели европейского общества и государства, на которое мы ориентируемся, зашло в очевидный тупик. Парламентаризм, традиционные институты переживают кризис. Дестабилизация общественной жизни, которая сегодня происходит в России, — проявление этого кризиса. Как никогда (реакция общества в ходе проведения избирательных компаний 2011–2012 гг., недовольство деятельностью депутатов, избирательных институтов тому подтверждение) остро возникает потребность поиска альтернативных форм управления.

Очевидно, что пути трансформации общественно-государственных систем будут искать в разных направлениях, и одно из этих направлений связано с расширением участия науки, научных институтов, научной мысли в управлении обществом и государством. Нестабильность правопорядка, отсутствие полноценного режима законности, ослабление действенности формально признанных форм права приводит к активизации других регуляторов, в т. ч. и доктринальных источников права. Государство сегодня не в состоянии эффективно управлять обществом, и доктрина должна способствовать созданию альтернативных форм управления, элементов гражданского общества. Общество «задыхается в тисках бюрократического управления», и альтернативой может быть реализация управленческого потенциала доктрины. Расширение участия роли доктрины в правовой системе — один из реальных путей, по которому может пойти развитие правовой системы Российской Федерации, если эти пути правильно определить.

В работах философов можно найти идеи о концептуальной власти как особом виде власти, власти доктрины. В свете нашего исследования предпочтительнее говорить о «доктринальной власти».

В истории нашего государства уже применялась практика формирования верхней палаты высшего законодательного органа по сословно-представительному принципу, в т. ч. и посредством представителей от Академии наук, университетов, научного сообщества. Готово ли общество сегодня признать доктринальную власть как один из видов власти?

Доктринальная власть — это особая форма власти, это власть знания, власть компетентности, ее можно не замечать, пренебрегать ею, но всякий раз существует опасность впасть в заблуждение, быть наказанным за ее игнорирование. Не подлежит сомнению тот факт, что влияние доктрины на общественное мнение является одним из самостоятельных видов влияния регулятивного воздействия доктрины. Обладает ли доктрина прямым регулятивным

воздействием, не через право, а напрямую? В каких формах должна использоваться доктрина?

Полагаем, следует ответить, что как только субъект правотворчества, правореализации, правоприменения в процессе своей деятельности и — что самое главное — в своем решении (правовом акте) начнет ссылаться на доктрину, конкретные доктринальные труды (цитировать их), то здесь со всей отчетливостью можно говорить о прямом, непосредственном регулятивном воздействии доктрины. Так, в начале прошлого века ссылки на научный авторитет российского юриста-международника Ф. Ф. Мартенса ни у кого не вызывали сомнения, настолько высок был его научный авторитет. К нему обращались представители различных государств с целью составить юридическое заключение по тому или иному международному конфликту [11].

Необходимо всячески пропагандировать роль доктрины в правовой системе, использовать потенциал научной мысли, на наш взгляд, — это один из шансов для страны выбраться из того экономического, политического, социального кризиса, в котором мы сегодня находимся.

В заключение хочется сказать следующее: соотношение социальных норм с правовыми сравнимо с соотношением категорий легитимности и легальности, и переход этих категорий из одного состояния в другое обусловлен развитием общественных отношений и во многом сформировавшейся на этот период правовой доктриной.

Литература

1. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 256 с.
2. Бошно С. В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 82–91.
3. Голоскоков Л. В. Правовые доктрины: от древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003. 320 с.
4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1996. 365 с.
5. Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1908. 94 с.
6. Козырев Г. И. Основы социологии и политологии: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007. 240 с.
7. Пряхина Т. М. Источники конституционной доктрины // Закон и право. 2003. № 11. С. 14–18.
8. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2002. 616 с.
9. Теория государства и права: учеб.-метод. пособие / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. 2-е изд. М.: Проспект, 2012. 720 с.
10. Introduction to Swiss Law / ed. by F. Dessemontet, T. Ansay. P. 8; Introduction to Greek Law / ed. by K. Kerameus, Ph. Kozyris. P. 15.
11. Memoire sur le coufflict entre la Greceet la Romaniecontrenantlaffaire Zappa. Athens, 1893; Memoire sur la telegraphie en Chine. Copenhagen, 1883.

Е. О. Мадаев. Доктринальный подход к соотношению понятий: легальность и легитимность, правовые нормы и социальные нормы

DOCTRINAL APPROACH RATIO CONCEPTS: LEGITIMACY, LEGALITY
AND LEGAL NORMS AND SOCIAL NORMS

Е. О. Мадаев

candidate of legal sciences, senior lecturer in international law and international relations of the Buryat State University,
6, Sukhbaatar str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: madaeo@mail.ru

This article is devoted to theoretical and legal categories of «legality, legitimacy, social norms, legal norms». Identified common characteristics with those categories with legal doctrine. Developed a definition of legal doctrine. The place of legal doctrine in the system of social and legal norms. The author believes that the implementation in practical terms customary in many respects depends on recognition of their legal doctrine, the author believes that legal doctrine is the theoretical basis for the drafting and adoption of legislative acts, as well as for their expert evaluation. Comparison of legal doctrine to social and legal norms suggests that legal doctrine holds a special place among these intermediate categories, possessing characteristics of both. The author concludes that the ratio of social norms with legal, compared with categories the legitimacy and legality of these categories, and the transition from one State to another, due to the development of social relations, and in many ways, formed in this period, the legal doctrine.

Keywords: correlation, social norm, law, legality, legitimacy, legal doctrine, doctrinal authority.

УДК 342.4

**ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МОНГОЛИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

© Т. Азжаргал

преподаватель,

Университет правоохранительной службы Монголии

Монголия, Улан-Батор, Бага тойруу, Сухбаатар дуурэг, 1

E-mail: azaa_bti@yahoo.com

© А. Жүгнээ

академик, доктор юридических наук,

Университет правоохранительной службы Монголии

Монголия, Улан-Батор, Бага тойруу, Сухбаатар дуурэг, 1

E-mail: jamrsnaa@gmail.com

Прошло уже двадцать лет с тех пор, как в Монголии внедрены базисные принципы конституционализма в классическом смысле, опирающиеся на идеи конституционного права. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы подтвердить, могли ли стать этот процесс показателем достигнутого уровня конституционализма, качества свободной жизни населения, и определить конституционно-правовую ответственность, ее потребности и требования, возможности использования в соответствии с формированием конституционализма в Монголии.

Ключевые слова: конституционные нормы, конституционализм, наука конституционного права, конституционно-правовая ответственность, нарушение конституции, конституционно-правовое нарушение, конституционный надзор.

Для чего создается Конституционный суд в государственном обществе? Для того чтобы ограничить своевольность парламента и не предоставлять ему возможность нарушить конституцию, воспользовавшись принципом большинства, хотя они стали парламентариями в результате политических выборов. История человечества доказывает, что это больше всего касается государств, имеющих государственное управление в форме парламента, и у нас в стране создан такой суд. Считается, что вся деятельность государства находится во власти конституционного права и сам законодатель должен подчиняться преимущественному праву Конституции, и поэтому был создан Конституционный суд с предоставлением ему особого права защищать и охранять Конституцию [3, с. 89].

Традиционное правило монголов почитать государство и проявлять к нему глубокое уважение под влиянием марксистской доктрины отстраняло идею отождествлять право и закон, законодательную деятельность от базисных стандартов, сегодняшняя особенность правовой культуры и размышления, к которым относятся как к государственной воле, является основным фактором, который следует учитывать в формировании новой культуры права и конституционализма. В нем нельзя оставлять без внимания культурные и геополитические факторы и придется сосредоточить внимание на определении оснований и порядке привлечения к конституционно-правовой ответственности.

Конституционно-правовая ответственность используется с целью защиты конституции, следования правовым нормам конституции, влияния на общественно-политическую практику, чтобы субъекты конституционно-правовых отношений уважали конституцию, повышая эффективность правовых институтов. Конституционно-правовая ответственность является средством следования правопорядку, сохранению законности, защиты прав и свободы человека, развитию демократии в стране. Конституционно-правовая ответственность имеет не только теоретическое, но и практическое значение, содержит все свойства юридической ответственности. Она связана с политическим принуждением и защищает от действий, нарушающих правовые нормы, которые определены конституцией.

Определение понятия «конституционно-правовая ответственность» в толковом словаре юридических терминов следующее: Конституционно-правовая ответственность как вид юридической ответственности — это применение к лицу, виновному в нарушении предписаний конституционно-правовых норм, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридической нормы и выражающихся в отрицательных для него последствиях личного, организационного или имущественного характера. При изучении понятия ответственности затрагиваются вопросы ее оснований, субъектов, мер и порядка привлечения. Конституционно-правовая ответственность является особым видом политической и правовой ответственности, возложенной на данного субъекта в случае нарушения им пунктов конституции. Высшие органы правительства и высшие должностные лица представляются субъектами конституционно-правовой ответственности. Санкция конституционно-правовой ответственности — решать вопросы увольнения и привлечения к ответственности должностных лиц, аннулирования актов нарушения конституции и международных соглашений в порядке импичмента [8, с. 120], аннулирования результатов всенародного референдума» [Там же, с. 119].

Конституционно-правовая ответственность имеет следующие отличительные от других видов ответственности признаки:

- государственное принуждение и другие соответствующие ему общественные виды принуждения;
- совершение конституционного деликта;
- использование санкции к субъекту, совершившему деликт в качестве отрицательных действий;
- обязательность особой процедуры использования санкции.

Санкция конституционно-правовой ответственности существует в международной практике. При изучении юридической ответственности и примерных санкций некоторых стран обнаруживаются санкции, не принадлежащие административным, уголовным, дисциплинарным и гражданским правам ответственности. Это политические санкции, что является доказательством того, что существует механизм конституционно-правовой ответственности.

Для того чтобы привлечь к конституционно-правовой ответственности, требуется совершение конституционного правонарушения, которое проявляется действием или бездействием, нарушившим конституционно-правовую норму. Если действие или бездействие виновного, нарушившего конституци-

онно-правовые нормы, не имеет свойства преступления, административных нарушений и нарушений гражданского права, оно считается конституционным правонарушением и должны иметься основания для привлечения к конституционно-правовой ответственности [4, с. 280].

С 2000 г. расширяются и развиваются основания и круг привлечения к конституционно-правовой ответственности, и в этом главную роль сыграла деятельность Конституционного суда. Например, законодатели РФ предоставляли Конституционному суду право «гарантировать несоответствие конституции, и это могло стать гарантией обеспечения прав и свобод граждан.

Развитие теории конституционно-правовой ответственности стало стимулом исследований в правовом регулировании и свойствах каждого научного института данной науки. Одной из современных тенденций является единая структура ответственности органов власти и высших должностных лиц. Например, если президент РФ увольняется, все административные должностные лица по своей инициативе передают свои полномочия. Если они потеряли доверие народа и увольнялись, то они не могут быть избраны еще раз на эти должности. Основания привлечения к конституционно-правовой ответственности следующие:

1. Субъект, привлекающийся к ответственности и привилегия которого определена конституцией, нарушил действием или бездействием положение конституции.

2. Нарушение обычных законов, регулирование которых определено с использованием конституционных правовых норм, создало последствия, отрицательно влияющие на регламент конституции.

В этом случае деяние, не только нарушившее конституционные нормы, но и отрицательно влияющее на сущность конституции, будет основанием для привлечения к ответственности. Например, согласно определению Г. В. Барабашева, методы управления руководства также могут стать основанием для привлечения к ответственности. Регулирование деятельности высших государственных органов имеет значение, чтобы ответственно относиться к возложенной обязанности, выполнять внутренние нормы, мотивировать и не допускать случаев конституционного правонарушения. Но следует помнить, что эти случаи в регламенте конституционного права связываются с ответственностью, отношения регулируются конституционным правом и в большинстве случаев имеют политические признаки. Например, политические партии привлекаются к ответственности за своих членов и т. д. В ст. 21 Конституции ФРГ указано, что «... если члены политической партии совершили деятельность против демократии, Федеральный конституционный суд считает данную партию внеконституционной». В ст. 39.4 Федерального закона о политических партиях РФ указано, что в случае, если местное или первичное отделение политической партии не является юридическим лицом, установленную настоящим федеральным законом ответственность за допущенные указанным местным или первичным отделением нарушения несет соответствующее региональное отделение политической партии. В случае, если региональным отделением или иным структурным подразделением политической партии в установленный срок эти нарушения не были устранены, деятельность регионального

отделения или иного структурного подразделения политической партии может быть приостановлена на срок до шести месяцев. В случае неустранения политической партией, ее региональным отделением или иным структурным подразделением нарушений, послуживших основанием для приостановления их деятельности, федеральный уполномоченный орган или его территориальный орган, внесшие в суд заявление о приостановлении деятельности политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, вносят в соответствующий суд заявление о ликвидации данной политической партии. С точки зрения сущности общественных отношений, которые регулируются конституционно-правовыми нормами в основаниях, привлекающих к ответственности, придется определить состав правонарушений. Считаем, что в юридической науке понятие «состав преступления» предусматривает возможность определить конституционное правонарушение, т. е. основание привлечения к конституционно-правовой ответственности.

Конституционным правонарушением является противоправное, виновное деяние субъекта конституционных правоотношений, не отвечающее требованиям конституционно-правовых норм, за которое законодательством предусмотрено применение мер конституционно-правовой ответственности. Конституционное правонарушение, как и любое другое отраслевое правонарушение, имеет свой состав, включающий в себя объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Они устанавливаются в сумме состав определенного преступления. Эти свойства становятся главной особенностью, которая отличает конституционное правонарушение от других преступлений и правонарушений. Гармония этих четырех свойств становится составом конституционного правонарушения [2, с. 98].

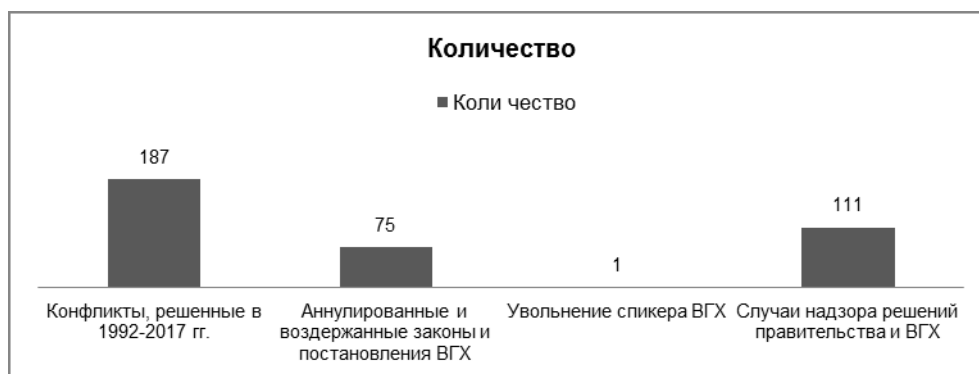
На основе постановлений и заключений, решенных судом конституционных споров можно видеть сферу, компетенции, достоинства, недостатки, методы действия законодательных органов и полноправных субъектов и теоретические основания скрытых споров между правом и политикой [1, с. 12].

С того времени, когда в Монголии начала действовать демократическая правовая конституция, конституционный суд Монголии успешно выполняет свою обязанность следовать конституции и охранять ее. Вместе с тем все-таки существует потребность ее совершенствовать.

Только государство имеет компетенцию конституционного правонарушения, а граждане ее не имеют, и поэтому цель надзора конституционного суда заключается в том, что защитить конституцию от государства и высших государственных должностных лиц [5, с. 55].

С другой стороны, конституция является механизмом объективного ограничения права власти правом человека и гражданина. И поэтому можно сказать, что конституция представляет собой основное правило, которому должно следовать в законодательной деятельности.

Если рассмотрим статистические данные Конституционного суда в 1992–2017 гг., большинство из них занимают законы, постановления и решения ВГХ. 79 (53,7%) из 147 заключений, вынесенных Конституционным судом, были решены как конституционные правонарушения. Из них 45 заключений, т. е. 57%, не признаны ВГХ, 28, т. е. 35,5%, были признаны ВГХ; заключения, в которых должностные лица нарушили конституцию, составили 4 случая, т. е. 5%; нарушений, по которым не вынесены постановления, — 2, т. е. 2,5%.

Рассмотрим все заявления, жалобы, запросы, обращенные в Конституционный суд и решенные в 1992–2014 гг.

Из анализа видно, что в формировании конституционализма в Монголии важна роль граждан. Хотя количество заявлений, запросов, жалоб, обращенных к Конституционному суду, из года в год увеличивается, количество споров, решен-

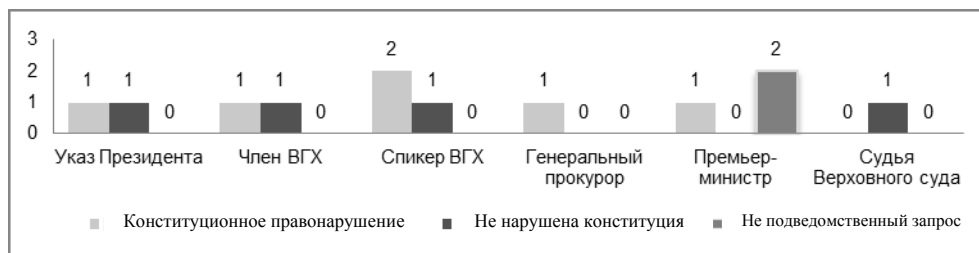
ных конституционным судом в год, составляет примерно 10–15 и без тенденции какого-нибудь роста. Значит, нет никаких качественных изменений.

Рассмотрим споры в 1992–2017 гг. по субъектам на основе заявлений, жалоб, запросов, обращенных к Конституционному суду.

В противном случае, если субъекты считают, что существующие законы не соответствуют Конституции, они имеют право обратиться в Конституционный суд, но наблюдается уже меньшее количество заявлений и запросов.

Состояние решения жалоб, заявлений, запросов, связанных с определенным должностным лицом:

Заключение о конституционном правонарушении спикера ВГХ, премьера-министра, генерального прокурора доказывает важность роли Конституционного суда в обеспечении принципа верховенства конституции.

Заключение будет окончательным, если в нем упоминается основание конституционного правонарушения, увольнения и ликвидации должностного лица, находящегося под надзором конституционного суда. 30-й пункт регламента заседания ВГХ под названием «Порядок обсуждения заключений Конституционного суда», согласно которому обсуждают решения Конституционного суда, начиная с названия, не закономерен. Установлено, что ВГХ нарушил конституцию, поэтому необходимо обсудить другие нарушения в решениях, утвердивших законы и постановления. Заключение о должностных лицах окончательное, если вынесено голосованием всех членов Конституционного суда, и поэтому ВГХ не имеет права его обсуждать, а лишь обсудить вопрос о привлечении к ответственности должностных лиц, у которых установлены основания увольнения и ликвидации. С другой стороны, большинство конституционных правозащитников считают, что «Конституция является политическим и правовым документом», что судья Конституционного суда

подчиняется законам, хотя это не может стать доказательством, что суд не выносит политических решений.

Разногласия в решениях Конституционного суда в 1992–2017 гг.

При анализе решений, вынесенных Конституционным судом, наблюдается, что 2,9% всех решений по содержанию противоречат друг другу. Хотя решения, которые выносятся судом, касаются отличных между собой споров, но обеспечение взаимосвязи этих объяснений способствует совершенствованию конституции. Граждане считают, что если в предыдущем аналогичном случае решение аннулировали, то и в этот раз оно тоже будет аннулировано.

Реализация конституционно-правовой ответственности по судебному порядку имеет большое значение, т. к. укрепляет конституционализм и его иммунитет. Конституционно-правовая ответственность без определенной процедуры реализации превратится в пассивный институт. Если нет полномочных органов, привлекающих к ответственности соответствующих субъектов, то не будет и понятия об ответственности.

Существующая структура применения наказаний нарушителей правопорядка зачастую сталкивается с требованием выбора одного из видов наказаний. Наказаниями никогда не будут возмещены убытки в первоначальном их виде, наказание имеет только предупредительные от правонарушений цели. Поэтому в эффективном политическом режиме требуется структура, не только указывающая на обязательность наказаний и их влияний, но и по-настоящему служащая для защиты прав человека [6, с. 188–189].

Самостоятельность института конституционно-правовой ответственности объясняется следующими основаниями:

- Методы и формы, регулирующие данные отношения
- Субъекты, участвующие в отношениях
- Конституционно- правовое положение в правовой структуре
- Правовая сущность незаконных действий
- Свойства конституционно- правовой санкции
- Особая процедура реализации санкции.

Конституционно-правовая ответственность направлена для защиты Конституции, следования конституционно-правовым нормам, влияния на общественно-политическую практику, соблюдение Конституции субъектами конституционно-правовых отношений, повышение эффективности правовых институтов. Она является средством поддержания правопорядка в стране, сохранения законности, защиты прав и свободы человека, развития демократи-

зации. Конституционно-правовая ответственность имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

В юридической науке понятие о конституционно-правовой ответственности полностью не разработано, что отрицательно влияет на правовое регулирование. Интересно, что для конституционно-правовой ответственности не реализуется принцип «нет ответственности — нет права». Необходимо разработать определенную процедуру конституционно-правовой ответственности, согласно которой субъекты конституционно-правовых отношений должны выполнять определенные конституцией обязанности.

Для того чтобы привлекать к конституционно-правовой ответственности, требуется конституционное правонарушение, проявленное действием или бездействием конституционно-правовых норм. Если деяние виновного, нарушившего конституционно-правовые нормы, не имеет признаков преступления, административных нарушений, нарушений гражданских прав, то оно считается конституционным правонарушением и должно иметь основание для привлечения к конституционно-правовой ответственности [1, с. 18].

Практика проявлений и выявлений конституционных правонарушений доказывается анализом, сделанным в решениях Конституционного суда. Реализация конституционно-правовой ответственности по судебному порядку имеет большое значение, т. к. совершенствование процедуры соблюдения конституционно-правовых норм улучшает конституционализм и его иммунитет. Конституционно-правовая ответственность без определенной процедуры реализации превратится в пассивный институт. В будущем значение такой процедуры непременно возрастет.

Литература

1. Амарсанаа Ж. Споры Конституции. Улан-Батор, 2012. 271 с.
2. Виноградов В. А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование. М., 2005. 348 с.
3. Сарантуяа Ц. Принципы, которых должны придерживаться в отношениях между Конституционным судом и Парламентом // Надзор Конституции Монголии: сегодняшнее состояние и дальнейшая перспектива: материалы междунар. науч. конф. Улан-Батор, 2015. С. 273–276.
4. Совд Г. Толковый словарь юридических терминов / под ред. С. Нарангэрэл. Улан-Батор, 2003. С. 280.
5. Совд Г. Место Конституционного суда в структуре надзора Конституции // Правовые и этические основы отношений между Конституционным судом и парламентом. Улан-Батор, 1998. С. 55–60.
6. Лүндэндорж Н. Юриспруденция: философия и теория. Улан-Батор, 2011. С. 188–189.
7. Жэкмэн М., Бакан Ж., Шнайдерман Д. Толкование Конституции и общественная справедливость: размышление о спорах защиты по судебному порядку // Общественная справедливость и Конституция: перспектива Канадского общественного союза. Улан-Батор, 1992. С. 17–30.
8. Narangerel S. English-mongolian jurisprudence dictionary. 2005. 150 p.
9. Хенри Стайнер Ж., Элстон Ф. Вопросы прав человека — права, политики и нравственности / под ред. Б. Чимид. Улан-Батор, 2011. С. 178–182.

SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES ON IMPOSING
CONSTITUTIONAL LIABILITY IN MONGOLIA

Azjargal T.

Lecturer of the Department of Theory Law of the institute of Law
and Social Sciences of the University of Law Enforcement Service of Mongolia,
captain, doctor degree program student at Law school, National university of Mongolia
Scientific adviser - Amarsanaa Jugnee, Doctor in Law (Sc.D)
E-mail: jamrsnaa@gmail.com

It has passed over 20 years since fundamental constitutional principles which are based on the ideology of the Law have classically been implemented in Mongolia. The purpose of the thesis is to determine the level of its achievement. By the research work, we have tried to prove if the process could have become life quality assurance for the people of Mongolia. Furthermore, some analyses have been made in order to study constitutional legal responsibility, need and opportunity to apply in relevance to Constitutional legal maturity.

Keywords: Constitutional provision, Constitutionalism, Constitutional jurisprudence, Constitutional responsibility, Constitutional tort, Constitutional control, Breach of constitutional law.

УДК 342.7

КОНЦЕПЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИИ МОНГОЛИИ О ПРАВАХ ГРАЖДАН НА ЖИЗНЬ В ЗДОРОВОЙ И БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЕ

© **Д. Бадамцэцэг**

старший преподаватель,

Университет правоохранительной службы,

Баянзүрх дүүрэг, VIII хороо, Хилчний гудамж, ш/х-210332, Улаанбаатар хот

E-mail: badmaa976@yahoo.com

Сделан анализ в концепции Конституции Монголии права и свободы человека, в т. ч. права жизни граждан в здоровой и безопасной среде и попытка объяснить их с точки зрения теории права и конституционного права в соответствии с международными правовыми нормами.

Ключевые слова: права и свобода человека, конституция, право на жизнь в здоровой и безопасной среде.

1. Основная часть

1. Понятие о праве жизни в здоровой и безопасной среде, основания Конституции

Право на жизнь в здоровой и безопасной среде представляет собой понятие невозможности человека как живого существа жить без него с самого рождения. Одним словом, право на жизнь в здоровой, безопасной среде является обширным понятием, касающимся не только человека, но и животных, растений и окружающей среды.

Перед тем как рассмотреть концепцию конституции о данном праве, следует рассмотреть понятие о здоровой и безопасной среде. Понятие «здоровая среда» обычно связано с природным балансом и состоянием окружающей среды. К ним относятся воздух, вода, земля и связанные с ними природные и человеческие факторы [1, с. 135].

Безопасная среда выражает понятия общественно-политического характера, такие как исключение насилия, обеспечение общественного порядка, безопасность личности, обеспечение безопасности территории [Там же].

Требования права на жизнь в здоровой и безопасной среде, его связь с этапами развития прав человека делают еще более открытыми содержание и сущность настоящего права.

Развитие прав человека делится на следующие этапы:

1. Эпоха развития гражданских и политических прав, т. е. «права первого этапа». Установление порядка конституционализма и гарантия политических прав и свобод человека считаются первым этапом развития прав человека. В этот период в международных фактах о гражданских и политических правах человека и конституциях стран мира декларированы «личные» права человека, связанные с гражданским обществом, права на переписку, неприкосновенность жилища, печати, права выступить со словом, исповедовать и не исповедовать какие-то идеалы.

2. «Права второго этапа» развития прав человека, т. е. эпоха декларирования экономических и общественных прав. Данный этап развития прав чело-

века охватывает начало и середину XX в., когда были декларированы общественные, экономические и культурные права, т. е. права на защиту здоровья, труд и другие права, связанные с трудом, в частности получение заработной платы. Но они не были гарантированы в широкой сфере в конституциях стран мира как политические права.

3. «Права третьего этапа» развития прав человека, т. е. эпоха прав окружающей человека среды и культурного развития. Она охватывает эпоху с середины XX в. до сегодняшних дней и ей принадлежат право жить в здоровой, безопасной среде и право культурного, политического, экономического развития. Этими правами пользуются все вместе в пользу интересов каждого члена, и поэтому они называются совместными правами.

Условиями необходимого возникновения права на жизнь в здоровой и безопасной среде являются влияние индустриализации, развитие науки и техники, глобализация, сопутствующие развитию индустриального общества и цивилизации.

Производственные отбросы, последствия второй мировой войны, загрязнение воды и воздуха, дефицит зелени, питьевой воды, изменение климата, политика «бурой экономики» и опустынивание стали проблемами, непосредственно препятствующими правам человека жить в здоровой и безопасной среде. В основном требование защиты права человека на жизнь в здоровой и безопасной среде берет начало от загрязнения окружающей среды, охватывающей весь мир, и от кризисов, связанных с ним. Например, в 1967 г. погибло множество морских животных и 15 тыс. птиц из-за того, что перевозившее судно «Торри Канион» разлило в южной части Англии большое количество нефти [4, с. 14], а бедствие, связанное с загрязнением р. Куахаога [Там же] в США в 1969 г., привлекло внимание всего мира, и всем человечеством были признаны требования создания правовых регулирований, направленных на формирование здоровой, безопасной среды.

В то время негативные последствия ухудшения окружающей среды, уровень общественного сознания не были достаточно прогрессивными, могущими влиять на утверждение внесения экологических вопросов в эти договоры и соглашения, а американский биолог Рачел Карсон впервые упомянул о необходимости правового регулирования в книге «Бесшумная весна», которая была издана в 1962 г.¹ В течение тысячи лет права и обязанности, связанные с окружающей средой, стали опорой конституции, право на жизнь в здоровой, безопасной среде не было отражено в прямом смысле во «Всеобщей декларации прав человека» (1948 г.), «Международном пакте о гражданских и политических правах» (1966 г.), «Международном пакте об экономических, общественных и культурных правах» (1966 г.). Может быть, это связано с тем, что негативные последствия ухудшения окружающей среды и уровень общественного сознания не были достаточно прогрессивными, которые могут влиять на утверждение внесения экологических проблем в эти договоры и соглашения.

¹ Право на жизнь в здоровой, безопасной среде / Национальная комиссия прав человека Монголии, Агентство швейцарского развития... с. 87.

В июне 1972 г. состоялся форум ООН по теме окружающей человека среды в столице Швеции Стокгольме и принята «Декларация Стокгольма об окружающей человека среде». Настоящая декларация считается первым правовым документом, которым была положена основа права на жизнь в здоровой и безопасной среде.

В первом фундаментальном принципе Декларации указано, что «человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и он несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений». За четыре года после утверждения Декларации Стокгольма идея права на жизнь в здоровой среде была распространена во всем мире. По состоянию на 2012 г., из 193 стран — членов ООН 177 странами признано данное право человека через их конституции, законодательства о природе и окружающей среде, судебные решения и международные законодательные акты.

Право на жизнь в здоровой и безопасной среде развивалось через следующие этапы.

1. Первый этап, т. е. эпоха, в которой это право человека признано на международном уровне (1945–1972 гг.). 29 июня 1945 г. в Сан-Франциско США впервые было организовано обсуждение по охране окружающей среды и 10 декабря 1945 г. ООН была принята Всеобщая декларация прав человека.

2. Второй этап, т. е. эпоха конституализации (1972–1992 гг.). Каждое государство в своих конституциях декларировало право человека на жизнь в здоровой и безопасной среде. В связи с принятием Декларации Стокгольма об окружающей человека среде 1972 г. государства мира отразили в своих конституциях вопросы обеспечения права на жизнь в здоровой и безопасной среде, обеспечения экологической безопасности окружающей среды и приняли самостоятельные законы. Например, Португалия в 1976 г., Испания в 1978 г., Турция в 1988 г. в своих конституциях узаконивали, что «среда, в которой живут граждане, должна быть благоприятной для человеческой жизни и граждане имеют право на жизнь в здоровой и безопасной среде». В 80-х гг. в Болгарии, Венгрии и Польше уже были приняты комплексные законы об охране природы и окружающей среды¹ [7, с. 90].

Но эти законы регулировали вопросы, связанные только с охраной окружающей среды и не были самостоятельными законами, узаконившими право на жизнь в здоровой и безопасной среде. В это же время в конституциях более 40 стран мира было определено право на жизнь в здоровой и безопасной среде и была узаконена обязанность государства охранять природу и окружающую среду.

3. Третий этап, т. е. эпоха принятия самостоятельных законов об обеспечении права на жизнь в здоровой и безопасной среде (1992–2002 гг.). В 1992 г. в г. Рио-Де-Жанейро Бразилии состоялся форум «Окружающая среда и развитие» ООН, принят документ из 27 статей под названием «Деклара-

¹ Право на жизнь в здоровой, безопасной среде / Национальная комиссия прав человека Монголии, Агентство швейцарского развития... с. 90.

ция Рио» и в первой же из них было продекларировано, что «человек должен быть в центре обеспечения стабильного развития». Согласно этому принципу, 68 стран мира в своих конституциях и профильных законах узаконивали данное право.

4. Четвертый этап, т. е. эпоха определения права на жизнь в здоровой и безопасной среде как носителя стабильного развития (2002–2012 гг.). В 2002 г. в г. Йоханнесбурге состоялся высший форум по вопросам стабильного развития и в принятой на нем декларации разработан принцип «справедливости природы и окружающей среды» и упомянуто о создании суда, самостоятельно фиксирующего нарушения права на жизнь в здоровой и безопасной среде. В это время право на жизнь в здоровой и безопасной среде было узаконено в 28 государствах мира.

5. Пятый этап, т. е. эпоха декларирования обеспечения права на жизнь в здоровой и безопасной среде как основе стабильного развития (с 2012 г. до сего времени). В июне 2012 г. в г. Рио-Де-Жанейро состоялось заседание ООН в кругу программы «Рио+», принявшее Декларацию Рио. Настоящая декларация призвала к развитию «зеленой экономики». И еще определены задачи ООН тысячелетнего развития до 2030 г., и в сентябре 2015 г. на 70-м высшем форуме Генеральной Ассамблеи утверждена программа, основным содержанием которой является «Изменим Мать-Землю: программа стабильного развития–2030». Эти задачи стабильного развития имеют 17 целей, 169 задач, более 300 показателей по направлению поддержки, улучшения общественно-экономического развития, охраны природы и окружающей среды. Три основные столбы стабильного развития являются экономика, общество и окружающая среда, и государства утверждают свои концепции стабильного развития и определяют реализацию права на жизнь в здоровой и безопасной среде, опираясь на сегодняшние потребности и требования в соответствии с целью определения будущей политики. Например, в 2010 г. государства Евросоюза утвердили и реализуют долгосрочную политику «Европа–2020: разумный, стабильный, доступный рост»; в 2008 г. Российская Федерация — «Концепцию общественно-экономического развития РФ до 2020 г.»; в 2013 г. КНР — долгосрочную политику «Китай–2030».

II. Концепция Конституции Монголии о правах на жизнь граждан в здоровой и безопасной среде. В ст. 16.2 Конституции Монголии узаконена гарантия права граждан на жизнь в здоровой и безопасной среде и указано «право жить в здоровой, безопасной среде, быть защищенным от загрязнений окружающей среды и нарушений природного баланса». В Монголии в 1924 г. была принята первая Конституция и в принятых в 1940, 1960 гг. конституциях в определенной мере были узаконены права человека, но не было указано право на жизнь в здоровой, безопасной среде¹. В 1990 г. в Монголии произошла демократическая революция и под ее влиянием в 1992 г. по-новому утверждена Конституция, в которой впервые узаконены экологические права

¹ Конституция МНР 1924, 1940, 1960 гг. // Конституционный бюллетень Монголии. Улан-Батор, 1998.

человека и указаны новейшие понятия права человека и граждан, возможности их реализации [2, с. 113].

В работе «Концепция Конституции» заслуженного юриста Монголии, доктора, профессора Б.Чимида отражено, что «почитание человека, обеспечение его свободы является одной из коренных концепций новой Конституции Монголии»¹, и определена концепция Конституции о правах и свободах человека следующим образом.

1. Во введении к Конституции декларировано, что одной из приоритетных целей народа Монголии является почитание права и свободы человека, справедливости и национального единства и впервые определено понятие права человека отдельно от его гражданских прав, т. е. вся структура государства является механизмом, который служит для обеспечения прав и свобод человека.

2. Понятия о правах человека полностью соответствуют глобальной концепции всемирного развития и указывают, что каждый гражданин имеет право жить в здоровой и безопасной среде. Государства определили в своих законах свойство «legitiment», имеющееся в конституции любого государства. Одним словом, узаконено, что права и свободы человека являются врожденными и неотъемлемыми от самого человека, и это стало доказательством отказа от марксистской доктрины, что «государство предоставляет гражданам права и свободы». Процесс узаконения всеобщих прав человека имеет значение в том, что узаконены все основные самореализующиеся права (self executing), которые непосредственно используются судебными и государственными органами, определяются законодателем или государством (non self executing) [3, с. 101].

Права, которые указаны в ст. 16.2 Конституции Монголии — жить в здоровой и безопасной среде, в 16.6 — право на защиту своего здоровья, относятся к правам, которые в определенных случаях невозможно непосредственно использовать.

3. В Конституции Монголии право жить в здоровой и безопасной среде не ограничено только гражданами Монголии, в ней права и свободы человека определены в широком смысле, включая иностранных граждан и граждан без подданства, и это соответствует принципу равноправия Всеобщей декларации прав человека.

4. Понятие «права и свободы человека» имеет свое первоначальное значение, но в связи с условиями обеспечения коренных интересов и национальной безопасности государства в определенных случаях могут разграничиваться. В ст. 18.5 Конституции Монголии указано, что, «предоставляя иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории страны, возможность пользоваться основными правами и свободами граждан Монголии, указанными в ст. 16 Конституции, в целях обеспечения национальной безопасности и безопасности населения, охраны общественного по-

¹ Из выступления кандидата юридических наук, бывшего члена ВГХ С. Тимура на открытии симпозиума «Право человека и национальная безопасность» // Материалы международного симпозиума. 1996. С. 98.

рядка законом могут быть установлены соответствующие ограничения в отношении прав человека, кроме неотъемлемых прав человека, предусмотренных в международных договорах, к которым присоединилась Монголия», и это означает, что права и свободы человека не являются неограниченными. В ст. 19.3 Конституции Монголии предусмотрено, что «при осуществлении своих прав и свобод человек не должен допускать нанесения ущерба национальной безопасности, правам и свободам других, нарушения общественного порядка.

5. В ст. 2.14 указано, что «все, кто законно проживает в Монголии, равноправны перед законом и судом. Дискриминация человека по национальности, этническому происхождению, языку, цвету кожи, возрасту, полу, социальному происхождению и положению в обществе, имущественному состоянию, занимаемой должности, вероисповеданию, убеждению и образованию недопустима. Каждый человек обладает правосубъектностью¹. В данной статье право человека жить в здоровой и безопасной среде рассмотрено в отрыве от традиционного сознания, относится к правам человека с точки зрения идеологической и классовой позиции.

6. В ст. 19.2 Конституции Монголии указано, что «в случае объявления чрезвычайного и военного положения права и свободы человека, указанные в Конституции и других законах, могут быть ограничены только законом. Причем этот ограничивающий закон не касается права на жизнь, свободы убеждений и совести, а также положений закона о запрещении пыток, негуманного, жестокого обращения в отношении кого бы то ни было», особо подчеркнуты основные права человека при чрезвычайных ситуациях, определено право человека жить в здоровой и безопасной среде как данное от природы.

7. В ст. 10.3 Конституции Монголии указано, что «международный договор Монголии с момента вступления в силу закона о ратификации или присоединении имеет ту же силу, что и внутреннее законодательство». Это стало важным шагом, который установил юридические основания того, что общепризнанные международные правовые нормы, принципы, договоры являются составной частью правовой системы нашей страны.

8. В Конституции Монголии указаны и основные обязанности граждан Монголии. Например, в ст. 17.1,2 Конституции Монголии указано: «Гражданин Монголии, высоко почитая справедливость и гуманность, неукоснительно выполняет следующие основные обязанности:

- 1) почитать, уважать и соблюдать Конституцию, другие законы;
- 2) уважать честь, достоинство, права и законные интересы человека;
- 3) платить установленные законом налоги;
- 4) защищать Родину, нести военную службу в соответствии с законом.

Труд, охрана своего здоровья, воспитание детей, защита окружающей среды являются долгом каждого гражданина.

9. В Конституции Монголии определено, что право жить в здоровой и безопасной среде зависит от реализации определенных прав, таких как полу-

¹ Конституция Монголии // Гос. бюллетень. Улан-Батор, 1992. № 1. С. 3.

чение информации, участие в принятии решений, обращение к суду, и об этих правах указано в ст. 16.17 Конституции следующим образом: «Право на поиск и получение информации по любым вопросам, не относящимся к законодательно закрепленной государственной тайне»¹; в ст. 3.1: «В Монголии вся власть принадлежит народу. Монгольский народ осуществляет это право путем непосредственного участия в государственных делах, а также посредством избранных им же представительных органов государственной власти»².

10. В ст. 19.1 Конституции Монголии указано, что «государство несет перед своими гражданами обязанность создавать достаточные социально-экономические, правовые и иные гарантии для обеспечения прав и свобод человека, бороться с нарушениями прав и свобод человека, восстанавливать нарушенные права», и это определяет общепризнанные международные нормы, гражданское общество, независимый суд, распределение государственной власти, конституционное государство, Rule of law, которые стали условием формирования и укрепления идеи правового государства, обеспечивающего право на жизнь в здоровой и безопасной среде.

Считаем, что 4-я Конституция Монголии, принятая в 1992 г., создала возможность гарантированного обеспечения права на жизнь в здоровой и безопасной среде и возможность правового регулирования, соответствующего мировой тенденции глобального развития.

III. Заключение

Подведем итоги концепции права на жизнь в здоровой и безопасной среде, отраженной в Конституции Монголии:

1. Впервые в истории Монголии явление узаконивания в конституции права на жизнь в здоровой и безопасной среде стало выражением значительных изменений в правовом сознании монголов.

2. Если рассмотрим правовые регулирования этой конституции, можно утверждать, что она стала законом, основанным на концепции гуманного, демократического общества, где закреплены не только права на жизнь в здоровой и безопасной среде, но и права и свободы, которые указаны во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, международных пактах об экономических и культурных правах, которые стали общепризнанными нормами защиты прав человека на жизнь в здоровой и безопасной окружающей человека среде.

3. Конституция Монголии, принятая в 1992 г., полностью соответствует тенденции современного теоретического мышления о правах человека, признавая равноправие государства и гражданина, определяя право человека на жизнь в здоровой и безопасной среде в соответствии с идеями конституционализма.

Литература

1. Амарсанаа Ж. Хүний эрхийн товч тайлбар толь // ХЭҮК. 2012. Р. 135.

¹ Конституция Монголии // Гос. бюллетень. Улан-Батор, 1992. № 1. С. 3.

² Там же.

2. Чимид Б. «Үндсэн хуулийн үзэл баримтлал» тэргүүн дэвтэр. Улан-Батор, 2004. 150 р.

3. Хүний эрх ба үндэсний аюулгүй байдал» олон улсын симпозиумын баримт материал. Илтгэгч Швейцарийн Берний Их Сургуулийн доктор Еорг Паул Мюллер» Үндсэн хуульт төрөөс хүний эрхийг хамгаалах тухай илтгэл. Улан-Батор, 1996.101-р тал.

4. The Enviromental Rights Revolution: Constitutions. Human Rights. And Enviroment by David Richard Boyd: The British University of British Columbia, 2010. P. 14.

CONCEPT AND CONTENT OF CONSTITUTION OF MONGOLIA ON THE RIGHTS OF CITIZENS TO LIOVE IN A HEALTHY AND SAVE ENVIROMENT

D.Badamtsetseg

Senior lecturer of the Department of Theory Law
of the institute of Law and Socials Sciences of the University
of Law Enforcement Service of Mongolia, police major
Баянзүрх дүүрэг, VIII хороо, Хилчний гудамж, ш/х-210332, Улаанбаатар хот
E-mail: badmaa976@yahoo.com

The purpose of this study is to explain and conclude human rights and freedoms as stated in Mongolian Constitution, specifically human rights to live in healthy anf safety environment on behalf of legal theory and constitutional law withal international legal norms.

Keywords: Constitution, human right, right of citizens to live in a healthy and save enviroment

УДК 342.72/.73

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

© Ж. А. Васильева

старший преподаватель, аспирант,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: zhanna_vas@mail.ru

Конституционное развитие прав и свобод человека является характеристикой развития демократии в том или ином государстве. По данным различных аналитических исследований, по реализации конституционных прав и свобод граждан Российская Федерация всегда располагается среди участников рейтинга ниже середины. Причем факторами оценивания выступают такие показатели, как заработная плата, качество медицины, качество образования, свобода ведения предпринимательской деятельности, уровень безопасности, экология, уровень коррупции, личная свобода и т. д. В этих данных следует видеть в той или иной мере результат реализации конституционных прав и свобод, ведь современное понимание прогресса государственности выдвигает на первый план «человеческое измерение», т. е. то качество жизни, которое обеспечивает государство. Интересный момент, но в ряду лидеров подобных исследований всегда находятся страны Скандинавского региона — Финляндия, Швеция, Дания. В данной статье прослеживается исторический аспект конституционного становления института прав и свобод в Российской Федерации и республике Финляндия.

Ключевые слова: конституция, конституционные права и свободы.

В настоящее время показателем подлинной конституционной государственности является наличие в государстве демократической конституции, причем если она реально воплощена в государственной организации и неукоснительно исполняется всеми — как органами власти, так и гражданами. Нормы конституционного права, которые определяют правовой статус человека и гражданина, позволяют раскрыть сущность взаимоотношений человека, общества и государства. Конституционный механизм реализации прав и свобод человека и гражданина является одним из важных элементов, изучая который, можно судить об уровне демократического развития государства, его политической и правовой стабильности.

По данным рейтинга, составленного аналитическим центром Великобритании Legatum Institute в 2015 г. по критериям стабильности и выявлении «лучшей страны по уровню жизни населения», Российская Федерация оказалась на 91-м месте¹. Опираясь на данные рейтинга, очевидно, что в России есть с этим определенные проблемы, в отличие, к примеру, от ряда стран Скандинавского региона, которые расположились на его первых строчках. Удачный пример для сравнения — Финляндия. В 2010 г. страна была на пер-

¹ Legatum Institute: рейтинг стран по уровню процветания [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info>.

вом месте в списке «Лучшие страны мира» (англ. The world's best countries) по версии журнала Newsweek, в 2011–2014 гг. американский фонд «Fund for Rease» оценивал ее как «самую стабильную страну мира», а в 2015 г. Финляндия получила высочайшую оценку в мире по показателю реализации основных прав и свобод человека и гражданина, изложенных во Всеобщей декларации прав человека¹. В связи с этим представляется интересным рассмотреть, каким образом в Финляндии выстроена система конституционных прав и свобод, а также их историю и современное понимание.

Принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации провозгласила новую концепцию расстановки приоритетов в правовой системе государства. Прежде всего это коснулось конституционно-правового статуса личности, которое выразилось в установлении новой системы конституционных прав и свобод. Принятая Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. Декларация прав и свобод человека, а затем принятая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина повлекли полное изменение раздела II Конституции Российской Федерации 1978 г. «Государство и личность». Это и явилось отправной точкой приведения конституционного законодательства России в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, отказ в этой сфере от принципов, присущих тоталитарному государству.

Изменения коснулись, прежде всего, правового статуса человека. Во-первых, произошел отказ от классового подхода при закреплении правового статуса личности, поскольку в новом демократическом и правовом государстве данный критерий неприменим. В Конституции 1993 г. права и свободы человека и гражданина уже не увязываются с его социальным статусом, принадлежностью к какому-либо классу, с приверженностью тем или иным идеологическим ценностям, политическим взглядам. Она признает и защищает право каждого человека не только иметь такие взгляды, но и пропагандировать их, беспрепятственно действовать в соответствии со своими убеждениями. Во-вторых, впервые на конституционном уровне была юридически признана категория «права человека». Данное понятие подчеркнуло неотъемлемость прав личности как таковой, невмешательство государства во внутреннюю жизнь человека. Иными словами, личность становится субъектом правового статуса. В-третьих, в стране произошел отказ от приоритета государственного интереса. Новое демократическое государство объявило человека, его права и свободы высшей ценностью. Изменилась позиция государства. Оно стало представителем общества, который несет перед гражданами и обществом определенные обязанности и ответственность, прежде всего обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

¹ Interactive Infographic of the World's Best Countries — Newsweek; Финляндия признана самой стабильной страной в мире // Сайт телерадиокомпании YleisradioOy. Служба новостей Yle. 2014. 27 дек.; Финляндия признана наиболее стабильным государством мира // Сайт телерадиокомпании YleisradioOy. Служба новостей Yle. 2012. 21 авг.

И, наконец, в-четвертых, новая Конституция впервые закрепила принцип примата норм международного права, в частности в области прав человека, в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией (ст. 17)¹. Ранее, в советское время, сфера прав человека считалась сугубо внутригосударственным делом, которое не допускало вмешательства международных организаций в положение дел с правами человека в СССР.

Конституция России 1993 г., по сравнению с прежней, юридически более точно раскрывает содержание многих прав и свобод. Прежде всего, нужно отметить, что главная для данного института и определяющая норма — принцип о человеке, его правах и свободах как высшей ценности — отнесена к главе 1 «Основы конституционного строя», которая не предусматривает внесение изменений и поправок.

Что же по поводу Финляндии? Основные конституционные права человека и гражданина в Финляндии гарантируются ее Конституцией. Следует отметить, что Конституция Финляндии (*Suomenperustuslaki*), как и Конституция России, относительно молодая. Она была принята в 1999 г. и стала итогом проведения конституционной реформы, начатой в стране еще в 1995 г. Незадолго до этого, в 1993 г., всестороннему преобразованию подверглась вторая глава — «Основные права и правовая защита граждан в Финляндии», что дало толчок к проведению глобальной реформы всего конституционного законодательства.

Идея конституционных прав довольно-таки стара в Финляндии. Историки связывают это с отсутствием феодализма в нордических странах, где личная свобода традиционно считалась высшей ценностью [2]. Однако во времена шведского и русского завоеваний они не имели статуса конституционных в современном понимании, поскольку рассматривались в качестве привилегий для Четырех Сословий. Это понимание было разрушено в стране в начале XX в. Прежде всего оно стало связываться с проведением реформ 1906 и 1919 гг., в результате чего была принята Форма Правления — первый конституционный акт независимой Финской республики. Зверства Второй мировой войны заставили европейское сообщество признать права человека и фундаментальные (или конституционные) права в качестве важной составляющей мирового конституционализма. Финляндия также не осталась в стороне в сфере признания прав человека как новых ориентиров, в частности, придания многим из них статуса конституционных. Как отмечалось ранее, на протяжении шведского и русского периодов системы конституционных прав в том виде, в котором она существует сегодня, не было. Скорее это были привилегии, которые даровались дворянам, духовенству, буржуазии и крестьянской общине. Только в начале XX в., когда начал складываться современный мир, начала развиваться собственно и сама система прав. Первая работа по их систематизации была проделана государственным деятелем, профессором и политли-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками).

бералом Лео Мишленом в 1905 г. И, наконец, в 1919 г., когда был принят первый конституционный акт Финляндии — Форма Правления, раздел прав составил его неотъемлемую часть. Закрепленные в Форме Правления 1919 г. права нельзя назвать достоянием финнов, которое основано на национальном опыте. Скорее всего это был процесс преобразования и адаптирования перечня прав, закрепленных ранее западноевропейской традицией XIX в. Прежде всего, они были заимствованы из австрийского конституционного документа «Об общих правах граждан королевств и земель, представленных в Имперском совете» (Dezemberverfassung, 1867 г.), и из конституций Бельгии (1831 г.) и Пруссии (1850 г.). Финская система конституционных прав была построена на специфике и стандартах западноевропейского либерализма конца XIX и начала XX в. [3].

Закрепленная Формой Правления 1919 г. система конституционных прав оставалась неизменной в Финляндии вплоть до 1995 г. Конституционная реформа 1995 г. тщательно пересмотрела природу их соответствия современности и была направлена в сторону открытости и доступности для каждого. В финском академическом праве существует строгий тренд в отношении конституционных прав — их нормативное и функциональное единство. На практике оно означает, что каждое право должно рассматриваться в целом как нечто большее: конституционные права должны толковаться вне контекста всей Конституции. В связи с этим еще в 1993 г. Правительством Финляндии был принят Билль Правительства № 309. Этот документ стал важным источником финского конституционного права, с которого началось толкование каждого из прав. Возможно, поэтому конституционные права, закрепленные Формой Правления 1919 г., без изменения легли в проект новой Конституции. Еще один важный момент: конституционные права в Финляндии рассматриваются не только как норма права, но и как принципы права. В качестве принципов они более способны проникать в другие сферы системы права, тем самым обеспечивая свою доступность и общеобязательность¹ [3; 4].

Все фундаментальные права человека в стране делятся на две группы: конституционные права и права человека. Финский юридический язык следует классической немецкой и шведской модели, потому как делит все права на «*regusoikeus*» (в литературе «базовые права») и «*ihmisoikeus*» (в литературе «права человека»). То есть это права, которые охраняются конституционной традицией, и права, охраняемые международным правом соответственно. Хотя и фундаментальные права изначально закреплены в конституционных документах, однако сегодня их основное отражение все больше и больше находит свое место в международных источниках. В Финляндии разделение между конституционными и международными правами в последнее время приобретает несколько иллюзорный характер. На практике, «*regusoikeus*» и «*ihmisoikeus*» тесно переплелись и часто не так просто отделить эти две формальные группы друг от друга. Конституционный результат понятен: ограничить свободу действий парламента в законотворчестве при помощи механизмов реализации международных и национальных прав.

¹ Tolonen H. Rules, Principles and Goals. 1991. 35 Scandinavian Studies in Law 269.

Финская Конституция классифицирует все права по разделам. К ним относятся: 1) личные свободы и их правовая защита; 2) политические права; 3) экономические и социально-культурные права; 4) так называемые права третьего поколения, которые носят коллективный характер. Их содержание зависит от правовой природы конкретного права¹.

Таким образом, рассмотрев историю развития и систему конституционных прав в Финской республике, можно отметить, что, несмотря на принятую относительно недавно Конституцию, механизмы реализации прав да и сами права имеют почти вековую историю. В теории конституционного права бытует мнение, что в конституции того или иного государства должно находить отражение все то, что уже было достигнуто к моменту ее принятия. В стране должны быть если не сами права и свободы граждан (права и свободы являлись бы целью государства), то механизмы их реализации — возможно, с этим мы и можем связать финский успех.

Во второй главе Конституции Российской Федерации, посвященной правам и свободам человека и гражданина, отражается ее взаимосвязь с международными правовыми стандартами в области прав человека. Положения этой главы Конституции выверены согласно лучшим образцам международно-правовой мысли. Также необходимо отметить, что статьи, содержащиеся во второй главе, являются морально оправданными, ценностно-ориентированными, гуманными и справедливыми. Исходя из этого, возможно, стоит полагать, что механизм реализации конституционных прав и свобод в России только устанавливается, но для этого нам понадобится чуточку больше времени.

Литература

1. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник для вузов. М.: Проспект, 2012. 593 с.
2. Kirby D. Concise History of Finland. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Ch.1. 343 p.
3. Jaako Husa. The Constitution of Finland: A contextual analysis. Oregon: Hart publishing Press Oxford and Portland, 2011. P. 174.
4. Зайпт Е. В. Взаимоотношения высших органов государственной власти в Финляндии // Право и политика. 2000. № 11. С. 45–52.

¹ Конституция Финляндии от 11 июня 1999 г. (ред. 2012 г.) // Собрание законов 1112/2011.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL RIGHTS IN RUSSIA AND FINLAND

Zh. A. Vasilyeva

Senior Lecturer of the Chair of Constitutional, Administrative and Municipal Law,
graduate student Buryat State University
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: zhanna_vas@mail.ru

The constitutional development of rights and liberties of a person is a characteristic of democracy in a particular state. According to various analytical studies on the realization of constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation is always among the participants of a rating below the midpoint. Moreover, the factors of evaluation are such factors as wages, quality of medicine, quality of education, freedom of business activity, level of security, the environment, corruption, personal freedom, etc. These data should be seen in one way or another the result of the implementation of constitutional rights and freedoms, because the modern understanding of the progress of statehood brings to the fore the «human dimension», i.e. the quality of life that is provided by the state. An interesting point that a number of leaders of such studies are always of the country of the Scandinavian region like Finland, Sweden, Denmark. This article traced the historical aspect of the formation of the constitutional Institute of rights and freedoms in the Russian Federation and the Republic of Finland.

Keywords: constitution, constitution rights and freedoms.

УДК 341.17

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ КАК ОСНОВА НОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА КОНТИНЕНТЕ ЕВРАЗИЯ

© О. А. Гатаулина

старший преподаватель, магистр права
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А
E-mail: Orlivik90@mail.ru

Рассматривается идея евразийства, которая сыграла огромную роль в становлении Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Изучается историко-теоретическая составляющая евразийства, периоды развития идеи, а также анализируется роль и значение Евразийского экономического союза как основа новой интеграции на континенте Евразия. Поэтапное развитие идеи евразийства в настоящее время сформировало новый взгляд на место России в Евразии в лице Евразийского экономического союза. С точки зрения евразийской системы взглядов, Россия не принадлежит ни Европе, ни Западу, а занимает срединное положение, являясь связующим звеном между Востоком и Западом. Исторические предпосылки созданного нового интеграционного объединения на Евразийском континенте основываются, прежде всего, на экономических, социокультурных и исторических традициях народов, населяющих данный регион, что может послужить выходом нового этапа развития Евразии.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, концепция евразийства, интеграция, континент Евразия, евразийский вектор развития.

Годы, прошедшие после разрушения Советского Союза, постепенно привели к осмыслению последствий расчленения государства как единого живого организма. Необходимость интеграции, взаимодействия народов, связанных культурно-историческими, цивилизационными связями, привели к образованию Евразийского экономического союза. Данная идея была озвучена Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым как альтернатива неэффективному СНГ¹.

Этапы поэтапного формирования Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) оформились в 2015 г., когда были подписаны основные документы как государствами-основателями (Россией, Казахстаном, Беларусью)², так и присоединившимися к ним Арменией³ и Киргизией⁴.

¹ Соглашение о создании Содружества независимых государств (Заключено в г. Минске 08.12.1991, протокол подписан в г. Алма-Ате 21.12.1991). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Подписан в г. Минске 10.10.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Договор о присоединении Кыргызской республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Подписан в г. Москве 23.12.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Идея создания подобного рода союза берет свое начало в идее евразийства, которая на протяжении последних ста с небольшим лет появлялась, угасала и снова появлялась несколько раз. Сначала это было в 70-х гг. XIX в. (Н. Я. Данилевский и др.), затем в 20–30-х гг. XX в. (евразийцы — русские эмигранты) и, наконец, в самом конце XX в. (Н. А. Назарбаев и ряд интеллектуалов) [8, с. 202].

Собственно, сам термин «Евразия» был заимствован у А. Гумбольдта, который обозначал им всю территорию Старого Света, включающую Европу и Азию. Впоследствии термин приобрел другое культурно-историческое толкование, обозначающее срединную часть континента, лежащую между Китаем, горным цепями Тибета и «западным полуостровом» Европы [2, с. 67]. В качестве границы между Европой и Евразией П. Н. Савицким, затем Г. В. Вернадским было предложено рассматривать изотерму января, которая на западе — положительная, а на востоке — отрицательная [6, с. 12].

Современная евразийская идея, построенная на новой политической, экономической, идеологической основе, отличной от евразийской идеи Н. Я. Данилевского 2-й половины XX в. или евразийцев зарубежья 20–30-х гг., но вобравшей в себя из наработок предшественников все самое ценное и применимое к сегодняшнему дню [1, с. 19], объединила в себе три разных периода.

Последняя треть XIX в. — время после крестьянской реформы 1861 г., время постановки кардинальных проблем об оптимальных путях развития, о сущности нации, специфике ее культуры, о целях реформирования общества. Тогда в условиях быстрой капитализации России, сопровождавшейся крушением вековых устоев, ломкой старого, низвержением авторитетов, русская интеллигенция пыталась найти основу, которая была бы прочной и жизнеспособной и опираясь на которую Россия могла бы уверенно идти в будущее и знать, каков должен быть образ этого будущего.

Второй период — 20-е гг. XX столетия — время революции, великого перелома, крушения старого мира. Дворянство, духовенство, интеллигенция либо уничтожены, либо принуждены уехать из страны. Евразийство 20-х гг. как мощное социально-философское движение стало своеобразным духовным братством отторгнутых от родины русских эмигрантов, вынесших из произошедшего катастрофическое мироощущение. Главным смыслом и содержанием всех работ евразийцев — русских эмигрантов был поиск «путеводной нити», которая смогла бы привести Россию к процветанию [3, с. 3].

Наконец, последнее десятилетие XX в. — разрушение гигантской страны СССР, крах коммунизма, слом социальной системы, крушение прежних ценностей, идеалов и царящая во всех сферах жизни «безнормность», рост националистических, сепаратистских устремлений бывших союзных республик в российских регионах — и бесконечно дорогая цена, заплаченная всеми народами единой в прошлом страны за очередную трансформацию общества [4, с. 298].

При всей вариативности евразийских идей в различные периоды общим для них базовым концептуальным основанием является:

- мультилинейный подход к оценке исторического процесса, отрицание возможности существования единой для всего мира линии социально-

исторического развития, единой общечеловеческой цивилизации и единой культуры;

- восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности;

- признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, нормы, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов.

Однако евразийство третьего периода конца XX в. имеет два направления, две разные точки зрения на Евразию в рамках ЕАЭС.

Первая точка зрения основывается на высказывании Н. Назарбаева, который определяет историческую миссию Казахстана, и, по его словам, уже к 2030 г. эта страна станет центром Евразии и будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстрорастущими регионами — Китаем, Россией и мусульманским миром [5]. Однако интеграция на постсоветском пространстве, по словам Назарбаева, возможна только при укреплении, усилении государственных суверенитетов стран ранее существовавшего СНГ.

Подобного рода высказывания вызвали вторую, противоположную точку зрения на евразийство в рамках ЕАЭС. В этой связи Россия должна воссоединить в границах единого государства весь русский народ, который после этого вновь сможет и защитить свои национальные интересы, и обрести многовековую геополитическую миссию «держателя мирового равновесия цивилизаций». Только так, по убеждению многих русских патриотов, Россия сможет вернуться к своему национальному бытию как собственной, так и мировой истории [7].

Заслуга евразийцев состоит в том, что они создали *геополитический* проект русского будущего как будущего континента Евразии.

Однако слова В. В. Путина: «Евразийское пространство не шахматная доска, не поле для геополитических игр. Это наш дом, и мы все вместе хотим, чтобы в этом доме царил покой, достаток, чтобы в нем не было места для экстремизма и попыток обеспечить свои интересы за счет других» приобретают значимость и дальнейшее переосмысление развития Евразии в рамках региональной экономической интеграции ЕАЭС¹.

Профессор Н. Зиядуллаев подчеркивает именно экономическое сотрудничество в Договоре о ЕАЭС, используя термин «евразийская экономическая интеграция», а не просто «евразийская интеграция», который несет политическую составляющую². Геополитическая основа ЕАЭС как путь поднятия Евразии пока что не может иметь место, т. к. все страны бывшего СССР нуждаются в развитии и стабилизации экономики. Между тем никто не может однозначно сказать, что вслед за новой геоэкономической моделью интеграции на постсоветском пространстве в лице ЕАЭС не последует и геополити-

¹ Путин выступил против превращения Евразии в поле для геополитических игр [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru> (дата обращения: 19.10.2016).

² URL: <https://interaffairs.ru> (дата обращения: 12.07.2016).

ка. Таким образом, объединение с учетом баланса интересов суверенных партнеров и равного экономического социального и другого вклада каждого государства-участника ЕАЭС обеспечит выживание и дееспособность Евразийского экономического союза. Именно поэтому создание ЕАЭС можно рассматривать как важный тренд в восстановлении центростремительной геоэкономической характеристики евразийского пространства.

Литература

1. Винокуров Е. Ю. Прагматическое евразийство // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4(21). С. 7–20.
2. Исаева О. С., Кошарный В. П. Историко-философские предпосылки Евразийского учения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1(25). С. 59–72.
3. Никитенко Е. В. Место России в системе координат «Запад — Восток» в идеологии евразийства // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. Т. 6. С. 1–5.
4. Смазнов И. А. Евразийство в постсоветской России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 65. С. 298–302.
5. Соболев А. В. Полюса евразийства // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 193–194.
6. Соколов С. М. Восточный вектор евразийства П. Н. Савицкого // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Т. 14, № 2. С. 11–15.
7. Фроловский Г. В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 250.
8. Хренов Н. А. Идеи Л. Н. Гумилева на фоне альтернативных парадигм в гуманитарной науке // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 3. С. 199–212.

THE EURASIAN ECONOMIC UNION AS A BASIS FOR A NEW INTEGRATION ON THE EURASIAN CONTINENT

O. A. Gataulina

Lecturer of the Department of Constitutional,
Administrative and Municipal Law,
Faculty of Law, Master of Jurisprudence,
Buryat State University,
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: Orlivik90@mail.ru

The article discusses the idea of Eurasianism, which is of great importance in the formation of the Eurasian economic Union. The historical and theoretical component of Eurasianism, the idea development periods is studied, and also the role and value of the Eurasian Economic Union as a basis of new integration at the continent Eurasia is analyzed. Step-by-step development of the idea of Eurasianism now, created a new view to the place of Russia in Eurasia, on behalf of the Eurasian Economic Union. From the point of view of the Euroasian frame of reference Russia doesn't belong Europe, I Will sink down, and holds median position, being a link between the East and the West. Thus, historical prerequisites of the created new integration association on the Euroasian continent which is based on economic sociocultural and historical traditions of the people inhabiting this region can serve as an exit for a new stage of development of Eurasia.

Keywords: The Eurasian Economic Union, concept of Eurasianism, integration, continent Eurasia, Eurasian vector of development.

УДК 342.7

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ УКРАИНЫ

© **О. Е. Дорошко**

практикующий юрист,
Украина, г. Харьков
E-mail: redexistence@mail.ru

© **А. П. Харченко**

практикующий юрист,
Украина, г. Львов
E-mail: redexistence@mail.ru

© **В. В. Коржов**

кандидат юридических наук,
ОЭП «Исследовательская экспедиция»
Украина, Киев
E-mail: redexistence@mail.ru

С 2004 г. по настоящее время в Украине длится третий период конституционной реформы. В 2016 г. под президентством П. Порошенко в Конституцию Украины, в раздел «Правосудие», были внесены изменения, которые существенно ограничили право человека на судебную защиту в Украине. Так, Законом Украины о внесении изменений в Конституцию Украины от 2 июня 2016 г. внесен обязательный досудебный порядок урегулирования спора в случаях, определенных законом, что ограничило конституционное право на непосредственное обращение в суд, ограничена юрисдикция судов: если ранее она распространялась на все правоотношения, которые возникают в государстве, то в новой редакции Основного закона юрисдикция судов сводится к «юридическому спору» и «уголовному обвинению». Также из гражданского судопроизводства был изъят суд народных заседателей, хотя суд присяжных в уголовном процессе был все же сохранен. Кроме того, ограничено право на кассационное обжалование: если ранее это была обязательная стадия судебного процесса в случае подачи кассации, то в настоящее время право на кассационное обжалование возникает в случаях, предусмотренных законом. Принцип законности был заменен на принцип верховенства права, что в украинских реалиях позволит еще больше злоупотреблять судебной властью. По нашему мнению, такие изменения в Конституции Украины являются уголовно наказуемым деянием — превышением власти и служебного положения.

Ключевые слова: конституционная реформа в Украине, сужение прав, досудебный порядок регулирования спора, суд народных заседателей, право на обжалование, юрисдикция судов, законность судебного решения.

Законом Украины о внесении изменений в Конституцию Украины от 02.06.2016 г. изложена в новой редакции статья 124 Конституции Украины¹, а

¹ Конституция Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua> (дата обращения: 3.05.2017).

именно: «Правосудие в Украине осуществляют исключительно суды. Делегирование функций судов, а также присвоение этих функций другими органами или должностными лицами не допускаются. Юрисдикция судов распространяется на любой юридический спор и любое уголовное обвинение. В предусмотренных законом случаях суды рассматривают также и другие дела.

Законом может быть определен обязательный досудебный порядок урегулирования спора. Народ непосредственно принимает участие в осуществлении правосудия через присяжных. Украина может признать юрисдикцию Международного уголовного суда на условиях, определенных Римским статут Международного уголовного суда»¹.

Относительно сужения прав и свобод граждан новой редакцией ст. 124 Конституции Украины сложно лучше высказаться, чем это сделал судья КСУ И. Слиденко в п. 5 своего особого мнения относительно Заключения от 20.01.2016 г., а именно: «5. Некоторые дополнения Конституции формально трактуются в Заключении как расширение прав и свобод, на самом деле они имеют прямо противоположный результат — их существенное ограничение.

В п. 3.1 Заключения содержится редакция законопроекта ст. 124 Конституции Украины: «Законом может быть определен обязательный досудебный порядок урегулирования спора». Конституционный суд Украины пришел к выводу, что предлагаемая редакция Конституции Украины не предусматривает отмену или ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Однако в 2002 г. Конституционным судом Украины уже было принято решение № 15-рп/2002, где, в частности, указано следующее: «Обязательное досудебное урегулирование споров, которое исключает возможность принятия искового заявления к рассмотрению и осуществления по ней правосудия, нарушает право человека на судебную защиту ... Избрание определенного средства правовой защиты, в т. ч. и досудебного урегулирования спора, является правом, а не обязанностью лица, которое добровольно, исходя из собственных интересов, его использует ... Установление законом обязательного досудебного урегулирования спора ограничивает возможность реализации права на судебную защиту».

В Заключении Конституционный суд Украины отказался от собственной практики, не приведя никакой мотивации для такого отказа.

Очевидно, что введение обязательной досудебной защиты прав и свобод станет барьером для непосредственного обращения в суд, поскольку сама возможность судебной защиты ставится в зависимость от обязательной досудебной процедуры, а именно от реализации фундаментального права ст. 55 Конституции — права на судебную защиту, которое является одним из базовых принципов правового государства.

Таким образом, данное положение законопроекта прямо противоречит ст. 55 Конституции Украины, а следовательно, ст. 22 и 157 Конституции Украи-

¹ Закон України «Про внесення змін до Конституції України (щодо правосуддя)» [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua> (дата обращения: 26.04.2017).

ны, которые не допускают сужения содержания и объема существующих прав и свобод¹.

Также о существенных недостатках и о сужении прав и свобод новой редакцией ст. 124 Конституции Украины сделал вывод в своем особом мнении судья Конституционного суда Украины Н. Мельник: «... не подлежит сомнению очевидное — предложенная законопроектом редакция ч. 3 ст. 124 Конституции Украины сужает юрисдикцию судов к «юридическому спору» и «уголовному обвинению», исключая вопросы, которые не имеют характера юридического спора, однако сегодня решаются в судебном порядке (например, подтверждение наличия или отсутствия юридических фактов или неоспариваемых прав). При этом не принято во внимание, что обеспечение конституционного права на судебную защиту осуществляется не только в рамках решения юридического спора, но и в пределах вышеупомянутых и других судебных процедур. Этой проблемы никак не решает второе предложение ч. 3 ст. 124 Конституции Украины в редакции, предложенной законопроектом, в котором говорится, что «в предусмотренных законом случаях суды рассматривают также другие дела».

Перенесение решения этого вопроса с конституционного уровня регулирования на уровень «обычного» закона существенно сужает гарантированный объем права на судебную защиту, значительно уменьшает перспективы его беспрепятственной реализации и уровень нормативной защиты.

Кроме того, указанная новелла перенасыщена терминологически неоднозначными формулировками, обуславливает неизбежную правовую неопределенность на стадии правоприменения. В частности, в один ряд ставятся такие разные по смыслу понятия, как «юридический спор», «уголовное обвинение», «другие дела», «распространение юрисдикции», «рассмотрение дел» и др. Приведенное выше дополнительно усложняет и без того несовершенный механизм реализации конституционного права на судебную защиту в Украине.

Формулировкой «в предусмотренных законом случаях суды рассматривают также другие дела», которая употребляется в предложенной законопроектом редакции ч. 3 ст. 124 Конституции Украины, не учтено, что такие случаи могут быть не только определены нормами законов Украины, но и предусмотрены непосредственно Конституцией Украины, как то: недопустимость проникновения в жилище или другое владение лица, проведение в них осмотра или обыска иначе как по мотивированному решению суда (ст. 30); недопустимость нарушения конституционной свободы тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции иначе как по решению суда в случаях, предусмотренных законом, с целью предотвратить преступление или выяснить истину при расследовании уголовного дела, если другими способами получить информацию невозможно (ст. 31); осуществле-

¹ Висновок Конституційного Суду України у справі за зверненням Верховної Ради України про надання висновку щодо відповідності законопроекту про внесення змін до Конституції України (щодо правосуддя) вимогам статей 157 і 158 Конституції України [Електронний ресурс]. URL: <http://search.ligazakon.ua> (дата обращения: 01.06.2017).

ние запрета деятельности объединений граждан только в судебном порядке (ст. 37); ограничения судом права граждан на мирные собрания (ст. 39). Таким образом, в положения Основного закона Украины закладывается внутренняя противоречивость, не обусловленная никакими объективными причинами.

Таким образом, ч. 2 ст. 124 Конституции Украины в большей степени обеспечивает права и свободы человека, чем редакция ч. 3 ст. 124 Конституции Украины, предложенная законопроектом. Указанные недостатки этой конституционной новеллы порождают риски возникновения еще большей, чем существующая, проблемы юридической неопределенности границ компетенции судебных органов, а главное — безосновательного ограничения юрисдикции судов, что будет иметь последствием необоснованное лишение или ограничение права на обращение в суд для защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина непосредственно на основании Конституции Украины, а также права на судебную защиту (ст. 8, 55 Основного закона Украины).

Также о нарушении прав и свобод человека и гражданина изменениями в ст. 124 Конституции Украины сделал вывод в своей особом мнении судья Конституционного суда Украины М. Гультай [1]: «2.1. В законопроекте предлагается статью 124 Конституции Украины изложить в редакции, в которой, в частности, положения «юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве» заменить другой: «юрисдикция судов распространяется на любые споры о правах и обязанностях лица и любые уголовные обвинения против него; в предусмотренных законом случаях суды рассматривают также и другие дела». Такая редакция заменяет «все правоотношения, возникающие в государстве» спорами о правах и обязанностях лица.

В Конституции Украины определено, что обращение в суд для защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина непосредственно на основании Конституции Украины гарантируется (ч. 3 ст. 8); права и свободы человека и гражданина защищаются судом, каждому гарантируется право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц (ч. 1, 2 ст. 55); не может быть ограничено, в частности, право на судебную защиту (ст. 64).

По содержанию приведенных конституционных положений право на судебную защиту является одним из основополагающих прав человека, поскольку, руководствуясь этими нормами Основного закона Украины и реализуя указанное право, лицо имеет беспрепятственный доступ к правосудию, в процессе которого осуществляется защита и всех других прав и свобод человека и гражданина, а поэтому в Конституции Украины не допускается ограничение права на судебную защиту ни сферой правоотношений, в которых оно может быть реализовано, ни какими-либо другими условиями — военным или чрезвычайным положением и т. п.

За время своей деятельности Конституционный суд Украины давал официальное толкование положений ч.1, 2 ст. 55, ч. 2 ст. 124 Конституции Украины в их системной связи.

Так, согласно решению Конституционного суда Украины от 25 декабря 1997 г. № 9-зп по делу об обращении жителей г. Желтые Воды, ч. 1 ст. 55 Конституции Украины следует понимать так, что каждому гарантируется защита прав и свобод в судебном порядке; суд не может отказать в правосудии, если гражданин Украины, иностранец, лицо без гражданства считают, что их права и свободы нарушены или нарушаются, созданы или создаются препятствия для их реализации или имеют место другие ущемления прав и свобод; отказ суда в принятии исковых и других заявлений, жалоб, оформленных в соответствии с действующим законодательством, является нарушением права на судебную защиту, которое, согласно ст. 64 Конституции Украины, не может быть ограничено; ч. 2 ст. 124 Конституции Украины необходимо понимать так, что юрисдикция судов, т. е. их полномочия решать споры о праве и иные правовые вопросы, распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве (п. 1, 2, 3 резолютивной части).

На взаимосвязь ч. 1, 2 ст. 55 Конституции Украины с ч. 2 ст. 124 Конституции Украины обратил внимание и в решении от 23 мая 2001 г. № 6-рп/2001 по делу о конституционности ст. 248-3 ГПК Украины отметил, что в соответствии с положением ч. 2 ст. 124 Конституции Украины юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве; анализ этого положения во взаимосвязи с положениями ч. 1, 2 ст. 55 Конституции Украины дает основание сделать вывод, что судам подведомственны любые обращения физического лица по защите своих прав и свобод; поэтому суд не может отказать в правосудии, если гражданин Украины, иностранец, лицо без гражданства считают, что их права и свободы нарушены или нарушаются, или созданы или создаются препятствия для их реализации, или имеет место другое ущемление прав и свобод (абз. 6 п. 3 мотивировочной части).

Итак, Конституция Украины как Основной закон государства наряду с определением прав и свобод человека и гражданина, гарантии их реализации, основ конституционного строя устанавливает основы функционирования органов государственной власти, в т. ч. и судебной, которые должны быть направлены, прежде всего, на неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Анализ содержания приведенных конституционных норм, правовых позиций Конституционного суда Украины указывает на тесную системную связь положений ч. 3 ст. 8, ч. 1, 2 ст. 55, ст. 64, ч. 2 ст. 124 Конституции Украины и на то, что право на судебную защиту корреспондируется с распространением юрисдикции судов на все правоотношения в государстве.

То, что предлагаемое законопроектом изменение сужает юрисдикцию судов, подтверждается и положением законопроекта, которым предлагается, что в предусмотренных законом случаях суды рассматривают и другие дела. Такая формулировка предлагаемых в законопроекте изменений в ст. 124 Конституции Украины ставит реализацию права на судебную защиту в зависимость от принятия соответствующих законов Украины, которые, однако, могут касаться лишь отдельных сфер общественных правоотношений, в которых судами осуществляется правосудие.

Таким образом, сужение юрисдикции судов относительно общественных правоотношений очевидно. Изменение объема юрисдикции судов в предлагаемый способ закладывает основу для ограничения права на судебную защиту и изъятия из судебного контроля правоотношений в отдельных общественных сферах. Указанные риски усиливаются в связи с несовершенством предложенной формулировки, поскольку категория «все правоотношения» заменяется категорией «споры», которая имеет другое юридическое значение. Предлагаемое законопроектом сужение юрисдикции судов только к решению правовых споров может привести к ограничению права на судебную защиту.

2.2. Предложенными законопроектом изменениями в ст. 124 Конституции Украины, в частности, определено, что законом может быть предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования спора.

Такая редакция указанного положения является недостаточно обоснованной, учитывая, что она сформулирована слишком абстрактно и недостаточно четко. При условии вступления в силу законопроекта такое положение, как норма прямого действия, может привести к безосновательному отказу в принятии исковых заявлений от граждан и создать предпосылку для необоснованного ограничения права на судебную защиту (ч. 3 ст. 8, ч. 1, 2 ст. 55 Конституции Украины).

Кроме того, по своему содержанию положение о возможном досудебном порядке урегулирования спора законом не является предметом ст. 124 Конституции Украины, которая содержится в ее разделе VIII «Правосудие», а касается ст. 92 Основного закона Украины, в которой установлен круг общественных правоотношений, который определяется исключительно законами Украины.

Кроме того, неоднозначными являются суждения судей Конституционного суда Украины касательно новой редакции ст. 127 Конституции Украины. Целесообразно здесь привести вывод судьи Конституционного суда Украины И. Слиденка, изложенный в его указанном выше особом мнении: «В пункте 3.4 Заключения содержится редакция законопроекта ст. 127 Конституции Украины: «В определенных законом случаях правосудие осуществляется с участием присяжных». Конституционный суд Украины пришел к выводу, что предлагаемая редакция Конституции Украины не предусматривает отмену или ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Однако Конституция Украины предусматривает в ч. 4 ст. 124: «Народ непосредственно принимает участие в отправлении правосудия через народных заседателей и присяжных»; ч. 1 ст. 127 — «Судопроизводство в Украине осуществляют профессиональные судьи, а в определенных законом случаях — народные заседатели и присяжные»; ч. 2 ст. 129 — «Судопроизводство осуществляется судьей единолично, коллегией судей или судом присяжных». Таким образом, на конституционном уровне закреплено, что формой привлечения народа к отправлению правосудия в Украине является суд народных заседателей и присяжных.

На сегодняшний день известны две модели участия народа в осуществлении правосудия. Для государств романо-германской правовой семьи характерен суд шеффенов (аналог заседателей), который заключается в совместном

решении представителями народа и судьей вопросов факта и права в ходе судебного разбирательства. Суд присяжных, распространенный в странах семьи общего права, характеризуется раздельным решением вопросов факта присяжными, а вопросов права — судьей.

По действующему законодательству народные заседатели участвуют в рассмотрении гражданских дел, а присяжные — уголовных.

Очевидно, что, лишая народ осуществлять правосудие через заседателей, законопроект ограничивает соответствующее право, предусмотренное в ч. 4 ст. 124, ч. 1 ст. 127 и ч. 2 ст. 129 Конституции, а следовательно, ст. 22 и 157 Конституции Украины, которые не допускают сужения содержания и объема существующих прав и свобод.

Кроме того, изменения, внесенные в ст. 129 Конституции Украины, предусматривают сужение права на пересмотр судебных решений. Свою точку зрения по данному вопросу высказал судья Конституционного суда Украины Н. Мельник в вышеуказанном его особом мнении: «3. Одним из основных принципов судопроизводства законопроектом предлагается предусмотреть «обеспечение права на апелляционный пересмотр дела и в определенных законом случаях — на кассационное обжалование судебного решения» (редакция п. 8 ч. 2 ст. 129 Конституции Украины, предложенная законопроектом).

В Конституции Украины (п. 8 ч. 3 ст. 129) основным принципом судопроизводства определено «обеспечение апелляционного и кассационного обжалования решения суда, кроме случаев, установленных законом». Согласно этому положению, возможность апелляционного и кассационного обжалования решения суда является общим правилом для всех судебных дел.

Согласно правовой позиции Конституционного суда Украины, ограничение доступа к апелляционной или кассационной инстанции возможно лишь в исключительных случаях с обязательным соблюдением конституционных норм и принципов, в частности принципа верховенства права (такой его составляющей, как пропорциональность), такое ограничение не может быть произвольным и несправедливым, оно должно: преследовать легитимную цель; быть обусловленным общественной необходимостью достижения этой цели, пропорциональным и обоснованным (подп. 2.2 п. 2 мотивировочной части решения Конституционного суда Украины от 8 апреля 2015 г. № 3-рп/2015).

Вместо этого предложенная законопроектом конституционная новелла принципиально меняет существующую ситуацию по обеспечению апелляционного и кассационного обжалования решения суда. Ею, как общее правило, устанавливается обеспечение права на апелляционный пересмотр дел, а право на кассационное обжалование судебного решения предполагается как исключение из этого правила. Несмотря на дополнительное обеспечение безусловности права на апелляционное обжалование решения суда, субъект законодательной инициативы предлагает сузить гарантированное Конституцией Украины право на кассационное обжалование решения суда только в исключительных случаях, особо предусмотренных законом.

Такое кардинальное изменение конституционных гарантий по обеспечению апелляционного и кассационного обжалования решения суда субъект законодательной инициативы объясняет необходимостью повысить функци-

ональную способность и эффективность деятельности кассационного суда. Однако очевидно, что в этом случае отсутствует пропорциональное соотношение между предлагаемыми средствами и поставленной целью. Ведь в приведенном подходе видится риск ограничения права на судебную защиту, которое включает в себя, в частности, возможность обжалования судебных решений в апелляционном и кассационном порядке, которая является одной из конституционных гарантий реализации других прав и свобод, защиты их от нарушений и противоправных посягательств, в т. ч. от ложных и неправосудных судебных решений (подп. 2.1 п. 2 мотивировочной части решения Конституционного суда Украины от 8 апреля 2015 г. № 3-рп/2015). Поэтому порожденное предлагаемым изменением существенное ограничение возможности кассационного обжалования судебного решения и приведет к ограничению права на справедливое судебное разбирательство, и будет угрожать сути этого права, что не соответствует ст. 8 Конституции Украины.

Компоненты права на апелляционное и кассационное обжалование решения суда, находящиеся в неразрывной системной связи, одинаково важны для права на судебную защиту и не подлежат искусственному (механистическому) разделению на два отдельных (самостоятельных) права только потому, что их реализация происходит на различных стадиях (в различных инстанциях) рассмотрения дела. Право на апелляционное и кассационное обжалование судебного решения основывается на ранее объявленной государством обязанности обеспечить эффективный механизм надлежащей и как можно более полной проверки законности и обоснованности, а также справедливости вынесенного судебного решения, кроме специально установленных законом исключений. Однако выделение права на кассационное обжалование судебного решения в отдельную конституционно-правовую категорию (в отличие от п. 8 ч. 3 ст. 129 Основного закона Украины) с другими юридическими признаками и последствиями, по сравнению с правом на апелляционное обжалование (пересмотр), является неоправданным и таким, что нарушает требования ст. 157 Конституции Украины. Конечно, особенности реализации этого права для некоторых категорий дел могут и должны устанавливаться процессуальным законодательством, но на основании и в соответствии с Конституцией Украины и без посягательства на его содержание и объем.

Следует также обратить внимание на терминологическую неточность изложения в законопроекте п. 8 ч. 2 ст. 129 Конституции Украины. Если в действующей редакции этого пункта речь идет об «обеспечении апелляционного и кассационного обжалования решения суда, кроме случаев, установленных законом», то в предложенной законопроектом — «обеспечение права на апелляционный пересмотр дела и в определенных законом случаях — на кассационное обжалование судебного решения». Однако понятия «пересмотр» и «обжалование» не являются однопорядковыми и не совпадают по содержанию. Первое обозначает процессуальную стадию рассмотрения дела, второе — только возможность попадания судебного дела на такую стадию. Это дополнительно подтверждает методологически ошибочный подход к пониманию различных аспектов права на апелляционное и кассационное обжалование судебного решения в контексте положений ч. 3 ст. 22 Конституции Укра-

ины, что приведет к ограничению права на судебную защиту (ст. 55 Основного закона Украины)»).

Кроме того, внесенными изменениями в ст. 129 Конституции Украины было изъято такое требование к решению суда, как его законность. Здесь опять лучше всего привести правовой анализ, который был сделан судьей Конституционного суда Украины М. Гультай в его вышеуказанном особом мнении: «3.2. В предлагаемой законопроектом редакции ст. 129 Конституции Украины изъят такой принцип судопроизводства, как законность, и добавлено положение, согласно которому судья, осуществляя правосудие, является независимым и руководствуется верховенством права.

Однако верховенство права является достаточно обширным правовым принципом (охватывает также и законность), который четко не определен ни в Конституции Украины или законах Украины, ни в предлагаемых законопроектом изменениях в Основной закон Украины.

Изъятие из текста Основного закона Украины такой основы судопроизводства, как законность, является безосновательным, поскольку это может привести в целом к ограничению прав и свобод человека и гражданина и их судебной защиты, эффективности осуществления правосудия, противоречит принципам верховенства права и верховенства Конституции Украины».

Литература

1. Гультай М. Особое мнение судьи Конституционного суда Украины // Вестник Конституционного суда Украины. 2016. № 2–3. С. 109.

LIMITATION OF THE RIGHT TO THE JUDICIAL PROTECTION IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM IN UKRAINE

O. E. Doroshko
practicing lawyer,
Ukraine, Kharkov
E-mail:redexistence@mail.ru

O. P. Kharchenko
practicing lawyer,
Ukraine, Lviv
E-mail:redexistence@mail.ru

V. V. Korzhov
Candidate of Legal Sciences, lawyer
ОЕР «Research expedition»,
Ukraine, Kiev
E-mail:redexistence@mail.ru

Since 2004 to the present time in Ukraine there lasts the third period of the Constitutional reform. In 2016, under the presidency of P. Poroshenko, the Constitution of Ukraine was amended in the «Justice» section that significantly limited the human right to judicial protection in Ukraine. Thus, the Law of Ukraine on Amendments to the Constitution of

Ukraine on June 02, 2016 introduces a mandatory pre-judicial order for settlement of a dispute, in the cases, defined by law, which restricted the constitutional right to direct appeal to the court; limited jurisdiction of courts: if previously it was applied to all legal relations, which arise in the state, in the new version of the Basic Law, the jurisdiction of courts is reduced to a «legal dispute» and a «criminal charge». Also from the civil proceedings there was withdrawn the court of people's assessors, but the jury in the criminal trial was still preserved. In addition, the right to appeal in cassation was limited — if earlier, it was a mandatory stage of the judicial process in the case of applying with cassation, now the right to appeal in cassation arises in the cases provided by law. The principle of legality was replaced with the principle of the rule of law which in the Ukrainian realities will allow further abuse by the judicial power. In our opinion, such changes to the Constitution of Ukraine are a criminal offense — excess of power and official position.

Keywords: constitutional reform in Ukraine, limitation of rights, pre-judicial order of dispute regulation, court of people's assessors, right to appeal, jurisdiction of courts, legality of judicial decision.

УДК 342.731

ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИИ

© И. А. Зайцев

аспирант,

Российский университет кооперации

Россия, 428009, г. Чебоксары, ул. Лебедева, 68-6

E-mail: leipzig_27@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательства некоторых стран Азии и Российской Федерации по регламентации права на свободу совести и свободу вероисповедания, с учетом исторических, национальных и иных особенностей. В рассматриваемых странах отсутствует общепринятое законодательное содержание анализируемого нами права. Так, в одних странах не указывается, что следует понимать под свободой совести и свободой вероисповедания (Республика Казахстан), в других странах предусматривается толкование права на свободу совести, но не акцентируется внимание, что должно пониматься на законодательном уровне под свободой вероисповедания (Республика Узбекистан), в иных государствах, наоборот, содержится определение свободы вероисповедания, но не регламентируется, что следует понимать под свободой совести (Республики Кыргызстан, Туркменистан), в третьих странах дается определение рассматриваемых нами прав человека и гражданина (Республика Таджикистан). При этом в Российской Федерации на законодательном уровне, в отличие от рассмотренных нами стран Азии, не происходит законодательного разделения, что понимается под свободой совести, а что — под свободой вероисповедания.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, атеистические убеждения, свобода выбора религии, отправления религиозных обрядов, свобода жизненных убеждений человека.

Право всех стран мира принято дифференцировать на четыре основные правовые системы (семьи): *романо-германскую* (представляет собой писаное право, которое состоит в основном из письменно оформленных нормативно-правовых актов, зачастую кодифицированных, также имеется деление норм права на конкретные отрасли, которые принято подразделять на две подсистемы: публичное и частное право. К данной правовой семье принято относить Германию, Францию, Португалию, Австрию, Швейцарию и мн. др.); *англосаксонскую* (система, исключительность которой заключается в том, что основным источником права является судебный прецедент, хотя наряду с ним имеются и другие законы. Законодательство стран данной правовой семьи строится, в первую очередь, на основании решений суда, которые строго обязательны для иных судей при рассмотрении аналогичных дел. К этой правовой системе относятся Великобритания, США, Канада, Австралия и ряд стран, являющихся членами Британского содружества); *религиозную* (система, где основными источниками права являются религиозно-нравственные нормы и ценности, которые содержатся в различных религиозных источниках. К данной правовой системе относят Пакистан, Судан, Иран, Ливан, Индию, Бангладеш и др.); *традиционную* (правовая система, где преобладают

неписанные старые традиции, передаваемые из поколения в поколение. К данной правовой семье относятся Мадагаскар, ряд стран Африки) [2, с. 112–115].

В свою очередь, рассмотрение названных вопросов прав человека правовых институтов некоторых стран Азии обусловлено тем, что в этих странах исторически складывались, с учетом развития этих стран, особенности регламентации прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, что нашло отражение в федеральных законах изучаемых нами государств¹; кроме того, в рамках настоящего исследования нами будет проведен сравнительный анализ данных федеральных законов этих стран с отечественным федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»² — тем самым нами будут выявлены общие и отличительные черты в закреплении и содержании рассматриваемого нами права.

Однако прежде чем приступить к анализу законов, направленных на реализацию права на свободу совести и вероисповедания, необходимо обратить внимание, что право на свободу совести и вероисповеданий является одним из главенствующих прав человека в мире, являвшихся первейшими правами, что были провозглашены еще более 300 лет назад во времена буржуазных революций, охвативших страны Старого света. Кроме того, в международных правовых актах предусматривается следующее: каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это подразумевает возможность изменять свое вероисповедание или мировоззрение и возможность исповедовать свою веру или мировоззрение как совместно с иными людьми, так и индивидуально, частным или же публичным порядком в учении, богослужении и отправлении ритуальных, а также и религиозных обрядов в том числе (ст. 18 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.)³.

¹ О религиозной деятельности и религиозных объединениях: закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.11.2016); О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике: закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 г. № 282 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru> (дата обращения: 21.06.2017); О свободе совести и о религиозных организациях: закон Республики Узбекистан от 1 мая 1998 г. № 618-1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex.uz> (дата обращения: 21.11.2016); О свободе совести и о религиозных организациях: закон Туркменистана от 21 октября 2003 г. № 199-II [Электронный ресурс]. URL: <http://ngo-turkmenistan.org> (дата обращения: 21.06.2017); О свободе совести и религиозных объединениях: закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489 [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru> (дата обращения: 21.06.2017).

² О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) : принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 19 сентября 1997 г. : одобр. Советом Федерации Федерального Собрания РФ 24 сентября 1997 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

³ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.

В свою очередь, приступая к анализу законов некоторых стран Азии по регламентации права на свободу совести и вероисповедания, следует указать, что в законе Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» не предусматривается определение права на свободу совести и/или свободы вероисповедания¹, а в абз. 1 ст. 3 закона Республики Узбекистан от 1 мая 1998 г. № 618-1 «О свободе совести и о религиозных организациях»² предусматривается определение права на свободу совести, исходя из анализа которого, можно сделать вывод, что под ней понимается право граждан исповедовать либо не исповедовать (быть атеистом) какую-либо религию. В то же время в абз. 1 ст. 3 закона Туркменистана от 21 октября 2003 г. № 199-II «О свободе вероисповедания и религиозных организациях»³ и в абз. 3 ст. 3 закона Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 г. № 282 «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике»⁴ регламентируется определение свободы вероисповедания, однако, в отличие от закона Республики Кыргызстан, закон Туркменистана понимает под ним в том числе атеистические убеждения граждан. Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489 «О свободе совести и религиозных объединениях» содержит в абз. 2–3 ст. 3 толкование «свободы совести» и «свободы вероисповедания» следующим образом:

- свобода совести — право каждого человека и гражданина добровольно и самостоятельно определять свое отношение к религии, индивидуально или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять религиозные убеждения, а также выражать и распространять любые убеждения, связанные с религией и атеистическим мировоззрением;

- свобода вероисповедания — право каждого человека и гражданина свободно и самостоятельно выбирать и исповедовать любую религию, участвовать в богослужениях, отправлении религиозных обрядов, в религиозном обучении⁵.

Таким образом, определение свободы совести и свободы вероисповедания, указанное в законе Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489 «О свободе совести и религиозных объединениях», фактически идентично

¹ О религиозной деятельности и религиозных объединениях: закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.11.2016)

² О свободе совести и о религиозных организациях: закон Республики Узбекистан от 1 мая 1998 г. № 618-1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex.uz> (дата обращения: 21.11.2016)

³ О свободе совести и о религиозных организациях: закон Туркменистана от 21 октября 2003 г. № 199-II [Электронный ресурс]. URL: <http://ngo-turkmenistan.org> (дата обращения: 21.06.2017).

⁴ О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике: закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 г. № 282 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru> (дата обращения: 21.06.2017)

⁵ О свободе совести и религиозных объединениях: закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489 [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru> (дата обращения: 21.06.2017).

дефинициям доктринальных точек зрения, т. к. согласно им к свободе совести относится право обладать не только религиозными, но и атеистическими взглядами, а также мировоззрением, не запрещенным законом (например, пацифистскими взглядами). Под свободой вероисповедания понимается свобода избрания любого вероисповедания, не запрещенного законом, а также выполнение различных действий религиозного характера, что затрагивает лишь верующих лиц, а не атеистов [1, с. 214; 3, с. 129; 4, с. 129]. Из вышеизложенного следует, что свобода совести и вероисповедания является базисом одной свободы, которая рассматривается в двух различных вариациях, которые взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, образуя единый правовой институт. Однако не стоит отождествлять понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания», поскольку они относятся друг к другу как общее и, соответственно, частное. Стоит указать, что свобода совести представляет собой гораздо более масштабное значение, чем свобода вероисповедания.

В Российской Федерации, исходя из анализа абз. 1 ч. 1 ст. 3 федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», предусматривается, с одной стороны, что понимается под правом на свободу совести и вероисповедания, а с иной стороны — не предусматривается четкая дифференциация, что понимается под свободой совести и свободой вероисповедания¹. Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать, что в настоящее время в рамках стран Азии не выработано единой практики регламентации права на свободу совести и вероисповедания. Так, в одних странах не указывается, что следует понимать под свободой совести и свободой вероисповедания (Республика Казахстан); в других — предусматривается толкование права на свободу совести, но не акцентируется внимание, что должно пониматься на законодательном уровне под свободой вероисповедания (Республика Узбекистан); в иных государствах, наоборот, содержится определение свободы вероисповедания, но не регламентируется, что следует понимать под свободой совести (Республика Кыргызстан, Туркменистан); в третьих дается определение рассматриваемых нами прав человека и гражданина (Республика Таджикистан); в иных государствах не происходит законодательного разделения, что понимается под свободой совести, а что — под свободой вероисповедания (Российская Федерация).

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) : принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 19 сентября 1997 г. : одобр. Советом Федерации Федерального Собрания РФ 24 сентября 1997 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

Литература

1. Кужеков А. Ю. Свобода совести при осуществлении юридической ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4(5). С. 213–216.
2. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 300 с.
3. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Статья 148 УК РФ как гарантия права на свободу совести и вероисповеданий // Образовательные программы и профессиональные стандарты: поиск эффективного взаимодействия: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: ИТКОР, 2016. С. 128–132.
4. Родионова Е. В. О свободе вероисповедания по действующему российскому законодательству // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2009. № 1(5). С. 128–133.

THE RIGHT TO FREEDOM OF WORSHIP AND RELIGION BY THE LEGISLATION OF RUSSIA AND SOME COUNTRIES OF ASIA

I. A. Zaytsev

graduate student

Russian university of cooperation

68-6, Lebedev St., Cheboksary, 428009, Russia

E-mail: leipzig_27@mail.ru

In article the comparative and legal analysis of the legislation of some countries of Asia and the Russian Federation on a regulation of the right to freedom of worship and freedom of worship taking into account historical, national and other peculiarities is carried out there is no standard legislative content of the right considered by us. So, in one countries it isn't specified that it is necessary to understand as freedom of worship and freedom of worship (Republic of Kazakhstan), in other countries interpretation of the right to freedom of worship is provided, at the same time the attention isn't focused that has to be understood at the legislative level as freedom of worship (Republic of Uzbekistan), other states on the contrary contain determination of freedom of worship, but isn't regulated that it is necessary to understand as freedom of worship (the Republic Kyrgyzstan, Turkmenistan), in other countries definition of the human rights considered by us and the citizen (Republics of Tajikistan) is given. At the same time the Russian Federation at the legislative level unlike the countries of Asia considered by us doesn't occur legislative division that is understood as freedom of worship, and that as freedom of worship.

Keywords: freedom of worship, freedom of worship, atheistic beliefs, freedom of choice of religion, departure of religious practices, freedom of beliefs of human life.

УДК 342.729(091)

СВОБОДА СОБРАНИЙ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 г.

© С. Ю. Колмаков

ассистент,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: kolmakov_stanislav@bk.ru

В настоящей работе выдвигается тезис, что свобода собраний в России существовала в XVII в. Автор приводит положения Соборного уложения 1649 г., которые гарантировали челобитную, являющуюся формой реализации мирного собрания, поскольку она реализовывалась группой людей для подачи жалобы чиновникам, выражения своего мнения государству. Также в работе доказывается, что запрет скопа и заговора, являющихся немирными собраниями, не запрещал челобитную. Указанные положения — это пример того, что в России право на собрания гарантировалось и реализовывалось еще много столетий назад.

Ключевые слова: свобода собраний, право на собрания, Соборное уложение 1649 г., челобитная, скоп, заговор.

На сегодняшний день свобода собраний является неотъемлемым фундаментальным политическим правом, посредством которого люди могут выражать мнения по важным общественным вопросам, формировать жалобы и петиции, влиять на принятие государством решений и т. д. Вместе с тем свобода собраний формировалась и развивалась продолжительное время и характеризуется различными этапами развития. Так, существует дискуссия по поводу этапа ее закрепления впервые в нормативном правовом акте.

Например, И. С. Колосов [6, с. 15] и Д. В. Гаглоев [2, с. 81] считают, что до 1905 г. российское законодательство не признавало право граждан на проведение собраний. Авторы связывают закрепление свободы собраний с 1905 г., поскольку в этот год были разрешены мирные собрания с принятием 12 октября Именного высочайшего указа Сенату «Об установлении временных правил и дополнений действующих постановлений о собраниях» и провозглашением Манифестом 17 октября свободы собраний. До 1905 г. мирные собрания для гражданских лиц были запрещены различными указами, начиная с Устава благочиния, который был принят 6 апреля 1782 г. Екатериной II.

Вместе с тем мы считаем, что свобода собраний в России существовала еще до XVIII в., поскольку была закреплена в Соборном уложении 1649 г. Стоит отметить, что в Англии уже в 1215 г. был принят статут, провозглашавший свободу собраний [14, с. 22].

Однако К. Г. Вдовиченко [1, с. 32], Т. М. Храмова и М. Г. Купрова [8, с. 302] считают, что Соборное уложение 1649 г. запрещало мирные собрания. Так, авторы ссылаются на ст. 20 Соборного уложения, в которой сказано: «...самовольством, скопом и заговором к царьскому величеству, и на его государевых бояр и околничих и на думных и на ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей, и ни на кого никому не приходи, и никого не грабити и не побивати» [13, с. 74].

М. Г. Купрова пишет, что «уголовное законодательство данного времени не обеспечивало права на собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, а, наоборот, действия по организации и проведению публичных массовых мероприятий рассматривались как преступления» [3, с. 302]. Мы не согласны с данным выводом и считаем, что ст. 20 Соборного уложения запрещала скоп и заговор, которые являлись немирными собраниями и не относились к свободе собраний. Так, скопом в XVII в. называли «толпу, ватагу, сборище народа, скопления с дурным умыслом» [Там же, с. 344].

Приват-доцент Московского университета Г. Г. Тельберг выделял объектом скопа и заговора государя и назначаемых им должностных лиц и относил его к политическим преступлениям [11, с. 95]. Субъектом этого преступления, по его мнению, является «совокупность лиц, объединенная предварительным соглашением» [Там же, с. 96]. При этом преступным скоп будет считаться, когда у его участников есть намерение совершить убийство или грабеж, а также возможность таких действий [Там же, с. 97]. То есть толпа, собравшись, начинает шантажировать и воздействовать на власть угрозами совершения преступных действий с целью навязать ей свое мнение. Такое собрание нельзя назвать мирным. И на сегодня основным принципом реализации права на собрания является его мирный характер. Согласно международным стандартам свободы собраний, защите подлежат только мирные собрания. Мирное собрание — это такое, которое не предполагает насилия и общественных беспорядков¹.

Соборное уложение также выделяло в отдельную категорию более опасные преступления, совершенные благодаря скопу. Так, ст. 21 гласила: «А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякия пощады» [13, с. 74]. Данные действия характеризуются как бунт, массовые беспорядки и в настоящее время также имеют суровые уголовные последствия и не являются ограничением права на мирные собрания.

Предпосылками принятия положений, запрещающих скоп и заговор, были городские восстания в России в первой половине XVII в. Известные события народных волнений в Москве и бунта в г. Козлове накануне принятия Соборного уложения заставили Земский собор разработать указанные нормы, запрещающие собрания с немирными намерениями [15, с. 131]. Поэтому даже характер предпосылки принятия таких норм говорит о том, что законодатель в первую очередь спешил урегулировать общественные отношения, связанные с немирными публичными мероприятиями.

Запрета мирных собраний в Уложении не встречается. Так, Т. А. Карпенко приходит к выводу, что «...нарушитель привлекался к ответственности не

¹ Доклад специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на свободу ассоциации Майна Кайя А/HRC/20/27. С. 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения: 02.05.2017).

за организацию и проведение массовых мероприятий, а за совершение отдельных преступлений» [5, с. 17].

Вместе с тем Соборное уложение защищало мирные собрания людей, которые жаловались, обращались к государственной власти по различным вопросам. В Уложении упоминается собрание немногих людей для челобитья, которое разграничивалось от скопа и заговора и защищалось царем. Статья 22 гл. 2 Уложения гласила: «А будет ис которого города, или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых, или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убить; а те люди, на кого они отпишут, учнут бити челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городех сыскивати всем городом, а в полках всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и приказным людем, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [13, с. 75].

Согласно словарю С. И. Ожегова, челобитная «в России до начала XVIII в. — письменное прошение, жалоба» [9].

Многие исследователи тесно связывают право на мирные собрания с правом на обращения. Так, М. А. Яковенко отмечает, что связь этих прав «...имеет не столько формальный, сколько сущностный характер» [16, с. 51], «...право на проведение публичных мероприятий выступает в качестве предпосылки выработки и оформления коллективных обращений граждан» [Там же, с. 52]. Т. М. Храмова в своей работе в качестве примера права на собрания приводит Великую хартию вольностей 1215 г., по которой «право на проведение собраний напрямую связывалось с правом петиций, рассматривалось как его необходимая предпосылка» [14, с. 22].

Поэтому закрепленное в Соборном уложении упоминание о собраниях многочисленных людей для челобитья было гарантией права на мирные собрания.

Требование к количеству собравшихся участников как к «немногим» не исключает возможности определить это явление собранием, поскольку, например, пикетирование предполагает наличие одного человека. Существуют и предельные нормы наполняемости места для проведения собраний, которые не позволяют в некоторых местах проводить масштабные собрания. Так, статья 5 закона Республики Бурятия от 22 декабря 2012 г. № 3075-IV «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий на территории Республики Бурятия» устанавливает, что общая предельная наполняемости специально отведенных мест, в т. ч. в помещениях, составляет 1 человек на 1 кв. м¹. Немирные собрания, которые запрещались Соборным уложением,

¹ Закон Республики Бурятия от 22 декабря 2012 г. № 3075-IV «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий на территории Республики Бурятия». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

также не обязательно должны быть многочисленными. По мнению российского юриста Н. С. Таганцева, чтобы определить собрание людей скопищем, необязательно большое количество людей. Скопище необходимо устанавливать в каждом конкретном случае и в зависимости от места сбора [11, с. 220].

Примером реализации права на собрания и перехода его в немирный характер с последующим запретом является рассказ российского дипломата-современника Г. К. Котошихина, из которого следует, что в 1663 г. в Москве происходили волнения. Народ собрался и требовал от царя выдать бояр, которые, по их мнению, не понесли наказания из-за денежных махинаций при чеканке медных монет [7, с. 114–115]. До определенного момента толпу никто не разгонял, царь лично с ними встретился, выслушал, обещал провести расследование, предлагал разойтись по домам. Но когда они начали угрожать, у них появился злой умысел, некоторые разграбили двор польского посла, царь объявил их бунтовщиками и отдал приказ стрельцам разогнать толпу [Там же, с. 116]. Данный пример иллюстрирует возможность собрания в XVII в.

Особо необходимо отметить, что право на мирные собрания было гарантировано и военным людям. Так, в ст. 22 Уложения указывалось на возможность служилым людям прийти к воеводам полков с челобитной. Кроме того, положительным моментом, гарантирующим свободу собраний, было наличие ответственности в виде «жестокоего наказания» приказных людей и воевод за попытку объявить собрание скопом или заговором, т. е. ограничить право на собрания [12, с. 75].

Однако в начале XVIII столетия право на собрания было существенно ограничено. 26 апреля 1715 г. император Петр I издал Артикул воинский, который запретил военным любые собрания, в т. ч. и мирные, для челобитья. Профессор Казанского и Московского государственных университетов А. И. Елистратов считал, что данный запрет стали применять и к гражданскому населению. И все же он писал: «В народе долго хранились, однако, воспоминания о прежних вольностях; по властному призыву церковного колокола (когда-то вечевоего), невзирая на запрещения, русский народ в течение XVIII в. еще продолжал — по старине — нести на общественную сходку свои темные думы, и веселье, и слезные нужды» [4, с. 52].

Подводя итог, мы пришли к выводу, что до 1905 г. мирные собрания разрешались Соборным уложением 1649 г. Мнения ряда авторов, что свобода собраний Соборным уложением была запрещена, являются несостоятельными, поскольку запрещались только немирные собрания, такие как скоп и заговор. Запрета мирных собраний мы не обнаружили. Вместе с тем Соборное уложение гарантировало челобитную немногих людей, по своей сути являющуюся мирным собранием и которая защищалась царем. Кроме того, существуют исторические примеры и мнения ученых, иллюстрирующие возможность проведения мирных собраний в XVII в.

Литература

1. Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2015. 221 с.

2. Гаглоев Д. В. Эволюция института публичных мероприятий в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 4. С. 79–90.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 344.
4. Елистратов А. И. Административное право. 12-я лекция. М.: Типография И. Д. Сытина, 1911. 89 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения: 02.05.2017).
5. Карпенко Т. А. Административная ответственность за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: дис. ... канд. юр. наук. Хабаровск, 2015. 197 с.
6. Колосов И. С. Конституционное право граждан на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования и его реализация в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ставрополь, 2005. 28 с.
7. Котошихин Г. О России въ царствованіе Алексія Михайловича. СПб.: Издание археографической комиссии, 1884. 260 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru> (дата обращения: 02.05.2017).
8. Купрова М. Г. Становление и развитие уголовно-правовых норм о преступлениях против основных прав и свобод человека и гражданина (X — нач. XVIII в.) // Научные исследования: от теории к практике: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. № 1(7). С. 302–304.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. 736 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения: 02.05.2017).
10. Скуратов Ю. И. Свобода собраний, митингов и демонстраций: теория и практика // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 36–42.
11. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб.: Государственная типография, 1904. 1137 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru> (дата обращения: 02.05.2017).
12. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. 342 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru> (дата обращения: 02.05.2017).
13. Тихомиров М.Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 02.05.2017).
14. Храмова Т. М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юр. наук. М., 2015. 220 с.
15. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е гг.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. 245 с.
16. Яковенко М. А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юр. наук. М., 2015. 242 с.

FREEDOM OF ASSEMBLY IN THE CATHEDRAL CODE OF 1649

S. Y. Kolmakov

Assistant,

Buryat State University

24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: kolmakov_stanislav@bk.ru

In this paper, the thesis is advanced that the freedom of assembly in Russia existed in the 17th century. The author cites the provisions of the Council of 1649, which guaranteed the petition, which is a form of implementation of a peaceful assembly, as it was implemented by a group of people to lodge a complaint to officials, to submit their views to the state. Also in the work it is proved that the ban of the osprey and the conspiracy, which are non-peaceful assemblies, did not prohibit the petition. These provisions are an example of the fact that in Russia the right to assembly was guaranteed and realized many centuries ago.

Keywords: freedom of assembly, right of assembly, Cathedral code of 1649, petition, osprey, conspiracy.

УДК 342.24

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

© **Е. А. Санжиева**

аспирант,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: sorokina_ek@mail.ru

Статья рассматривает существующие в современном мире точки зрения на понятия федерализма и федерации. Автор подчеркивает и обращает внимание читателя на латиноамериканскую модель федерализма как независимую и самостоятельную, выделяет ее характерные черты и особенности, рассматривает факторы и причины становления федеративной модели в Латинской Америке.

Ключевые слова: федерализм, модель федерализма, федерация, латиноамериканский федерализм, трехуровневый федерализм.

В связи с глобальным характером основных политических тенденций современного мира: демократизации, либерализации экономики, децентрализации и обострения внутрисударственных вооруженных конфликтов, федерализм фактически повсюду привлекает все больший интерес как предмет исследования. Это в последнее время привело к появлению особенно злободневной литературы в Европе и Латинской Америке, где федерализация и возрождение территориальных интересов и национальной идентичности в более общем плане резко контрастируют с давно существующими моделями государственного устройства. В обоих регионах консолидация государства в разные исторические моменты (Европа в начале современной эпохи и Латинская Америка в XIX в.) в основном состояла из успешных попыток отцов государственности заменить территориальные расколы распределением полномочий.

В отношении же самого понятия «федерализм» в зарубежной литературе нет единого мнения. Чаще всего определение федерализма в той или иной степени зависит от понимания того, что такое федерация. Федерализм и федерация отождествляются в виде формы государственного устройства, обладающей определенными признаками. Для Даниеля Зиблата, временно исполняющего обязанности директора Центра европейских исследований Минда де Гунзбурга в Университете Гарварда, федерализм подразумевает «три конституционально-встроенные институциональные характеристики: 1) формальный и неформальный доступ субнациональных правительств к процессу принятия решений, 2) субнациональные государственные финансы и 3) административная автономия региональных правительств» [14, с. 53]. В отличие от этого определения, состоящего из трех частей, Эрик Виблс и Альберто Диас-Кайерос сосредотачиваются только на двух необходимых и достаточных условиях.

Для Э. Виблса, профессора политических наук в Университете Дьюка и главного редактора кембриджских исследований сравнительной политоло-

гии, страна является федеративной, если ее регионы: 1) представлены в национальном законодательном органе и 2) имеют собственный выборный законодательный орган [4, с. 273]. Известный исследователь федерализма в Латинской Америке, директор исследовательского центра Латинской Америки в Университете Станфорд Альберто Диас-Кайерос подчеркивает два совершенно разных условия: 1) «должностные лица штата или провинции должны выбираться посредством выборов, проводимых в штате (провинции) независимо от национальных выборов, и 2) «штаты (провинции) должны обладать неотъемлемыми налоговыми полномочиями» [2, с. 113]. Даниель Келемен, рассматривая негосударственное образование ЕС, не определяет, что именно делает государство федеративным; фактически один из главных отправных пунктов для его исследования состоит в том, что «мы не должны объединять принцип федерализма с федеративным государством». Утверждая, что федерализм требует лишь «вертикального разделения полномочий между центральными органами и органами власти субъектов», Келемен дает весьма краткое определение.

Что касается отечественной научной литературы, то в советской литературе государственного права федерация рассматривается как объединение ряда государств или государственных образований, каждое из которых пользуется самостоятельностью, ограниченной в пределах прав, принадлежащих всей федерации. Такая характеристика исходит из понятия федерации как определенной структуры, хотя системный подход не нашел здесь полного выражения: в определении не подчеркивается новое юридическое качество, возникающее из факта объединения отдельных частей, элементов.

В последующем В. Е. Чиркин утверждал, что, в «отличие от термина «федерация», который характеризует, прежде всего, статическое, организационное, институциональное состояние, федерализм соотносится с динамикой, процессом, определенного рода отношениями и в целом обозначает более широкое явление» [2, с. 186]. М. Х. Фарукшин пишет, что федерация как форма государственного устройства есть, прежде всего, определенное структурное образование. Она состоит из федерального центра, представленного высшими органами государственной власти и управления, и относительно самостоятельных составных частей, которые в совокупности и вместе с федеральным центром образуют единое союзное государство [3, с. 112]. Н. В. Брезгулевская считает, что федерация — это явление практики, в рамках которого следует изучать особенности территориального деления, способа образования и распределения полномочий между субъектами и государственной властью каждой конкретной страны, имеющей федеративную форму государственного устройства. Вполне естественно, что каждое государство обладает своими особенностями и на их основе можно проводить различные классификации, искать новые и интересные критерии, из которых с течением времени и будут сформированы наиболее устоявшиеся и признанные виды [1, с. 150].

В современной литературе нет единой, признанной классификации федераций; кроме того, почти все приведенные в литературе классификации федерализма скорее нужно отнести к видам федерации. К тому же все они подвергаются обоснованной критике. Например, классификация В. Е. Чиркина,

основным критерием которой является степень соотношения элементов самоуправления и раздельного правления, даже по собственному мнению самого автора обладает определенной долей условности [4, с. 212]. Он выделяет симметричные и асимметричные, централизованные и децентрализованные, договорные, конституционные и конституционно-договорные федерации.

Помимо видов федераций, указанных в приведенной выше классификации В. Е. Чиркина, в юридической науке выделяются и другие виды федераций:

1) классический, который анализируется на основе исторического опыта США. Этот вид характеризуется следующими особенностями: договорной природой федерации, разделением предметов ведения между разными уровнями осуществления власти, ключевой ролью федеративной конституции, сочетанием двух уровней государственной власти и др.;

2) дуалистический, рассматриваемый как система отношений властей двух уровней, каждая из которых в пределах своих полномочий независима от другой. Считается, что такой федерализм не предусматривает обязательное объединение штатов, земель и т. п. в союзное государство (США, некоторые латиноамериканские государства, Португалия, Испания);

3) кооперативный (модифицированная модель дуалистического федерализма). В основе такой федерации лежит идея объединения усилий центра и мест для выполнения общих задач и целей. Сторонники выделения этого вида федерации ссылаются на концепцию германского кооперативного федерализма, основанную на идее выгодного сотрудничества центра и субъектов федерации, взаимодополняющих друг друга.

Разумно согласиться с выводами Н. В. Брезгулевской о том, что при классификации федерализма следует говорить не о видах, как в федерации, а о моделях, поскольку, во-первых, такая терминология дает меньше поводов для смешения этих понятий, а во-вторых, слово «модель» несет в себе более широкий смысл, по сравнению со словом «вид».

Существует ли особая доктрина федерализма в странах Латинской Америки? В чем содержание латиноамериканской модели федерализма?

Учитывая географическую и историческую близость к США, весьма неудивительно, что американские теории федерализма (как они установлены в *Federalist Papers* (1788)) оказали огромное влияние на концепцию федерализма в Латинской Америке. Это влияние распространяется не только на доктрину, но также и на действующие конституции латиноамериканских государств [6, с. 32].

В США, так же как в Латинской Америке (равно как и в Канаде), федерализм зародился не только как механизм разделения и распределения власти по территориальной линии, но также в большей степени в качестве техники построения государства. В этой части земного шара федерализм рассматривался как механизм, способный заполнить вакуум власти, зародившийся в результате независимости и краха предыдущих политических систем. В этом контексте первоначально региональное правительство, установленное в период позднего колониализма (*intendencias* в Испанской Америке, *provincias* в Бразилии), рассматривалось как относительно эквивалентное американским колониям [10, с. 87].

В Латинской Америке федерализм также воспринимался как способ защиты территориальной целостности страны. Потеря Парагвая, Уругвая, Калифорнии и Техаса непосредственно связана с дебатами о принятии федерализма в Аргентине и Мексике и повлияла на их окончательный вывод в пользу федеральной системы [3, с. 256]. В Бразилии угроза потери территории была менее явной, но также присутствовала [7, с. 95]. Венесуэла, в противовес, отделилась от Великой Колумбии (Great Colombia) в ответ на ее политику централизации [3, с. 273]

Изначально все четыре латиноамериканские федерации восприняли двойственную систему федерализма США. Эта модель подразумевает, что субъекты федерации, которые *de jure* являются симметричными, предшествуют существованию федерации, которая наделяет их широкой институциональной и политической автономией в исполнительной и законодательной сферах и предоставляет им остаточную юрисдикцию. Впоследствии федеральный уровень субъектов федерации признается отделенным и относительно не связанным сферой правительства [12]. Латиноамериканские федерации также восприняли двухпалатную модель парламента, где Сенат обеспечивает территориальное представительство на равной основе.

Помимо институциональной функции федерализм играет важнейшую политическую роль во всех четырех федерациях Латинской Америки: существование двух уровней правительства — федерального и регионального обеспечивает гарантии управления и разделение властных полномочий, что является ключевым моментом в функционировании свободной политической системы.

Как было упомянуто выше, федерализм в Латинской Америке явился, как нигде в мире, инструментом построения государства [9, с. 150]. В Латинской Америке слабая природа государства, унаследованная от колониального периода (впоследствии ослабившегося в Аргентине, Мексике, Венесуэле из-за затянувшихся войн за независимость), обозначала, что если бы протяженные территориальные единицы должны были быть сохранены, заинтересованные субъекты в регионах должны были быть явно включены в новые схемы распределения власти. В таком контексте федеральные институты — способ предоставления официального признания независимых первоначальных структур, которые должны быть политически оформлены [5, с. 69].

Построение государства и проникновение его в общество — главная задача Латинской Америки в течение XIX в. — были завершены с участием региональных структур. Модель, возникшая впоследствии, характеризуется тем, что региональные лидеры служили посредниками между национальным (федеральным правительством) и местными сообществами (некоторые из них не были полностью интегрированными в естественную культурную и языковую господствующую систему, как например регионы, где преобладает коренное население). В обмен на свои «услуги» региональные лидеры — так называемые *caudillos* в Аргентине, *coronéis* в Бразилии и *casiques* в Мексике и Венесуэле — получали федеральное признание и существенную автономию в тех областях, которые не были прямо закреплены за федерацией [11, с. 155].

Эта тенденция сохранилась и в XX в.: как было показано выше, рост федерального государства, как того требовала модель развития государства,

был произведен за счет существования формальной юрисдикции регионов. Тем не менее необходимость в посредничестве не ушла на второй план, т. к. проникновение государства в общество оставалось неоконченным. Более того, некоторые *casiques* доказали свою приверженность с использованием современных структур для того, чтобы обновить свой вотчинный контроль над субнациональными субъектами [13, с. 93].

Даже в Мексике, где практически в течение всего XX в. выбор субнационального правителя был в руках президента через руководящую партию (the PRI), региональные элиты имели право голоса в этом процессе, хотя их предпочтения не всегда удовлетворялись. Более того, особые субнациональные обстоятельства всегда принимались во внимание, в то время как федерация искала способ избежать или разрядить управленческие проблемы в штатах [8, с. 121].

Характерные черты латиноамериканского федерализма

В своих доктринальных характеристиках латиноамериканский федерализм во многом следует доктрине федерализма США, адаптированной к местным условиям. Последующие поправки к природе федерализма являются скорее прагматичными по природе своей, нежели доктринальными, учитывая рост противоречий (таких как одновременное существование принципа субнациональной остаточной компетенции и постоянное обращение к доктрине федеральных подразумеваемых полномочий).

Самое основное доктринальное отличие латиноамериканского федерализма от американской модели заключается в специфичном включении муниципалитетов, унаследованном от колониального права как конституирующий элемент федерализма, что помогло установлению трехуровневого федерализма. Следовательно, муниципалитеты стали неотъемлемыми фигурами в межправительственных отношениях, особенно это заметно в бюджетном федерализме. Конституционное признание муниципалитетов знакомо не только Латинской Америке, поздние федерации, такие как Германия (1948, ст. 28–29), Индия (1950, ч. 9), также наделили муниципалитеты прямым конституционным признанием, если даже не формальным существованием независимого уровня федерализма.

Латиноамериканский прагматичный подход к федерализму более всего заметен в конституционном выражении. В то время как казуистический характер текста конституции и частые поправки также являются частью иберийской правовой традиции, федеративная система и ее структура рассматривались как вторичные по отношению к приоритетам страны в любом рассматриваемом времени: от построения государства в XIX в. до времени экономического развития в XX–XXI вв. Как результат, институциональная автономия субнациональных правительств и политическая инициатива были существенно ограничены. Новые веяния в бюджетном федерализме, зависимость от федеральных субсидий и значительная условность предоставления субсидий лишь отчасти изменили этот тренд.

В заключение хотелось бы отметить, что политические направления являются самыми важными в латиноамериканском федерализме. Несмотря на идеологические и технические недостатки, федерализм всегда был элементом дискуссий в существовании латиноамериканских федеративных политиче-

ских систем. Это черта, которая, по меньшей мере, объясняет прагматический подход региона к федерализму и существовала с принятия первой федеральной конституции в Латинской Америке в начале XIX в., является ключевой в понимании федерализма как способа построения государства и сохранения социального разнообразия в латиноамериканских федерациях. Более того, недавние политические изменения, ассоциируемые с демократизацией (но не всегда демократические сами по себе), усилили эту черту. Федерализм в Латинской Америке, таким образом, остается институтом распределения власти и построения коалиций.

Литература

1. Брезгулевская Н. В. Виды федерации и модели федерализма // Правоведение. 2005. № 3. С. 150–162.
2. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. М., 1968. 389 с.
3. Фарукшин М. Х. Федерализм и права народов: курс лекций. М.: Приор, 1999. 112 с.
4. Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. М.: Изд-во Моск. независимого ин-та международного права, 1997. 128 с.
5. Allan-Randolph Brewer Carías. Golpe de estado y proceso consituyente en Venezuela. Universidad Nacional Autónoma de México, 2002. 405 p.
6. Alberto Diaz-Cayeros. Federalism, Fiscal Authority and Centralization in Latin America. New York: Cambridge University Press, 2006. 302 p.
7. Carlos Alberto Floria, César A. García Belsunce. Historia de los argentinos. Vol. 1. Larousse, Jan 1, 1992 - Argentina - 1009 Vázquez, Josefina Zoraida «México y el mundo: historia de sus relaciones exteriores» [Mexico] : Senado de la República, 2000. 914 p.
8. Erik Wibbels. Federalism and the Market: Intergovernmental Conflict and Economic Reform in the Developing World. New York: Cambridge University Press, 2005. 296 p.
9. Florencia E. Mallon. Peasant and Nation: The making of Postcolonial Mexico and Peru. Berkley and Los Angeles: University of Califiornia Press, 1995. 472 p.
10. González Oropeza. La intervención federal en la desaparición de poderes. Mexico City: UNAM, 1995. 270 p.
11. Joseph Love. Federalismo y Regionalismo en Brazil. 1889–1937 in Carmagnani Marcello «Federalismos Latinoamericanos: México/Brazil/Argentina» México Fondo de Cultura Económica, 1993. 416 p.
12. Langston Joy. The PRI governors. México: CIDE, 1997. 120 p.
13. Marc Chevrier. La genèse de l'idée fédérale chez les peres fondateurs américains et canadiens in Alan Cagnan «Le fédéralism canadien contempmorain. Fondaments, traditions, institutions». Montreal: Press de l'Université de Montreal, 2006. 350 p.
14. Nettie Lee-Benson. In Mexico and the Spanish Cortes. Texas, 1966. 243 p.
15. Romana Falcón Force. The role of the Jefaturas Políticas at Cohauilia in national state formation in G. Joseph and Daniel Nugent «Everyday forms of State Formation: Revolution and Negotiation of Rule in Modern Mexico», Durham, Duke University Press 1994, Gibson, Edward L., Ernesto Calvo and Tulia G. Falleti. 2004 «Reallocative Federalism: Legislative Overrepresentation and Public Spending in the Western Hemisphere» in Edward L. Gibson (ed.), Federalism and Democracy in Latin America. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. P. 173–196.
16. Ronald Watts. The Spending Power in Federal Systems: A Comparative Study. Ronald L. Watts. Kingstone: The Institute of intergovernmental relations, 1999. 78 p.

17. Wil Pansters. Alan Knight Goodbye to the casiques? In *Casuquismo in Twentieth-Century Mexico*. London: Institute for the study of Americas, 2005. 409 p.

18. Ziblatt Daniel. *Structuring the State: The Formation of Italy and Germany and the Puzzle of Federalism*. Princeto. OXFORD6 Princeton University Press, 2006. 220 p.

LATIN AMERICA'S FEDERALISM AND ITS ESSENTIAL TRAITS

E. A. Sanzhieva

postgraduate student of 1 year of teaching

Buryat State University

24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: sorokina_ek@mail.ru

The article considers existing points of view on the definition of «federalism» and «federation» in the modern world. In the course of consideration article highlights and emphasizes Latin America's model of federalism as independent and distinct model of federalism, defines its distinguishing traits and peculiarities, considers factors and causes of emergence of the federative model in Latin America.

Keywords: Federalism, model of federalism, federation, Latin America federalism, three-tier federalism.

УДК 342

КОНСТИТУЦИЯ МОНГОЛИИ 1992 г. И ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© **Ж. Шишмишиг**

магистр права, почетный дипломат Монголии,
генеральный директор Академии права Монголии,
докторант Университета правоохранения Монголии
Төв шуудан Ш/Х — 118 /Главпочтамт п/я 118/
e-mail: jugnee_mishig@hotmail.com

Правовой основой обеспечения безопасности является Конституция Монголии, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Монголии, законы и другие нормативные правовые акты, нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности.

В Монголии было много выборов и многократная смена власти. В соответствии с конституционными требованиями было создано несколько новых учреждений, включая Совет национальной безопасности. Конституция и законы Монголии, принятые в рамках конституции, напрямую связаны с укреплением национальной независимости и безопасности. Важно изучить взаимосвязь между конституцией и другими соответствующими правовыми документами с национальной безопасностью.

Первая Концепция национальной безопасности была принята в 1994 г., в 2010 г. Великий Государственный Хурал (Парламент) принял пересмотренную новую концепцию. В разделе 1.2.3 Концепции национальной безопасности 2010 г. отмечены компоненты национальной безопасности, в которых определены шесть взаимосвязанных тем, таких как «экзистенциальная безопасность», «экономическая безопасность», «внутренняя безопасность», «безопасность человека», «экологическая безопасность» и «информационная безопасность». Вопросы экзистенциальной безопасности, внутренней безопасности и экономической безопасности имеют прямую связь с первой главой Конституции, и, соответственно, содержание этой главы будет ограничено этими темами.

Ключевые слова: конституция, национальная безопасность, концепция национальной безопасности, Совет национальной безопасности, Великий Государственный Хурал (Парламент), Закон о национальной безопасности.

Введение

Интерпретации и выводы исследования не представляют официального взгляда и отражают мнения автора. В эти дни в Монголии интенсивно идут всенародные обсуждения и дискуссии о дополнении и изменении Конституции Монголии. До сих пор парламентские и научно-исследовательские рабочие группы действовали в пределах задач рассмотрения вопроса о необходимости внесения поправок в конституцию при подготовке своих рекомендаций. В исследовательских отчетах освещались конституционные события до 2017 г. Автор доклада цитировал из этих отчетов оценки выполнения Конституции как предмет исследования. В докладе уделяется внимание политической системе и проблемам государственной структуры, которые имеют прямое и косвенное значение для безопасности страны.

Правовую основу обеспечения безопасности составляют Конституция Монголии, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Монголии, законы и другие нормативные правовые акты, нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности.

В истории Монголии Конституции были приняты в 1924, 1940, 1940 гг. и Конституция 1992 г. стала последней, четвертой.

Конституции Монголии, принятой в январе 1992 г., в рамках перехода страны к демократии, теперь исполнилось 25 лет, что делает ее одной из самых стабильных конституций в мире. Она была принята в целях создания основы для демократии и рыночной экономики, а также для улучшения прав и свобод человека. После 1990 г. Монголия провела несколько мирных демократических выборов. Права человека, как правило, пользуются уважением, средства массовой информации свободны, и существует подлинная политическая конкуренция¹. Граждане Монголии ценят конституцию, насколько они знают ее. Что касается направления политического конфликта, основные проблемы решались через институты политической системы, которые сами эволюционировали со временем.

Конституция прошла серьезную политическую и практическую проверку. С точки зрения функции ограничения правительства, Конституция выполняла их прилично, хотя и не всегда последовательно.

Общая схема исполнительных, законодательных отношений очень сильно опирается на парламент, который временами, по-видимому, не имеет ограничений в осуществлении власти. В системе недостаточно проверок и противовесов, и система конституционного судебного разбирательства застопорилась. Несмотря на признаки улучшения, конституционная схема была лишь частично успешной в ограничении действий правительства. Общественные блага — это те вещи, которые может предоставить только правительство: национальная безопасность, общественные услуги, инфраструктура и т. д.

В некоторых разделах Конституции, таких как национальная безопасность, удалось создать стабильную основу для подлинной независимости Монголии. В других областях политическая нестабильность, вызванная краткосрочной государственной жизнью, переросла в нестабильность политики [1].

Политическая система Монголии получила заслуженное признание как один из наиболее успешных примеров демократизации в Азиатском регионе. С 1990 г. Монголия претерпела мирные конституционные изменения и провела несколько демократических выборов и многократную смену власти. В соответствии с конституционными требованиями создано несколько новых учреждений, в т. ч. Совет национальной безопасности. Страна имеет уровень международной независимости, которого мы не наблюдали на протяжении веков. Имея давнюю историю государственности и империи, большой вклад в историю человечества, монголы традиционно придают большое значение национальной независимости и суверенитету. Чрезвычайно важно, чтобы монголы восстановили и укрепили свою национальную независимость, о чем можно

¹ Конституция Монголии. Улан-Батор, 1992.

было бы утверждать из их постоянных усилий в этом направлении на протяжении всего XX в. Следует отметить историческую важность провозглашения независимости в 1911 г. наряду с укреплением независимости в первой конституции 1924 г. Но на самом деле Монголии потребовалось еще 70 лет, чтобы страна стала подлинно суверенным, независимым государством.

Важно признать, что Конституция 1992 г. сыграла важную историческую роль в завершении всей столетней борьбы за национальную независимость. В первой главе Конституции говорится, что «Монголия является независимой, суверенной республикой», и в ней указаны основополагающие принципы и подходы к реализации этой декларации. В частности, рассматриваются такие вопросы, как единство Монголии, неприкосновенность территориальной целостности и границ, запрет на размещение или транзит иностранных войск по территории страны без законодательного разрешения, необходимость обеспечения экономической безопасности, государственная защита скота как основы национальной экономики и культурных традиций, государственная защита и государственная собственность на землю и ее ресурсы и требования о том, чтобы Монголия не заключала никаких международных договоров или других документов, несовместимых с ее конституцией и мирной внешней политикой.

Конституция и законодательство Монголии, принятое в ее рамках, напрямую связаны с укреплением национальной независимости и безопасности. Важно исследовать взаимосвязь Конституции и других соответствующих правовых документов с обеспечением национальной безопасности страны.

В этой статье будут рассмотрены вопросы, связанные с содержанием первой главы Конституции, а также основополагающие принципы, основные положения, конституционная государственная структура парламентской системы, разделение государственной власти и влияние Совета национальной безопасности на укрепление суверенитета, независимости и национальной безопасности.

Первая Концепция национальной безопасности была принята в 1994 г., в 2010 г. Великий Государственный Хурал (Парламент) принял новую, пересмотренную концепцию. В разделе 1.2.3 Концепции национальной безопасности 2010 г. определены компоненты национальной безопасности, в которых обозначены шесть взаимосвязанных тем, таких как «экзистенциальная безопасность», «экономическая безопасность», «внутренняя безопасность», «безопасность человека», «экологическая безопасность» и «информационная безопасность». Из них вопросы экзистенциальной безопасности, внутренней безопасности и экономической безопасности имеют прямую связь с первой главой Конституции, и, соответственно, ее содержание будет ограничено этими темами¹.

Концепция национальной безопасности Монголии является документом, который включает не только «чисто» вопросы безопасности, но и широкие аспекты для безопасности и развития страны. При разработке концепции взаимосвязь национального интереса и обеспечения национальной безопасности предоставлена следующим образом:

¹ Концепция национальной безопасности от 1994 г. Улан-Батор, 1994, 2010.

- Интерес человека выражается его же правом и свободой.
- Государственные интересы выражаются в защите независимости, суверенитета страны и внешней политике Монголии.
- Интересы общества выражаются в устойчивом и стабильном состоянии уровня жизнеобеспечения граждан страны и возможности контроля над деятельностью государства.

Национальный интерес не является простым суммированием гражданского, общественного, государственного интересов. Эти интересы часто вступают в конфликт. Следовательно, обеспечение национальной безопасности можно считать координацией в государственном масштабе деятельности, принципов управлений и направления и урегулирования по балансированию этих интересов и конфликтов [2].

Конституция и экзистенциальная безопасность

Вопросы экзистенциальной безопасности Концепции национальной безопасности, принятые Великим Государственным Хуралом (ВГХ) в 2010 г., четко определены в первой главе Конституции следующим образом: 1. Монголия — независимая, суверенная республика (ст. 1.1). 2. Территориальная целостность и границы Монголии неприкосновенны (ст. 4.1). 3. Границы Монголии устанавливаются законом (ст. 4.2). 4. Размещение иностранных войск на территории Монголии и пересечение государственной границы с целью прохождения через территорию страны запрещается, если соответствующий закон не принят (ст. 4.3). 5. Монголия должна придерживаться общепризнанных норм и принципов международного права и проводить мирную внешнюю политику (ст. 10.1). 6. Монголия не заключает никаких международных договоров или других документов, несовместимых с ее Конституцией (ст. 10.4). 7. Монголия должна иметь вооруженные силы для самообороны (ст. 11.1). 8. Историческое, культурное, научное и интеллектуальное наследие монгольского народа находится под защитой государства (ст. 7.1)¹.

Существует широкий спектр теоретических и дефиниционных дискуссий в отношении значения национального суверенитета, но, согласно международному праву, есть общее понимание того, что он является «высшим авторитетом государства для осуществления на территории страны» и понимается как включающее право на создание независимой политики и позиции во внешних отношениях, чтобы отстаивать свои национальные интересы.

С конца 80-х гг. XX в. ощутимые изменения в международных отношениях, в т. ч. и в конце эпохи «холодной войны», заложили основу для качественных изменений монгольской безопасности во внешней среде. Появилась возможность развивать отношения с соседями, отстаивать национальные интересы и переходить к новой политической системе, предоставляя власть народу страны.

Идеи документов, принятых в соответствии с Конституцией, таких как Концепция национальной безопасности (1994, 2010), Концепция внешней

¹ Концепция внешней политики от 1994 г. Улан-Батор, 2011.

политики (1994, 2011)¹, Основы государственной военной политики (1994) и Государственная оборонительная политика (2016)², были заложены в основу государственной политики укрепления национальной безопасности и деятельности по обеспечению независимости, суверенитета и безопасности Монголии. Как указано в этих важных политических документах, защита безопасности и жизненно важных национальных интересов Монголии должна осуществляться политическими и дипломатическими средствами в мирное время и в соответствии с этим подходом³.

Монголия проводит многоуровневую, активную внешнюю политику. В течение 25 лет с момента принятия Конституции Монголия сделала много важных шагов в своей внешней политике и в международных отношениях.

1. В 1993 г. в договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве Монголии и Российской Федерации согласовано, что обе страны будут признавать и уважать независимость и национальные интересы друг друга в рамках универсальных норм международного права и что они будут развивать отношения и сотрудничество как независимые государства. В следующем, 1994 г. между Монголией и Китайской Народной Республикой был заключен Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве по аналогичным принципам. Эти договоры, заключенные в духе принципов Конституции, являются правовой основой отношений Монголии с двумя соседями и международной гарантией признания независимости и суверенитета Монголии.

2. В 1992 г. Монголия приняла Закон о зоне, свободной от ядерного оружия в Монголии в рамках своей политики укрепления национальной безопасности и сохранения территории, свободной от ядерной катастрофы, и в 2000 г. резолюцией Генеральной ассамблеи ООН признан статус зоны безъядерного оружия как гарантия международной безопасности Монголии. При поддержке пяти постоянных представителей Совета безопасности ООН, обладающих ядерным оружием, это стало важным шагом на пути укрепления международного положения и безопасности Монголии.

3. В рамках многосторонней внешней политики Монголия проводит активную политику развития отношений «третьего соседа» с экономически развитыми демократическими странами, в дополнение к двум своим соседям. Это сыграло важную роль в создании демократической системы и экономическом развитии Монголии.

¹ Государственная оборонная политика. Улан-Батор, 2016.

² Центр исследований политики Улан-Батора // Эдвардс Дж., Уоллес Эрл Уокер. Национальная безопасность и Конституция США: влияние политической системы. Балтимор: Изд-во Университета Джона Хопкинса, 1988.

³ Филпотт Д. «Суверенитет» в «Стэнфордской энциклопедии философии», изд. Эдвард Н. Зальта, Лето 2016 (Лаборатория исследований метафизики, Стэнфордский университет, 2016 год). URL: <https://plato.stanford.edu>; Стивен Д. Краснер, «Суверенитет: организованное лицемерие» (Princeton University Press, 1999). Чимид Б. Утверждение Конституции (четыре заявления, адресованные элитам и всем). Улан-Батор, 2006. Р. 63.

4. Развитие многостороннего сотрудничества в области безопасности и активное участие монгольских военнослужащих в международном поддержании мира способствовало укреплению позиции Монголии на международной арене и развитию военно-политического сотрудничества.

5. Конституционный принцип вооруженных сил для самообороны положил конец спору о том, необходимо ли Монголии иметь постоянную армию, который был предметом обсуждения с начала 1990-х гг. Кроме того, этот принцип стал правовой основой для развития национальной системы обороны и вооруженных сил.

6. В рамках конституционного принципа закрепления национальных границ ВГХ принял закон о границах, за которым следует пограничный контроль с двумя соседями, установление пограничных линий и договоров о пограничном режиме.

Это были осязаемые шаги к сохранению целостности территории и неприкосновенности границ. Кроме некоторых гражданских нарушений преступного характера, Монголия не имеет пограничных споров с соседними странами и поддерживает успешное сотрудничество с ними в отношении защиты границ.

Парламентская система как гарантия суверенитета Монголии

Парламентская система в Монголии оказала положительное влияние на укрепление национального суверенитета и безопасности. Она предоставила возможность принимать решения по многим жизненно важным вопросам национальной безопасности, учитывая общественные устремления, посредством многопартийного консенсуса и публичных дискуссий, а не полагаясь только на мнение и отношение одного лидера. Таким образом, можно было бы считать, что политика и решения, принятые после обсуждений с участием большинства, менее уязвимы по отношению к рискам внешнего влияния и, следовательно, оказывают положительное влияние на укрепление национального суверенитета.

Одной из функций ВГХ (Парламента) Монголии является определение государственной политики. К сожалению, роль государственной политики в области национальной безопасности в законодательном порядке до сих пор не была четко определена. Государственная политика в области обеспечения безопасности должна являться частью внутренней и внешней политики Монголии и представлять собой совокупность скоординированных и объединенных общим замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется органами государственной власти, органами местного самоуправления на основе концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом безопасности, представляемых президентом страны и утверждаемых Великим Государственным Хуралом. Государственные органы, их служащие, органы местного самоуправления, хозяйственные организации, включая частные, гражданские и общественные объединения, участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности.

Политологи считают, что парламентская система оказывает большее влияние на зрелость демократии, чем президентская¹. Что касается Монголии, то демократическая политическая система как гарантия ее национальной безопасности, особенно включая ее суверенитет и стремление к дальнейшему развитию, выбор парламентской системы оказали позитивное влияние на консолидацию монгольской демократии и укрепление национальной безопасности.

Любые решения, принятые на парламентском уровне с консенсусом политических партий, имеют тенденцию к устойчивому развитию страны. Непрерывность политики была относительно очевидна в таких основополагающих документах, принятых ВГХ, как Концепция национальной безопасности, Концепция внешней политики, государственной военной политики и государственной оборонной политики, а в течение последних 25 лет было меньше разногласий по основным вопросам внешней политики между основными политическими партиями, которые можно было бы считать результатом действия парламентской системы.

Хотя президент в Монголии избирается из народа, исполнительная власть возглавляется премьер-министром, назначаемым парламентом, что дает возможность избежать критических конфликтов и кризисов чистой президентской системы. Таким образом, парламентская система в Монголии служит позитивно для защиты национального единства и социальной стабильности².

Считаю, что необходимо изменить положение Конституции Монголии и других соответствующих законодательных актов, в которых указывается назначение должностных лиц из ВГХ (членов парламента).

Внутренняя безопасность

Национальная безопасность любой страны зависит от качества внешней и внутренней среды. Последние 26 лет Монголия проводит активную мирную внешнюю политику и добилась значительных успехов в обеспечении своего суверенитета и укрепления позиций на международной арене, однако многие исследования показывают, что Монголия столкнулась с более сложной внутренней ситуацией. Концепция национальной безопасности конкретно определяет проблему управления в рамках внутренней безопасности. Важным фактором обеспечения внутренней безопасности является создание государственных структур, которые защищают интересы своих граждан и эффектив-

¹ Скотт Мэйнваринг и Мэтью Соберг Шугарт. Хуан Линс, президентство и демократия: критическая оценка, Сравнительная политика 29, вып. 4 (июль 1997 г.): 449-71; Александра Р. Харрингтон. Президентские полномочия пересмотрены: анализ конституционных полномочий исполнительной и законодательной ветвей власти за реорганизацию и ведение исполнительной власти. SSRN Scholarly Paper (Рочестер, Нью-Йорк: Сеть социальных наук, 2007. URL: <https://papers.ssrn.com/abstract=1299999>).

² Мэтью Соберг Шугарт и Джон М. Кэри. Президенты и ассамблеи: конституционный дизайн и электоральная динамика. 1-е изд. (Cambridge England, New York: Cambridge University Press, 1992), 36-42. 21 Хуан Дж. Линц. Демократия: президентский или парламентский (это имеет значение?) (Июль 1985 года). URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNABJ524.pdf.

но предоставляют услуги, а также способны поддерживать экономическое развитие, будучи свободными от коррупции, подотчетными, профессиональными и компетентными.

Согласно серии опросов, проведенных независимыми общественными организациями, доверие граждан Монголии к государственным организациям и госслужащим снижается, большинство граждан осуждают действия ВГХ, правительства, политиков и политических партий при решении насущных политических, экономических и социальных проблем. По мнению экспертов, влиятельным фактором являются экономический спад и иностранные инвестиции, неэффективное участие в управлении, а также падение цен на сырьевые товары на международном рынке. Причинами этого являются нестабильность государственной политики и правовой среды, неадекватное соблюдение законов, недостаточное понимание административных организаций на центральном и местном уровне в отношении иностранных и внутренних инвестиций.

Некоторые из механизмов разделения власти между законодательной и исполнительной ветвями, указанными в Конституции, являются основным фактором, влияющим на такой исход. Чрезмерная власть в принятии решений о государственных назначениях, бюджетных ассигнованиях, эксплуатации природных ресурсов и месторождений полезных ископаемых сосредоточена в ВГХ, часть из которых должна принадлежать правительству — исполнительной власти, отвлекает парламент от основной законодательной функции, превратив его в поле битвы соперников.

В любой стране невозможно отделить национальную независимость, суверенитет и вопросы национальной безопасности от государства, которое является их гарантом. Если у государства нет возможности выполнить свой основной долг и, кроме того, если признание обществом его законного превосходства падает, тогда другого пути нет, как рассматривать его деятельность как угрозу национальной безопасности. Сравнительные конституционные исследования показывают, что нынешняя ситуация в Монголии имела место в истории и других стран, которые имели схожую систему с Монголией, что привело к серьезным конфликтам и кризисам.

Экономическая безопасность

Как правило, связи между конституциями и экономикой очень слабы. Роль конституции в укреплении рыночной экономики заключается в создании основы как регулирования, так и частной собственности.

Тема конституционной экономики в стране пока не изучена.

Несмотря на относительно небольшое конституционное регулирование в связи с экономическими проблемами, это вовсе не означает, что конституция не влияет на экономику. Исключительно важно изучить взаимозависимость институтов и влияние процесса принятия решений на экономическое развитие и экономическую ситуацию в условиях неадекватного разделения полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти, особенно активного участия ВГХ в принятии решений.

Концепция национальной безопасности определяет основные факторы экономической безопасности: развитие многоуровневой экономической

структуры, проведение сбалансированной политики в отношении иностранных инвестиций, обеспечение безопасности финансовой деятельности.

В ст. 5.4 Конституции указывается, что «государство регулирует экономику с целью обеспечения экономической безопасности страны, развития всех форм собственности и социального развития населения». Экономика Монголии, страны с небольшим населением, расположенной между ведущими экономиками мира и в значительной степени зависящей от них в отношении рынков, энергетики, поставок топлива и транзитных перевозок, очень уязвима. Основным способ уменьшить эту уязвимость состоит в том, чтобы в определенной степени удовлетворить внутренние потребности в стратегических продуктах и разработать многоуровневую экономическую структуру, способную конкурировать на международном уровне.

Хотя государство проводит политику обеспечения экономической безопасности и развития здорового устойчивого и хорошо дисциплинированного финансового сектора, поддерживающего долгосрочный национальный рост и развитие, эта цель не была достигнута в полной мере (Концепция национальной безопасности, 3.2.3.1).

Экономика Монголии по-прежнему сильно зависит от одного сектора, и осуществление нестабильной макроэкономической, бюджетной и налоговой политики ставит экономическую ситуацию под высокий риск. Об этом свидетельствуют следующие факты.

По состоянию на первые 10 месяцев 2016 г. горнодобывающий сектор составляет 85% от общего объема экспорта Монголии, что составляет значительную часть публичных доходов бюджета, а 60,7% экспорта идет в одну страну, южному соседу. Зависимость страны от нескольких видов экспорта на одном рынке является одной из ключевых причин ее экономической уязвимости. Чрезмерная зависимость от одного сектора экономики и одного внешнего рынка является основным фактором значительного колебания роста ВВП за короткое время.

Систему обеспечения национальной безопасности исследователи классифицировали как включающую три уровня: стратегический, организационный и кризисный.

- Стратегический уровень обеспечивает долгосрочную безопасность, а вопросы внешней политики должны решаться в рамках главы правительства и парламента.

- Организационный уровень предполагает повседневную деятельность, политику и координацию деятельности правительственных и парламентских структур, отвечающих за вопросы национальной безопасности.

- Уровень кризиса охватывает проблемы управления во время войны, кризиса и других срочных и чрезвычайных ситуаций. Чтобы понять разные роли участников и их взаимосвязь, необходимо изучить политику и деятельность органов национальной безопасности на этих трех уровнях (о.Мунхсайхан и др.), проверки и баланс между законодательными и исполнительными ветвями Монголии.

Конституция Монголии и Закон о национальной безопасности распределяют и регулируют роль учреждений и должностных лиц на разных уровнях.

В соответствии с Конституцией распределены функции для:

Совета национальной безопасности:

- 1) определять основы внутренней и внешней политики государства;
- 2) устанавливать границы государства;
- 3) утверждать структуру, состав и полномочия;
- 4) объявлять чрезвычайное или военное положение.

Президента:

- 1) возглавить Совет национальной безопасности;
- 2) быть Высшим командующим вооруженными силами Монголии;
- 3) объявлять чрезвычайное или военное положение, когда ВГХ находится на каникулах;
- 4) представлять государство во внешних отношениях.

Правительства:

- 1) осуществлять обеспечение национальной безопасности;
- 2) защищать общественный порядок;
- 3) осуществлять государственную внешнюю политику, обеспечивать выполнение закона о национальной безопасности.

Задачей Закона о национальной безопасности Монголии является определение основных принципов и содержания деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, безопасности личности и иных видов безопасности, полномочий и функций органов государственной власти, органов местного самоуправления в области безопасности (местный совет) граждан страны, а также регулирование отношений, связанных с координацией политики и деятельности по обеспечению национальной безопасности.

Закон о вооруженных силах, Закон о государственных границах и другие законы, принятые в соответствии с Конституцией, дополнительно распределяют роли и обязанности учреждений и должностных лиц.

На стратегическом уровне ВГХ обсуждает и утверждает государственную политику и соответствующие законодательные акты, инициированные органами, уполномоченными инициировать законодательство, — президентом, правительством и членами ВГХ. Президент имеет право предлагать законопроекты и представляет проект Концепции национальной безопасности, государственной военной и оборонной политики и законов вооруженных сил. Хотя эти полномочия президента определяются законом, его полномочия инициировать законы о вооруженных силах и обороне не установлены официально, а регулируются прецедентами. Управление организационным и кризисным уровнями важно для обеспечения безопасности как в мирных, так и в чрезвычайных условиях. Поэтому в докладе обсуждаются вопросы, связанные с Советом национальной безопасности, который несет ответственность за координацию деятельности учреждений, отвечающих за обеспечение национальной безопасности на этих двух уровнях. В сложившейся ситуации, когда мир становится «плоским», проблема безопасности становится многогранной и сложной, и многие страны начали создавать советы национальной безопасности (СНБ) или аналогичные учреждения с другим названием, которые несут ответственность за консультации и координацию вопросов безопасности. Рассматривая историю советов национальной безопасности, кон-

статируем, что большинство из них были созданы после окончания «холодной войны», а в Великобритании, Китае и некоторых других странах — совсем недавно. Законы о СНБ во всем мире включают в целом следующие аспекты: подчинение, ответственность, структуру, состав, функциональные обязанности.

Задачей Совета национальной безопасности Монголии является регулирование и координирование отношений, связанных с установлением основных принципов деятельности, функции, структуры, состава, полномочий.

СНБ выполняет обязанность координировать информацию, политику и деятельность учреждений, имеющих специальное назначение, которые несут ответственность за обеспечение национальной безопасности и функционируют непосредственно под руководством исполнительной власти. Руководители государственных органов специального назначения, которые несут ответственность за национальную безопасность, как указано в законодательстве, включены в состав СНБ. В большинстве стран правительства несут общую ответственность за обеспечение безопасности, и в целом специальные исполнительные учреждения, отвечающие за вопросы безопасности, являются аффилированными с исполнительной ветвью. Поэтому в большинстве стран считается уместным, что СНБ находятся в подчинении правительства, главы исполнительной власти. СНБ с чрезвычайной властью для обсуждения и консультаций по вопросам безопасности и обороны в рамках руководства, состоят из партийных и государственных лидеров и подчинены структуре правящей партии.

В период 2009–2016 гг. СНБ Монголии обсудил 397 вопросов, относящихся к национальной безопасности, принял 233 рекомендации и протокола заседаний.

Монгольский Совет национальной безопасности состоит из его председателя, председателя ВГХ и премьер-министра, включает государственное и правительственное руководство. В Конституции нет отдельной статьи или положения о Совете национальной безопасности, но создание СНБ и его функции включены в мандаты СНБ и президента, и, соответственно, можно считать, что Совет национальной безопасности создается в рамках конституции. Хотя Конституция делегирует правительству ответственность за обеспечение национальной безопасности, оно дает полномочия определять состав и функции СНБ для ВГХ, а президент — председательствовать в СНБ. Совет — это довольно уникальная структура, не подчиняющаяся ни одному учреждению. В Законе о национальной безопасности, принятом в 1992 г., была определена ответственность СНБ: «...координировать процесс разработки государственной единой политики национальной безопасности и ее осуществления» и принятый в 2001 г. закон о национальной безопасности. Ответственность за обеспечение национальной безопасности несут в т. ч. «орган охраны окружающей среды, таможенный орган, дипломатическая служба, служба по чрезвычайным ситуациям, специализированное инспекционное агентство, вооруженные силы и другие военизированные организации, налоговые органы и разведывательное управление».

В Законе о национальной безопасности указывается, что «Президент Монголии в качестве главы Совета национальной безопасности ... будет вести общее руководство деятельностью по обеспечению национальной безопасности, контроля и обеспечения руководства для учреждений, отвечающих за национальную безопасность». Согласно соответствующим положениям Конституции и Закона о национальной безопасности, существует прямая логика, что президент руководит деятельностью исполнительной власти по вопросам национальной безопасности. На теоретическом уровне этот статус-кво является отражением «полупрезидентского» характера государства, но на практике он влечет за собой следующие трудности: Монголия — страна с «всеобъемлющей» концепцией безопасности, а сфера национальной безопасности не ограничивается только военными вопросами, но охватывает гораздо более широкие компетенции. Президент выражает свое мнение по вопросам экономической и экологической безопасности и дает указания членам правительства, что влечет за собой критику в том, что он «вмешивается в вопросы исполнительной власти», сталкивается с протестами, что затрудняет его возможность выполнять свои законные обязанности. СНБ «далек» от исполнительного правительства и является независимой структурой. Это означает, что его рекомендации часто остаются нереализованными и возникают постоянные трудности с координацией деятельности правительственных учреждений. В частности, важные рекомендации СНБ, такие как «совершенствование единства государственной внешней политики и деятельности» или «контроль над расходованием доходов от выпуска государственных облигаций», не были реализованы. Правоспособность рекомендаций СНБ носит спорный характер, и нет строгой ответственности за их несоблюдение. Все это указывает на необходимость четкого определения субординации и статуса СНБ в Конституции и других законодательных актах и создания условий для выполнения СНБ своих обязанностей. Действие Конституции Монголии в течение последних 25 лет является правовой основой для развития демократической государственной структуры и гуманного гражданского общества, гарантируя независимость, суверенитет страны и защиту национальных интересов при соблюдении прав человека. Конституция была гарантией суверенитета страны, позволяя решать фундаментальные вопросы существования государства и страны, а именно «кто будет осуществлять высшую государственную власть», предоставить эту власть монгольским гражданам. Кроме того, он становится двойной гарантией суверенитета страны, выбирая парламентскую систему, которая направлена на то, чтобы избежать абсолютной власти одного человека и решить ключевые вопросы через консенсус большинства. За последние 25 лет был достигнут подлинный прогресс в укреплении монгольского суверенитета и закреплении его позиций на международном уровне. Можно сделать вывод, что идея и положения Конституции были полностью реализованы в этом направлении. Конституция наделяет правительство обязанностью обеспечивать национальную безопасность, в то время как ВГХ имеет мандат определять состав и функции Совета национальной безопасности, а его председатель — быть председателем совета. Эта структура несет ответственность за обеспечение координации государственных учреждений в

отношении обеспечения национальной безопасности, «растяжения» между государственными учреждениями при отсутствии возможности выполнить свой основной долг. Поэтому необходимо внести поправки в процессе изменений Конституции. Существует настоятельная необходимость внести поправку в Конституцию для решения вопросов, упомянутых в этой главе, с тем чтобы обеспечивать надлежащее решение вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности, гарантировать суверенитет, обеспечить экономическую безопасность, улучшить структуру и укрепить потенциал государства, что является одной из необходимых внутренних задач.

Литература

1. Steven Fish M. Монголия: демократия без предпосылок // *Journal of Democracy* 1998. № 3. P. 127.

2. Болд Р. К 20-летию стратегического исследования // *Сборник докладов научной конференции.* Улан-Батор, 2011. С. 115–120.

1992 CONSTITUTION OF MONGOLIA AND NATIONAL SECURITY ISSUES

Zh. Shishmishig

Master of Law, Honorary Diplomat of Mongolia

Director General of the Academy of Law of Mongolia /Legal Academy NGO/

Doctoral student of the University of Health of Mongolia

Төв шуудан III / X - 118 / Main Post Office PO Box 118

E-mail: jugnee_mishig@hotmail.com

The legal basis for ensuring security is the Constitution of Mongolia, generally recognized principles and norms of international law, Mongolia's international treaties, laws and other normative legal acts, regulatory legal acts of local government bodies adopted within their competence in the field of security.

The 1992 Constitution was adopted to create the basis for democracy and a market economy, as well as for the improvement of human rights and freedoms. Since 1990, Mongolia has held several democratic elections, which were peaceful. Human rights are generally respected, the media are free, and there is genuine political competition.

There were many elections and a multiple change of power. In accordance with constitutional requirements, several new institutions have been established. Including the National Security Council. The Constitution and laws of Mongolia, adopted within the framework of the Constitution, are directly related to the strengthening of national independence and security. It is important to investigate the relationship between the Constitution and other relevant legal instruments with national security.

The first National Security Concept was adopted in 1994, in 2010 the Great State Hural / Parliament / adopted a revised new concept. In section 1.2.3 of the National Security Concept of 2010, the components of national security are defined, in which six interrelated themes are defined, such as «existential security», «economic security», «internal security», «human security», «environmental security» and « Information Security».

The issues of «existential security», «internal security» and «economic security» have a direct link to the first chapter of the Constitution, and, accordingly, the content of this chapter will be limited to these topics

Keywords: Constitution, national security, the national security Concept, national security Council, the State Great Hural /Parliament/ National security Law

УДК 37.062

КОНФЛИКТЫ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© Т. Б. Гнеушева

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6

E-mail: tanyagneusheva88@mail.ru

Статья посвящена проблеме разрешения конфликтов в общеобразовательных учреждениях с использованием медиативных технологий. Автором рассмотрены основные причины возникновения конфликтных ситуаций. Отмечено, что при возникновении относительно легких конфликтных ситуаций возможно их разрешение педагогом. В работе освещаются основные стадии (фазы) процедуры медиации, медиативные технологии, необходимые педагогу в практической деятельности. Кроме того, автор отмечает, что в общеобразовательных учреждениях встречаются и более сложные конфликты, по которым требуется более тщательная работа. В таких случаях следует обращаться в службу примирения. В статье раскрываются цель создания и задачи службы примирения, а также приводится статистика создания служб примирения на территории Республики Бурятия. В заключение автором делается вывод о необходимости проведения дальнейшей работы по созданию служб примирения во всех общеобразовательных учреждениях на территории Республики Бурятия и эффективному осуществлению их деятельности.

Ключевые слова: конфликт, медиация, медиативные технологии, несовершеннолетний, общеобразовательное учреждение.

К сожалению, проблема возникновения конфликтов в общеобразовательных учреждениях сегодня актуальна как никогда. В любой школе можно обнаружить конфликтные ситуации, возникающие между учениками, учителем и учеником, родителем и педагогом и т. д. Каждый конфликт по-своему индивидуален, а его предупреждение во многом зависит от профессионализма педагога.

Причины конфликтных ситуаций бывают разные. Некоторые из них возникают в связи с непониманием родителями тех изменений, которые происходят в школьном образовании (изменения в начальном образовании, введение ЕГЭ и т. д.). В результате ребенок, следуя примеру родителей, оказывает негативное влияние на своих сверстников, учителей. В данной ситуации очень важно проводить работу именно с родителями.

Другой причиной конфликтных ситуаций может служить недоверие родителей к педагогам, которые решают проблемы детей. В итоге существующая позиция родителей «не вмешивайтесь» и позиция педагога «решайте свои проблемы сами» оказывают негативное влияние на ребенка.

Еще одной причиной существующих проблем взаимодействия между школой и семьями является различие в ценностных установках. И родители, и педагоги хотят видеть детей успешными, однако понимание успешности у каждой группы разное. Например, классный руководитель — учитель рус-

ского языка и литературы видит в своем ученике огромный потенциал и склонность к гуманитарным наукам. Родители же, наоборот, видят его в будущем бухгалтером. В итоге страдает ребенок, поскольку очень часто его мнение не учитывается, и в результате портятся отношения с родителями, учителями и т. д.

Иногда противоречия родителей и сотрудников общеобразовательных учреждений заключаются в нежелании родителей участвовать в жизнедеятельности школы. Такое пассивное отношение родителей приводит к их противостоянию с педагогами. Требование учителей вполне обоснованно, но иногда оно может предъявляться в несколько негативной форме. Например, школьные учителя могут говорить о педагогической некомпетентности родителей. В итоге защитная реакция родителей становится причиной конфликта. Негативное отношение родителей к учителям, и наоборот, приводит к тому, что ребенок чувствует себя неуверенно и дома, и в школе. В данной ситуации возникает вопрос, кто должен сделать первый шаг к выстраиванию конструктивных отношений? Безусловно, сотрудники образовательного учреждения. Развитие ребенка, его самореализация возможны только в том случае, если педагоги и родители будут действовать сообща.

Предупреждение конфликтных ситуаций, их разрешение и выработка взаимоприемлемого решения, отвечающего интересам ребенка, родителей и общеобразовательного учреждения, возможны посредством использования в работе педагога медиативных технологий, а также создания служб примирения. Безусловно, существуют такие ситуации, с которыми может справиться сам педагог. При разрешении конфликта педагогом он должен самостоятельно контролировать весь процесс. Его разрешение, бесспорно, способствует его профессиональному росту, повышению авторитета. Однако в таких случаях педагогу просто необходимы знания о медиации. При этом речь не идет о проведении педагогом процедуры медиации, которая осуществляется службой примирения. Речь идет о разрешении конфликта с использованием медиативных технологий.

Медиация как процедура разрешения спора включает в себя определенные стадии (фазы), проводимые в строгой последовательности. Каждая стадия преследует определенную цель, и только после ее достижения можно совершать следующий шаг¹.

Первая фаза процедуры медиации — подготовительная и заключается в привлечении участников к разрешению конфликта. Процедура медиации возможна только при личном участии сторон. Сложность данной фазы состоит в том, что к медиатору редко обращаются две стороны. В этом случае медиатору необходимо найти правильный подход ко второму участнику и объяснить ему необходимость проведения данной процедуры.

Если педагог заметил произошедший между учащимися конфликт, то в первую очередь должен оценить степень его сложности. И если он считает, что спор может быть разрешен с его помощью, приглашает учащихся разо-

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой службы «Консультант Плюс».

браться в сложившейся ситуации. Приглашать учащихся педагогу необходимо лично. При этом важно, чтобы стороны приглашались поочередно, без присутствия посторонних лиц.

Приглашение педагога может звучать таким образом: «(Имя ученика), мне стало известно о ссоре, которая возникла между тобой и ... Я могу помочь вам в сложившейся ситуации, предлагаю встретиться и обсудить проблему. Мы можем вместе попытаться найти правильное решение, которое будет устраивать вас обоих. О содержании нашей встречи никто не узнает».

На данном этапе ведется также подготовка материалов, фактов относительно предмета спора, назначается время и место проведения процедуры. Очень важно найти в образовательном учреждении помещение, где никто не будет отвлекать стороны от проведения процедуры. Это может быть специальный кабинет в учреждении, выделенный именно для таких целей.

Вторая фаза процедуры медиации — медиационная беседа. Эта ключевая фаза проведения процедуры включает несколько этапов. На первом этапе происходит знакомство со сторонами (если это не было сделано ранее), медиатор рассказывает о правилах проведения процедуры, выслушивает предложения сторон, отвечает на вопросы.

В образовательном учреждении, если педагог знаком с учащимися, этот момент можно упустить. В то же время педагог должен объяснить учащимся, для чего он их пригласил, ему необходимо создать также благоприятную обстановку для беседы, сделать так, чтобы учащиеся чувствовали себя максимально комфортно.

Второй этап процедуры — непрерываемое время для выслушивания сторон. Учащимся поочередно предлагается рассказать о своем видении сложившейся ситуации. При этом очень важно, чтобы вторая сторона слушала внимательно и не перебивала. Педагог делает акцент на том, чтобы учащиеся рассказывали о проблеме ему, а не друг другу, применяя медиативную технологию под названием «активное слушание». Это способ ведения беседы, при котором педагог слышит, понимает чувства ребенка. Учитывая разное содержание понятий «слушать» и «слышать», учитель использует и то, и другое [3, с. 54]. Очень часто специалисты не способны выслушать ребенка, понять его, во многом ссылаясь на загруженность работой. Данная технология позволяет лучше понять ребенка, так как он настроен на открытую беседу со взрослым.

Третий этап — выяснение конфликтной ситуации путем обсуждения общих тем. Основная задача данного этапа — выяснить истинные потребности участников. На данном этапе педагог может использовать медиативную технологию «петля понимания», например «правильно ли я вас понял, что ...» [4, с. 14]. При этом немаловажное значение имеет правильность задавания корректных вопросов со стороны педагога, для того чтобы выяснить истинные желания учащихся.

Четвертый этап — выработка решения. К этому этапу стороны подходят уже с пониманием, что есть проблема, которую необходимо разрешить. Для наиболее правильного решения педагогу целесообразно использовать технологию «мозговой штурм». Учащиеся поочередно предлагают пути выхода из сложившегося конфликта, а педагог выступает в роли посредника. Когда

предложения сторон собраны (педагог должен воздержаться от своих предложений), необходимо принять решение. И это пятый этап процедуры медиации. Из всех предложенных вариантов педагог выбирает решение, наиболее удовлетворяющее интересы обеих сторон. Педагог также проверяет принятое решение на реалистичность исполнения и отсутствие противоречий с действующим законодательством.

После окончания процедуры медиации обычно оформляется соглашение. Соглашение должно быть достаточно четким и лаконичным. В нем максимально подробно прописываются обязанности сторон. Однако при разрешении конфликта с участием педагога не обязательно заключать письменное соглашение. Педагогу достаточно четко проговорить принятое решение, удостоверившись в том, чтобы оно не понималось учащимися двояко.

Третья фаза процедуры медиации — фаза реализации. На данной стадии стороны без участия медиатора исполняют принятые на себя обязательства. Однако медиатору все же необходимо проводить мониторинг исполнения решения. Если возникают какие-то спорные моменты, из-за которых решение не может быть исполнено, медиатору необходимо договориться о дополнительной встрече для их устранения, а через какое-то определенное время узнать, исполняется ли принятое решение и не возникает ли проблем при его реализации.

Таким образом, педагог помогает создать диалог между учащимися: 1) организовать переговоры; 2) тщательно рассмотреть конфликтную ситуацию; 3) принять взаимоприемлемое решение.

В общеобразовательных учреждениях встречаются достаточно сложные конфликты, по которым требуется более тщательная работа. В таких случаях следует обращаться в службу примирения.

Основная цель создания служб примирения — повышение культуры мирного разрешения конфликтных ситуаций среди подросткового населения. Основные задачи службы примирения заключаются в следующем:

- 1) разрешение конфликтов, возникающих в образовательных и социальных учреждениях;
- 2) проведение тренингов для подросткового контингента по развитию культуры разрешения конфликтов, обучение урегулированию конфликтных ситуаций с использованием медиативных технологий;
- 3) проведение тренингов для сотрудников образовательных и социальных учреждений по вопросам снижения конфликтных ситуаций среди подростков и использование в работе медиативных технологий [3, с. 68].

Директор общеобразовательного учреждения во взаимодействии с коллективом определяет несколько сотрудников (2–5), ответственных за организацию работы службы примирения. Процедура подбора кандидатов в службу (сотрудников и учащихся) проводится самим учреждением. Необходимо учитывать при подборе тот факт, что человек, умеющий конструктивно разрешать конфликтные ситуации, должен обладать определенными качествами. Такими качествами являются беспристрастность, эмпатия, доброжелательность, инициативность, открытость.

Сотрудникам службы примирения желательно пройти обучение по соответствующей программе, дополнительные тренинги по медиативным технологиям.

На современном этапе существует острая необходимость в создании школьных служб примирения во всех общеобразовательных учреждениях. Их назначение заключается не только в разрешении конфликтных ситуаций, но и в их предупреждении. Службы примирения, действующие на основе медиативных технологий, позволяют конструктивно разрешать любые разногласия в большом коллективе, как с детьми, так и с родителями.

Указом Президента РФ от 01.06.2012 г. «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» предусмотрено создание школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях¹. В этой связи, начиная с 2014 г., в Республике Бурятия активно проводится работа по созданию служб медиации в общеобразовательных учреждениях. В целях организации служб примирения были разработаны положение «О школьной службе примирения» (медиации), договоры и должностные инструкции. В настоящее время в г. Улан-Удэ создана 61 служба примирения. Всего по Республике Бурятия действуют 323 таких службы в общеобразовательных организациях². Эти цифры говорят о том, что в РБ была проведена огромная работа для профилактики конфликтных ситуаций в общеобразовательных учреждениях. Однако многое еще предстоит сделать, необходимо продолжать активную работу над тем, чтобы созданные службы примирения не существовали формально, а эффективно осуществляли свою деятельность.

Литература

1. Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д. Медиация — переговоры в ситуации конфликта: учеб. пособие. СПб., 2010. 178 с.
2. Камин А. С. Конфликтология. СПб.: Лань, 2007. 448 с.
3. Садовникова М. Н., Архипкина А. С., Князева М. Л. Конфликты в образовательных и социальных учреждениях, их разрешение и профилактика с использованием медиативных технологий. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 123 с.
4. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга, 2004. 176 с.

¹ О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761. Доступ из справ.-правовой службы «Консультант Плюс».

² URL: <http://edu03.ru> (дата обращения: 17.10.2017).

THE CONFLICTS IN GENERAL EDUCATIONAL SCHOOLS
AND THEIR RESOLUTION USING MEDIATIVE TECHNOLOGIES

T. B. Gneusheva

senior teacher, department of civil law and procedure,
Buryat State University,
6, Sukhbaatar str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: tanyagneusheva88@mail.ru

The article is devoted to the problem of conflicts in general education schools their solution using mediative technologies. The author considers the main reasons of conflict situations that arise in general education schools. It is noted that when relatively light conflict situations arise, it is possible for the teacher to permit them. The article covers the main stages (phases) of the mediation procedure, the media technologies that the teacher needs in practice. In addition, the author notes that there are more complex conflicts in general education schools, for which more thorough work is required. In such cases, it is necessary to contact the Reconciliation Service. The article reveals the purpose of the creation and objectives of the Service of Reconciliation, provides statistics on the establishment of the Reconciliation Service in the Republic of Buryatia. The author concludes that it is necessary to develop the Service of Reconciliation in all general education schools in the Republic of Buryatia and increase the effectiveness of their work.

Keywords: conflict, mediation, mediative technologies, underage, general educational school.

УДК 347.634/. 637

К ВОПРОСУ О НЕМЕДЛЕННОМ ОТОБРАНИИ РЕБЕНКА У РОДИТЕЛЕЙ

© С. В. Доржиева

кандидат юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: dsv_1@mail.ru

Отобрание ребенка у родителей является в настоящее время одним из актуальных вопросов не только в науке семейного права, но и на практике. Связано это с отсутствием в законе четко обозначенных оснований для немедленного изъятия ребенка из семьи в соответствии с административным актом органа опеки и попечительства. В статье анализируются критерии отобрания ребенка у родителей, а также предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования этого действия в целях сокращения фактов незаконного изъятия детей из семьи, с последующим ограничением или лишением родительских прав. Защита прав детей и их родителей, забота о благополучии семей в Российской Федерации должны быть одними из самых приоритетных направлений государственной политики.

Ключевые слова: ребенок, родители, семья, отобрание, защита.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что семья, материнство и детство находятся под защитой государства¹. Реализация каждым ребенком права жить и воспитываться, прежде всего, в своей кровной семье, является одной из самых приоритетных задач в нашей стране. Вместе с тем, «недостаточная эффективность имеющихся механизмов обеспечения и защиты прав и интересов детей, неисполнение международных стандартов в области прав ребенка, высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях, распространенность семейного неблагополучия, жестокое обращение с детьми и все формы насилия в отношении детей, низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми, распространенность практики лишения родительских прав и социального сиротства»² являются лишь некоторыми основными проблемами в сфере детства, которые зачастую ведут к созданию в семьях условий, не просто невозможных для нормального проживания в них детей, но и к ситуациям, когда их жизнь и здоровье оказываются под реальной угрозой. В связи с этим, по верному определению О. Ю. Косовой, «на фоне маргинализации значительного числа российских семей и попыток освоения новых, главным образом западного образца, «ювенальных технологий» особую социальную актуальность приобрел вопрос о легализации изъятия детей из семьи» [4].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

Так, согласно ст. 77 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них)¹. Многими учеными одной из главных проблем при отобрании ребенка называется недостаточная определенность оснований для его применения. В связи с этим О. А. Хазова справедливо отмечает, что «в настоящее время вопрос о немедленном отобрании, по существу, решается инспектором по охране детства единолично, в силу тех или иных, присущих ему или ей представлений о должном или допустимом. Отсутствие каких бы то ни было ориентиров часто приводит на практике к произвольным решениям, когда детей отбирают из семьи без достаточных к тому оснований» [10]. Такое положение, безусловно, приводит к нарушению прав не только родителей, но и детей, поскольку необоснованное вмешательство органов опеки и попечительства в дела семьи может повлечь за собой самые тяжелые последствия, вплоть до ее разрушения.

В целях совершенствования правового регулирования достаточность оснований для изъятия ребенка из семьи в административном порядке обсуждается в науке семейного права. Например, П. А. Якушев полагает, что «о наличии непосредственной угрозы жизни ребенка или его здоровью могут свидетельствовать следующие обстоятельства: необеспечение ребенка предметами первой необходимости (едой, одеждой, средствами гигиены и т. д.); уклонение от обеспечения ребенка необходимой медицинской помощью, в которой ребенок нуждается; несоблюдение требований пожарной безопасности и эксплуатации помещения при наличии выявленных административным органом и зафиксированных в протоколах нарушений; наличие травм, телесных повреждений у несовершеннолетних; систематическое оставление ребенка без надзора; оставление ребенка в опасных местах; регулярные острые конфликты между членами семьи, существенно влияющие на психоэмоциональное состояние ребенка; нахождение родителей в тяжелом состоянии опьянения; неудовлетворительное санитарное состояние места жительства несовершеннолетнего и др.» [11]. Представляется, что формулировка не всех вышеперечисленных обстоятельств все же является достаточно определенной и однозначно обозначающей непосредственную угрозу для жизни или здоровья ребенка. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, термин «непосредственный» означает «прямо следующий после кого-чего-нибудь, прямо вытекающий из чего-нибудь, без посредствующих звеньев, участников» [7, с. 398]. Вместе с тем степень «неудовлетворительного санитарного состояния места жительства несовершеннолетнего» может быть разной и не всегда представлять прямую угрозу для жизни или здоровья, а значит, служить основанием для применения ст. 77 СК РФ.

Т. В. Краснова предлагает «закрепление в СК РФ принципа отобрания ребенка у родителей лишь при наличии реальной опасности для его жизни и здоровья» [5]. Слово «реальный» толкуется в русском языке как «действи-

¹ Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017 г. № 94-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

тельный, существующий, не воображаемый» [7, с. 661], что в исследуемой ситуации можно оценивать как синоним слова «непосредственный».

С учетом изложенного представляется наиболее объективным мнение А. М. Нечаевой о том, что «опасность пребывания ребенка с родителями (одним из них) может иметь разные масштабы. Но когда имеет место *непосредственная угроза жизни ребенка или его здоровью* (оставлен на улице в холодное время года, живет целые дни в неотапливаемом помещении, брошен надолго на лестничной площадке дома, находится в одиночестве в доме (квартире) без пищи, необходимой одежды и т. п.), иначе говоря, когда требуются срочные меры по его спасению, одной из таких мер является немедленное отобрание ребенка у родителей (одного из них). Тем более что оформление материалов на лишение, ограничение родительских прав требует времени, которое нельзя в подобной ситуации упустить» [6, с. 252]. Таким образом, при применении ст. 77 СК РФ следует придерживаться критерия, установленного законодателем, — *непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка*. Все другие обстоятельства, в т. ч. и отрицательная характеристика личности родителей (одного из них) правового значения для отобрания ребенка не имеют [3].

Для улучшения ситуации, связанной с немедленным отобранием ребенка у родителей, предлагаются различные меры. По справедливой оценке С. В. Букшиной, «статья 77 СК РФ относится к оценочным нормам, а значит, специалист органа опеки и попечительства должен обладать специальными знаниями, навыками и умениями для правильной квалификации конкретной семейной обстановки и, как следствие, правомерного применения соответствующих норм. Для этого в органах опеки и попечительства субъекта РФ необходимо наличие специалистов с высшим профессиональным (базовым юридическим, педагогическим, психологическим) образованием. По нашему убеждению, любая семейная ситуация (спор) должна рассматриваться с участием трех специалистов, объективный вывод которых и будет положен в основу при принятии судом того или иного решения [2]. Действительно, увеличение штата специалистов органов опеки и попечительства, а также постоянное совершенствование их профессиональных навыков на основе вышеуказанных специальностей является насущной проблемой. По верному определению Г. В. Семья, «в европейских странах тот объем работы, который в России, в соответствии с российским законодательством, должен выполнять специалист органов опеки и попечительства, выполняется, как правило, комплексно представителями государственных органов, социальными работниками, специализированными судьями» [8, с. 21]. И хотя «опыт реформ в социальной сфере в России и других странах показывает, что прямое копирование зарубежного опыта редко бывает эффективным» [9, с. 9], в исследуемой ситуации деятельность российских органов опеки и попечительства действительно нуждается в совершенствовании, в т. ч. и за счет усиления помощи со стороны других компетентных органов, организаций и учреждений, а также за счет судебного контроля. Еще в 2013 г. глава Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулина объявила, что летом того же года «на рассмотрение депутатов будет внесен законопроект, который

предлагает изменить статью 77 Семейного кодекса РФ, в соответствии с которой в ситуациях, которые требуют экстренного вмешательства, можно будет забирать ребенка у родителей на 48 часов. За это время дело об отобрании ребенка должно быть направлено в суд и быть им рассмотрено. Изучив обстоятельства, суд обязан будет вынести решение — законно или незаконно произведено изъятие. И если основания, представленные органами опеки, суд найдет неубедительными, ребенка незамедлительно вернут родителям. В случаях же, когда суд подтвердит, что ребенка правильно забрали из семьи, жизнь в которой была для него действительно опасна, в дальнейшем судья будет решать вопрос о лишении родительских прав или об ограничении родителей в их правах»¹. К сожалению, законопроект не реализован до настоящего времени, хотя вполне соответствует п. 1 ст. 9 Конвенции о правах ребенка, который предусматривает, что «государства — участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка» [1]. Полагаем, что проверка судом законности немедленного отобрания ребенка должна представлять собой отдельное гражданское дело. С иском об ограничении или лишении родительских прав уполномоченные на это лица должны обращаться отдельно, но сроки для подготовки иска должны быть строго определены семейным законодательством.

Вместе с тем, остается надеяться, что отобрание детей у родителей, ограничение последних в родительских правах и лишение родительских прав со временем все же станут в нашей стране крайне редким явлением. К сожалению, Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. уже подошла к концу, но такие ее мероприятия, как «формирование системы, обеспечивающей реагирование на нарушение прав каждого ребенка без какой-либо дискриминации, включая диагностику ситуации, планирование и принятие необходимого комплекса мер по обеспечению соблюдения прав ребенка и восстановлению нарушенных прав; правовое просвещение; предоставление реабилитационной помощи каждому ребенку, ставшему жертвой жестокого обращения или преступных посягательств», все еще далеки от полной реализации. Остается надеяться, что действия, которые будут проводиться в рамках десятилетия детства², приведут к совершенствованию государственной политики в сфере защиты детства и семьи в целом.

Литература

1. Брынцева Г. Решить судьбу за 48 часов. Опасна ли семья для ребенка, определит суд // Российская газета. 2013. № 6110(134).

¹ Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (одобрена Генеральной ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

² Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия детства» // Российская газета. 2017. 29 мая.

2. Букшина С. В. Отобрание ребенка в административном порядке: основание, последствия и значение // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 13–16.
3. Гландин С. В. Отобрание детей: английский взгляд // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 4. С. 7–11.
4. Косова О. Ю. Судебное отобрание детей у родителей: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 19–23.
5. Краснова Т. В. Правовая возможность отобрания ребенка у родителей: социальные риски в законодательстве и пути их преодоления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 60–67.
6. Нечаева А. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. М.: Юрайт, 2009. 559 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс; Мир и образование, 2007. 967 с.
8. Семья Г. В. Профессиональный стандарт специалиста органов опеки и попечительства [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. № 3. С. 19–28. URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 13.04.2017).
9. Семейное устройство в России: пособие / под ред. Л. Сандановой; Благотворительный фонд Е. и Г. Тимченко. М.: РПФ НИК, 2014. С. 100.
10. Хазова О. А. Отобрание детей: международно-правовые аспекты // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 18–22.
11. Якушев П. А. Изъятие ребенка из семьи без судебного постановления в контексте приоритета семейного воспитания ребенка как традиционной и правовой ценности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 17–20.

TURNING TO THE ISSUE OF IMMEDIATE REMOVAL OF A CHILD FROM PARENTS

S. V. Dorzhieva

Candidate of juridical sciences,
Assistant professor of the Chair of Civil Law and Process,
Buryat State University
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail :dsv_1@mail.ru

Nowadays removal of a child from parents is one of the actual issues of the family law's science and real practice. It is connected with the absence of clearly defined reasons of immediateremoval of children in law in accordance with an administrative act of guardianship authorities. The article contains the analysis of the criteria of removal of a child from parents and proposing measures aimed to improve legal regulation of this process in order to reduce facts of illegal removal of children from families, with a consequent restriction of parental rights, deprivation of parental rights. The protection of rights of children and their parents, the concern for welfare of the families must be one of the priority government policies.

Keywords: child, parents, family, removal, protection.

УДК 347.921.6

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УПЛАТЫ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛЫМ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

© **Я. Н. Карачевцев**

помощник адвоката,

Украина, г. Харьков, 61121, а/я-10269

E-mail: redexistence@mail.ru

В статье на основании анализа социально-экономического положения граждан России и Украины установлена граница бедности в денежном эквиваленте. Сделан вывод о том, что оплата судебных издержек, в т. ч. расходов, связанных с судебным сбором, оплатой услуг перевода, предоставления юридической помощи, расходов на привлечение экспертов, специалистов, свидетелей, проведение судебных экспертиз для бедного населения является нарушением права на жизнь в расширенном понимании его для участников процесса, уровень доходов которых ниже денежной величины, определяющей состояние бедности. На основании принципов аналогии права, в сравнении с исполнительным производством и ограничением размера удержаний с заработной платы, установленной Кодексом законов о труде, предложено методику расчета размеров судебных издержек поставить в зависимость от величины среднедушевого дохода. Приведены примеры расчета рассрочки и освобождения от уплаты судебных расходов в существующих условиях Украины и России по состоянию на 1 января 2017 г.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебные расходы, бедность, учет материального положения, освобождение от уплаты, рассрочка.

В статье «Бедность как нарушение права на жизнь» (Международный научный европейский журнал гуманитарных и общественных наук, спецвыпуск для Украины № 1 за 2017 г. (г. Вена, Австрия)) [1] нами было доказано, что у бедных граждан нарушается право на жизнь, т. к. их здоровье не сохраняется и организм функционирует ненормально. Также в этой статье была определена величина порога бедности для Украины. С учетом полученного результата и в результате собственных вычислений для настоящей публикации нами было рассчитано, что по состоянию на 1 января 2017 г. черта бедности ориентировочно определяется денежной величиной в размере 7160 грн в месяц на 1 человека.

В статье «Противоречия норм исполнительного законодательства и конституционных прав на достаточный жизненный уровень и здоровье» [2] нами было доказано, что исполнительная служба также должна воздерживаться от принудительного денежного взыскания с должника, который живет в условиях бедности. Распространяя выводы этой статьи, логичным считаем заключение, что лица, живущие в бедности, имеют право на освобождение от всех судебных расходов.

Так, в соответствии со ст. 88 Гражданского процессуального кодекса (далее сокращенно ГПК РФ) «Судебные расходы»:

«1. Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

2. Размер и порядок уплаты государственной пошлины устанавливаются федеральными законами о налогах и сборах»¹.

До принятия новой редакции ГПК РФ в России действовал ГПК РСФСР от 11 июня 1964 г. (с последующими изменениями и дополнениями), статья 81 которого «Отсрочка или рассрочка уплаты судебных расходов и уменьшение их размеров» предусматривала, что «суд или судья, исходя из имущественного положения сторон, может отсрочить или рассрочить одной или обеим сторонам уплату судебных расходов, взыскиваемых в доход государства, или уменьшить размер расходов». В редакции ГПК РФ 2002 г. эта норма процессуального права, обеспечивающая права неимущих граждан на судебную защиту нарушенных прав и интересов, была упразднена. В редакции нового ГПК РФ есть перечень лиц, которые освобождаются от уплаты только государственной пошлины (ст. 89 ГПК РФ), но в перечень этих лиц не входят малоимущие граждане. До 1 января 2005 г. редакция ст. 89 ГПК РФ предоставляла суду (судье) право освободить гражданина от ее уплаты с учетом его имущественного положения. С 1 января 2005 г. до 13 июня 2006 г., когда Конституционным судом Российской Федерации было принято определение Конституционного суда Российской Федерации от 13 июня 2006 г. № 272-О по жалобам граждан Евдокимова Дениса Викторовича, Мирошникова Максима Эдуардовича и Резанова Артема Сергеевича на нарушение их конституционных прав положениями ст. 333-36 Налогового кодекса Российской Федерации и ст. 89 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, что право малоимущих граждан на доступ к правосудию было нарушено. Этим определением КСУ РФ установил: «... вместе с тем отсутствие у заинтересованного лица возможности — в силу его имущественного положения — исполнить такую обязанность (**уплатить госпошлину.** — *Прим. авт.*) не должно препятствовать осуществлению им права на судебную защиту, поскольку иное вступало бы в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации, гарантирующими государственную, в т. ч. судебную, защиту прав и свобод (ст. 45, ч. 1; ст. 46, ч. 1). С учетом этого ст. 333-36 Налогового кодекса Российской Федерации определенная категория граждан освобождается от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, а также мировыми судьями, а п. 2 ст. 333-20 данного кодекса предусматривает, что суды общей юрисдикции или мировые судьи, исходя из имущественного положения плательщика, вправе уменьшить размер государственной пошлины либо отсрочить (рассрочить) ее уплату в порядке, предусмотренном ст. 333-41». И далее в п. 2.4 определения КСУ РФ отмечает: «Таким образом, положения ст. 333-36 Налогового кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с п. 2 ст. 333-20 данного кодекса и ст. 89 ГПК Российской Федерации, не позволяющие судам общей юрисдикции и мировым судьям принимать по ходатайству физических лиц решения об освобождении от уплаты государственной пошлины, если иное уменьшение размера государственной пошлины, предоставление отсрочки (рассроч-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1618-15> (дата обращения: 30.05.2017).

ки) ее уплаты не обеспечивают беспрепятственный доступ к правосудию, в силу правовых позиций, выраженных Конституционным судом Российской Федерации в постановлениях от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 4 апреля 1996 г. № 9-П, от 12 марта 2001 г. № 4-П, определениях от 12 мая 2005 г. № 244-О и настоящем определении, как не соответствующие ст. 19 (ч. 1 и 2) и 46 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации, утрачивают силу и не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами»¹. Таким образом, несмотря на запрет новой редакции ГПК и НК РФ освобождать от уплаты государственной пошлины малоимущих или уменьшать ее размер, определением КСУ РФ дано указание судам не выполнять эти требования закона.

Статьей 90 ГПК РФ «Основания и порядок предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины» установлено, что «основания и порядок предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах».

В соответствии с ч. 1 ст. 64 Налогового кодекса Российской Федерации (далее сокращенно НК РФ), «отсрочка или рассрочка по уплате налога представляет собой изменение срока уплаты налога при наличии оснований, предусмотренных настоящей статьей, на срок, не превышающий один год, соответственно с единовременной или поэтапной уплатой суммы задолженности». Основанием, которое учитывает материальное положение стороны по делу, является п. 4 ч. 1 ст. 65 НК РФ, согласно которому «имущественное положение физического лица (без учета имущества, на которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не может быть обращено взыскание), исключает возможность единовременной уплаты налога».

Несмотря на указанное выше определение КСУ РФ, ГПК РФ не содержит оснований для льгот, освобождения от уплаты, отсрочки или рассрочки уплаты судебных издержек. Так, к числу судебных издержек относятся следующие расходы (ст. 94 ГПК РФ «Издержки, связанные с рассмотрением дела»):

«К издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся:

суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам;

расходы на оплату услуг переводчика, понесенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации;

расходы на проезд и проживание сторон и третьих лиц, понесенные ими в связи с явкой в суд;

¹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 13 июня 2006 г. № 272-О по жалобам граждан Евдокимова Дениса Викторовича, Мирошникова Максима Эдуардовича и Резанова Артема Сергеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 333-36 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 89 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2006/11/08/arestanty-prava-dok.html> (дата обращения: 09.06.2017).

расходы на оплату услуг представителей;
расходы на производство осмотра на месте;
компенсация за фактическую потерю времени в соответствии со ст. 99
настоящего Кодекса;

связанные с рассмотрением дела почтовые расходы, понесенные сторонами;
другие признанные судом необходимыми расходы».

Таким образом, бедные (малоимущие) слои российского населения устранены от доступа к правосудию в случае невозможности уплатить судебные издержки.

При сравнении российского законодательства с украинским мы находим, что процессуальное законодательство Украины полностью защищает права бедных. Так, ст. 82 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее сокращенно ГПКУ) «Отсрочка и рассрочка судебных расходов, уменьшение их размера или освобождение от их оплаты» было установлено, что:

«1. Суд, учитывая имущественное положение стороны, может своим определением отсрочить или рассрочить уплату судебного сбора на определенный срок, но не более чем до принятия судебного решения по делу»¹.

Часть 3 ст. 82 ГПКУ предусматривает, что «по основаниям, указанным в ч. 1 настоящей статьи, суд может уменьшить размер подлежащих к оплате судебных расходов, связанных с рассмотрением дела, или освободить от их оплаты». К числу судебных расходов гражданское процессуальное законодательство (ст. 79 ГПКУ «Виды судебных расходов») относит следующее:

1. Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

2. Размер судебного сбора, порядок его уплаты, возврата и освобождение от уплаты устанавливаются законом.

3. К издержкам, связанным с рассмотрением судебного дела, относятся:

1) расходы на правовую помощь;

2) расходы сторон и их представителей, связанные с явкой в суд;

3) расходы, связанные с привлечением свидетелей, специалистов, переводчиков и проведением судебных экспертиз;

4) расходы, связанные с проведением осмотра доказательств по месту их нахождения и совершением других действий, необходимых для рассмотрения дела;

5) расходы, связанные с публикацией в прессе объявления о вызове ответчика».

Таким образом, законодательство Украины позволяет уменьшать оплату или освобождать от уплаты не только госпошлины, но и иных судебных издержек. Однако такое законодательство Украины, мягкое в отношении малоимущих, полностью перечеркивается судебной практикой, по которой суды Украины не освобождают бедных от судебных расходов.

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ 2017. Актуальная редакция с комментариями по состоянию на 13.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://gpkodeksrf.ru/skachat-gpk-rf> (дата обращения: 14.08.2017).

С целью защиты права на доступ к правосудию мы предлагаем освободить от уплаты государственной пошлины и судебных издержек всех лиц, которые относятся к бедному (малоимущему) населению.

Так, для Украины черта бедности определяется доходом в размере 7160 грн в месяц на 1 человека по состоянию на 1 января 2017 г. [1], а для РФ черта бедности составляет 3 ПМ [3, с. 265–268], что по состоянию на 1 января 2017 г. составляет 29720 р.

Путем аналогии права с исполнительным производством можно предложить следующую методику для расчета уменьшения оплаты судебных расходов:

Судебные расходы, с учетом имущественного положения стороны по делу = (средний доход стороны по делу — черта бедности — иные расходы стороны по делу) * 20%.

Средний доход стороны по делу равен совокупному доходу всех членов семьи, поделенному на количество членов семьи. При этом доход членов семьи может быть установлен на основании справок о доходах (с работы, пенсионного фонда, органов социального обеспечения и т. д.), свидетельских показаний, а состав семьи — на основании справки с места жительства, свидетельских показаний.

Черта бедности определяется, исходя из статистических показателей инфляции. Для Украины черта бедности = 7 160 грн (16 000 р.), а для РФ черта бедности = 29 720 р. по состоянию на 1 января 2017 г.

Иными расходами могут быть ежемесячный размер оплаты за обучение, размер обязательного платежа по кредиту в банк, ежемесячный размер удержания по алиментам или по иным исполнительным листам, размер денежных средств, потраченных на лечение, и т. п. Данные расходы могут быть подтверждены соответствующими справками, квитанциями за месяц, который предшествовал подаче иска, либо усредненными расчетами за больший промежуток времени. Если у человека доход ниже черты бедности, то он должен быть полностью освобожден от всех судебных расходов.

Приведем примеры расчетов, для вычисления размера ежемесячного платежа по рассрочке для уплаты судебных расходов.

Пример 1. Допустим, что в России в некий N-ский суд заявлен иск на сумму 50 000 р. Тогда размер государственной пошлины составляет 1 700 р. Доход гражданина, подавшего иск, составляет 30 500 р. Тогда размер судебных расходов с учетом имущественного положения стороны по делу = 30 500 р. – 29 720 р.) * 20% = 156 р. в месяц. Рассрочка составляет 1 700 р. / 156 р. = 11 месяцев (округление до следующего целого числа). Если иск разрешен до истечения 11 месяцев, судебные расходы уплачиваются за фактический период рассмотрения дела (до момента вынесения решения суда).

Пример 2. Допустим, что в России в некий N-ский суд заявлен иск на сумму 50 000 р. Тогда размер государственной пошлины составляет 1 700 р. Доход гражданина, подавшего иск, составляет 20 000 р. в месяц. В связи с тем, что доход истца меньше величины черты бедности (29 720 р.), истец подлежит освобождению от всех судебных расходов.

Пример 3. Предположим, что в Украине в некий N-ский суд заявлен иск на сумму 25 000 грн. Тогда размер судебного сбора составляет 800 грн. В де-

ле заявлена экспертиза. Стоимость проведения экспертизы составляет 8 000 грн. Доход истца (физическое лицо) составляет 10 000 грн. Обязательный платеж по кредиту составляет 1 000 грн. Тогда размер судебных расходов с учетом имущественного положения стороны по делу = $10\ 000 - 7\ 160 - 1\ 000$ = 1 840 грн в мес. Рассрочка составляет $8\ 800 / 1\ 840 = 5$ мес. (округление до следующего целого числа).

Пример 4. Предположим, что в Украине в некий N-ский суд заявлен иск на сумму 25 000 грн. Тогда размер судебного сбора составляет 800 грн. Истец заявил о необходимости адвоката для защиты его прав и законных интересов. Истец — пенсионер. Получает пенсию в размере 2 000 грн. В связи с тем, что доход истца меньше черты бедности = 7 160 грн, истец подлежит освобождению от уплаты всех судебных расходов, в т. ч. судебных издержек на правовую помощь. Таким образом, адвокат ему должен быть предоставлен бесплатно за счет средств государственного бюджета.

Такую формулу, которая выведена выше, можно использовать и при вычислении размера ежемесячного взыскания исполнительной службой. Так, размер ежемесячного взыскания исполнительной службой с учетом имущественного положения должника = (средний доход должника — черта бедности — иные расходы должника) * 20%, где 20% — это ограничение удержания с заработной платы. Этот коэффициент может меняться согласно КЗоТ, в котором предусмотрено, что по нескольким исполнительным производствам размер удержания не может превышать 50% суммы, причитающейся к выплате, а при отбывании исправительных работ и при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей не может превышать 70% заработка работника.

Рекомендации. В реалиях РФ при заявлении иска малообеспеченным лицом необходимо подавать заявление об освобождении от уплаты всех судебных расходов и при отказе в удовлетворении такового заявлять ходатайство о рассмотрении Конституционным судом вопроса о конституционности соответствующих норм закона, которые ограничивают право малоимущих на доступ к правосудию, а также обращаться в Государственную Думу с просьбой внести изменения в соответствующие законы, которые предоставили бы право малоимущим на уменьшение или освобождение от уплаты всех судебных расходов.

В реалиях Украины при отказе в уменьшении или освобождении от уплаты всех судебных расходов — обращаться с соответствующими апелляционными и кассационными жалобами и при их неудовлетворении — в Европейский суд по правам человека с просьбой установить нарушение права на эффективное средство правовой защиты (ст. 13 Евроконвенции), права на доступ к правосудию (п. 1 ст. 6 Евроконвенции) и требовать устоявшейся справедливой сатисфакции в размере 1 000 евро.

Литература

1. Карачевцев Я. Н. Бедность как нарушение права на жизнь // *European Journal of Humanities and Social Sciences (Special Issue for Ukraine)*. 2017. № 1. С. 6–12.
2. Карачевцев Я. Н. Противоречия норм исполнительного законодательства и конституционных прав на достаточный жизненный уровень и здоровье // *Восемна-*

Я. Н. Карачевцев. К вопросу об освобождении от уплаты судебных расходов в связи с тяжелым материальным положением

дцатые экономико-правовые дискуссии (юридическое направление): материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. Львов, 2017. С. 28–32.

3. Карачевцев Я. Н. К вопросу о размере моральных страданий, испытываемых человеком, живущим в условиях бедности // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и кредитных систем: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 8 сентября 2017 г.) / науч. ред. М. В. Владыка, О. В. Ваганова, Н. Е. Соловьева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2017. 280 с.

TO THE ISSUE OF EXEMPTION FROM PAYMENT OF TRIAL EXPENSES IN RELATION WITH THE REDUCED CIRCUMSTANCES

Y. N. Karachevtsev

Advocate Assistant, P.O. Box-10269,
Kharkiv - 61121, Ukraine,
E-mail: redexistence@mail.ru

In the paper on the basis of analysis of the socio-economic situation of the citizens of Russia and Ukraine, there was determined the poverty line in monetary terms. It was concluded that the payment of court expenses, including costs associated with judicial fees, payment for translation services, legal assistance, costs for involving experts, specialists, witnesses, performing forensic expertise for the poor population is a violation of the right to life in an extended understanding of it for the participants in the process whose income level is lower than the monetary value that determines the state of poverty. On the basis of principles of the analogy of law, in comparison with executory process and restrictions of the amount of withholdings from earnings, established by the Code of Laws on Labor, there was proposed a technique for calculating the amount of court expenses depending on the average per capita income. Examples of calculation of installments and exemption from payment of court costs in the existing conditions of Ukraine and Russia as of 01.01.2017 were given.

Keywords: civil process, court expenses, poverty, taking into account of financial situation, exemption from payment, installments.

УДК 347.1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

© **Ж. Т. Ламбаев**

преподаватель,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: lambdaev2010@yandex.ru

Речь идет об участии государства в хозяйственных обществах по российскому гражданскому законодательству. Автор исходит из того, что особенности корпоративных правоотношений с участием государства проявляются как в содержании соответствующих прав государства, так и в правовом положении самих обществ, в которых государство является акционером (участником). В тезисной форме публикуются основные выводы, к которым автор пришел в результате своего исследования. Наряду с этим им выделяются категории специальных прав и контролирующих прав государства как участника хозяйственных обществ.

Ключевые слова: хозяйственные общества с государственным участием, акционерные общества, исключение участника из хозяйственного общества, корпоративный договор, специальные права, контролирующие права, «золотая» акция.

В российском гражданском праве отношения с участием государства традиционно выводятся из общих норм и правил. Корпоративные правоотношения вряд ли составляют исключение. Это проявляется как в содержании соответствующих прав государства, так и в правовом положении самих обществ, в которых государство является акционером (участником). Ниже в тезисной форме будут приведены некоторые особенности корпоративных отношений с участием государства и предложения автора по оптимизации правового регулирования и правоприменения в соответствующих правоотношениях.

1. Очевидно, что участие государства в хозяйственных обществах невозможно рассматривать в отрыве от его особенностей как субъекта права. Центральное значение применительно к обсуждаемой проблеме имеет категория публичных интересов, поскольку от нее зависит сама концепция правового регулирования участия государства в хозяйственных обществах.

Публичные интересы формируют правовое положение государства как участника хозяйственных обществ, ими обосновывается специфический правовой режим, в котором находятся хозяйственные общества с государственным участием, а также права и обязанности государства как акционера (участника). Вместе с тем в условиях частноправовых отношений интерес государства при участии в хозяйственных обществах является публичным по содержанию и частным по форме.

В то же время в ситуации законодательной неопределенности, отсутствия какой-либо системы, определяющей степень и характер участия государства в хозяйственных обществах, идея о том, что хозяйственные общества с государственным участием должны создаваться исключительно для выполнения публичных задач, является идеальной конструкцией, не имеющей норматив-

ного закрепления. Поэтому следование публичным интересам представляет скорее исходное доктринальное положение, нежели конкретную правовую норму. Следовательно, участие Российской Федерации в хозяйственных обществах возможно как в специальном порядке, так и в соответствии с общими нормами ГК РФ¹ и других законов. В последнем случае государство лишается каких-либо преимуществ и его участие не должно отражаться на правовом положении хозяйственного общества.

Иначе говоря, основания возникновения прав участия государства в хозяйственных обществах могут быть как общими, так и специальными (предусмотренными исключительно для государства). Приватизация государственного имущества рассматривается не как единственное, а как одно из нескольких оснований возникновения прав участия государства в хозяйственных обществах.

2. Особенности имеет и осуществление государством корпоративных прав. Так, должна быть поставлена под сомнение возможность исключения государства из хозяйственного общества [подробнее об этом см.: 3, с. 70 и след.]. Разумным видится правило, что иск об исключении государства подлежит удовлетворению, если будет доказано, что при реализации специальных (дополнительных) прав ответчик действовал исключительно с намерением причинить вред обществу или остальным участникам (акционерам) общества. С помощью такой оговорки процессуального свойства, думается, можно ограничить случаи злоупотребления правами от случаев правомерной реализации государством своих прав. Последовательный подход к проблеме заставляет прийти к выводу о том, что удовлетворение иска об исключении участника означает прекращение «золотой» акции, поскольку последняя возможна лишь при наличии у государства 10% акций.

Следует далее предположить, что Российская Федерация не может быть стороной корпоративного договора. Вместе тем этот вывод, носящий пока что предположительный характер, в настоящее время вряд ли может претендовать на роль постулата. В случае установления соответствующего законодательного запрета следует предусмотреть, что заключение органом государственной власти корпоративного договора вопреки установленному запрету не влечет недействительности для его остальных участников, если можно предположить, что договор был бы заключен без участия в нем Российской Федерации (ст. 180 ГК РФ). По тем же причинам (необходимость обеспечения публичных интересов) преследуемые государством цели при его участии в хозяйственных обществах снимают вопрос о заинтересованности государства в совершении сделки, поскольку у государства априори отсутствует личная заинтересованность в той или иной сделке [подробнее об этом см.: 1, с. 117].

Обосновывается, что правовой режим акций (долей) хозяйственных обществ с госучастием отличается от правового режима акций (долей), находящихся в частной собственности. Его особенности могут проявляться, в частности, в ограничении оборотоспособности акций (долей), установлении механизма согласования сделок по их отчуждению с органами государственной

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

власти, в запрете некоторых сделок с акциями (долями) хозяйственных обществ с госучастием (залог, отчуждение по безвозмездной сделке), установлении количественного минимума в том или ином хозяйственном обществе.

3. Представляется, что ввиду недопустимости ответственности публично-правового образования по чужим долгам (ст. 126 ГК РФ) строго ограниченного применения требуют организационно-правовые формы юридических лиц, допускающие возложение субсидиарной ответственности государства по долгам юридического лица. Поэтому исключается участие государства в производственных кооперативах и в хозяйственных товариществах.

Таким образом, систему коммерческих организаций с участием государства образуют: а) акционерные общества; б) общества с ограниченной ответственностью; в) государственные унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения; г) казенные предприятия.

Ответственность государства по долгам унитарных предприятий может быть обоснована тем, что государство, создавая предприятие, а) сохраняет вещные права на передаваемое имущество; б) имеет широкие правомочия по управлению предприятием. Фактически, у предприятия нет той самостоятельности, которая характерна для других форм юридических лиц, поэтому ее отсутствие должно компенсироваться возложением ответственности на учредителя унитарного предприятия.

Приоритетной формой участия государства в коммерческих организациях выступают хозяйственные общества, поскольку они могут быть использованы как для непосредственного осуществления хозяйственной деятельности, так и для управления государственными активами. Среди хозяйственных обществ наиболее предпочтительна для участия государства форма акционерных обществ. Общества с ограниченной ответственностью на базе государственного имущества могут создаваться там, где нет строгой необходимости в создании акционерного общества. Они подходят для осуществления коммерческой деятельности относительно небольших масштабов, узких видов деятельности, а также для случаев, когда государство является единственным участником и при этом не планируется их дальнейшее отчуждение.

4. Видится, что участие государства в хозяйственных обществах может быть прямым, косвенным и смешанным. При этом признаками косвенного участия могут быть: а) преобладающее участие или иная возможность определять решения основного общества, которое, в свою очередь, обладает такой же возможностью по отношению к дочернему обществу; б) наличие фактической возможности определять решения, а также давать обязательные указания унитарному предприятию (учреждению) (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ); в) закрепление за государством комплекса организационно-управленческих правомочий, предоставляемых «золотой» акцией.

Косвенное участие государства в хозяйственном обществе может служить основанием возложения на него имущественной ответственности как контролирующего лица в соответствии с нормами ГК РФ и других законов.

5. Правовой статус государства как участника (акционера) формируется за счет как общих, так и специальных прав. Иначе говоря, права государства представляют собой совокупность прав, принадлежащих всякому участнику, и специ-

альных, дополнительных прав. Существование специальных прав государства объясняется необходимостью обеспечения публичных интересов. Поэтому в тех случаях, когда участие публично-правового образования в хозяйственных обществах этими целями не связано, последнее лишается возможности применения соответствующих специальных прав. При этом реализация государством специальных прав должна быть поставлена в известные рамки, в т. ч. путем установления признаков специальных прав. К их числу относятся: а) исчерпывающий перечень специальных прав государства и императивность их содержания; б) обусловленность специальных прав государства публичными интересами; в) применение специальных прав исключительно в тех пределах, которые заданы законодательством об участии государства в хозяйственных обществах; г) приоритет специальных прав государства над корпоративными правами остальных участников (акционеров); д) недопустимость отчуждения (непередаваемость) специальных прав. Специальные права государства как участника хозяйственных обществ могут быть разделены на две группы:

а) права, направленные на обеспечение управления хозяйственным обществом. Эта группа включает в себя «золотую» акцию, в составе которой можно выделить самостоятельные элементы (в частности, право на получение информации, обладающее некоторыми особенностями применительно к «золотой» акции);

б) права, направленные на обеспечение имущественных интересов государства как участника хозяйственных обществ. В эту группу входит право на сохранение доли в уставном капитале, а также права, связанные с осуществлением контроля над имущественным положением хозяйственного общества.

6. В целях установления баланса интересов участников корпоративных отношений, правильным шагом было бы ограничение «золотой» акции минимальным пределом акций в уставном капитале соответствующего общества. Количественное значение этого показателя может обсуждаться, справедливым же представляется 10%-ный минимальный предел количества акций.

Возникновение и прекращение специального права («золотой» акции), связываемое с изданием Правительством Российской Федерации соответствующего акта, является неудачным. Требованиям гражданского оборота в большей мере отвечала бы идея приурочить возникновение и прекращение «золотой» акции к моменту внесения соответствующих записей в ЕГРЮЛ. Предлагается внедрить механизм, позволяющий суду прекратить действие «золотой» акции, если отпали основания ее установления (ч. 1 ст. 38 Закона о приватизации¹). Этот механизм построен по модели иска о прекращении правоотношения (ст. 12 ГК РФ). Требование о прекращении специального права «золотой» акции может быть предъявлено как участниками общества, так и самим обществом. Решение суда должно иметь для «золотой» акции правопрекращающий эффект.

Таким образом, с позиций дальнейшего развития законодательства об участии государства в хозяйственных обществах, в перечень оснований прекращения «золотой» акции следует включить:

¹ О приватизации государственного и муниципального имущества: федер. закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

1) решение Правительства РФ (уполномоченного органа государственной власти субъекта РФ) о прекращении «золотой» акции — с момента внесения записи в ЕГРЮЛ о прекращении специального права;

2) приобретение государством акций, в результате которого их количество превышает 25% от общего количества акций, — с момента приобретения соответствующего количества акций;

3) отчуждение государством акций, в результате которого их количество не превышает 10% от общего количества акций, — с момента отчуждения соответствующего количества акций;

4) решение суда о прекращении специального права, а равно об исключении государства из хозяйственного общества — с момента вступления решения суда в законную силу.

7. «Золотая» акция и право на сохранение доли являют собой разные средства достижения одной цели. В случае с «золотой» акцией речь идет о косвенном контроле, когда публично-правовое образование вправе блокировать решение общего собрания акционеров (негативный контроль). Напротив, право на сохранение доли обеспечивает прямой контроль путем сохранения контрольного или блокирующего пакета акций общества и предоставления соответствующего количества голосов (позитивный контроль). Право государства на сохранение доли одновременно выступает его обязанностью сохранить объем своего участия и внести имущество в оплату своей доли. Таким образом, право на сохранение доли — это своеобразный правовой режим акций, находящихся в публичной собственности.

Внутри прав государства, обеспечивающих имущественные интересы государства, предлагается выделение категории контролирующих прав, целью которых является контроль над имуществом хозяйственного общества корпорации. В эту группу входят права государства, связанные с одобрением крупных сделок и сделок с заинтересованностью (по общим правилам корпоративного права); одобрением сделок стратегического акционерного общества, направленных на отчуждение (создающих возможность отчуждения) акций, внесенных Правительством РФ или уполномоченным органом в уставный капитал данного общества; определением цены (денежной оценки) имущества, цены размещения эмиссионных ценных бумаг общества, цены выкупа акций общества.

Литература

1. Грищенко О. И. Участие государства в акционерных обществах: правовые проблемы: дис. ... канд. юр. наук. М., 2014. 203 с.
2. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014. 141 с.

CIVIL-LAW ASPECTS OF STATE PARTICIPATION IN ECONOMIC SOCIETIES

Zh. T. Lambaev

Teacher of the Chair of Civil Law and Process

Buryat State University

24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: lambaev2010@yandex.ru

In this report, the author is talking about the state's participation in companies under Russian civil law. The author proceeds from the fact that the peculiarities of corporate legal relations with the participation of the state are manifested both in the content of the relevant state rights and in the legal status of the societies in which the state is a shareholder (participant). In the abstract form the author publishes the main conclusions to which he came as a result of his research. Along with this, the author singles out the categories of «special rights» and «controlling rights» of the state as a participant of companies.

Keywords: state-owned companies, joint stock companies, exclusion of a shareholder from the company, shareholders agreements, special rights, controlling rights, golden share.

УДК 347.4

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ**

© **Т. А. Чмелева**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: tschmelewa@mail.ru

Представительство является важнейшим институтом гражданского права, характерными особенностями которого являются обязанность представителя лично совершать действия, предоставленные ему по доверенности; запрет на совершение через представителей сделок, требующих личного участия лица, совершающего сделку; возможность передоверия; срочный характер отношений представительства; требование соблюдать форму доверенности и установленных реквизитов; строгое перечисление оснований прекращения полномочий представителя; ответственность представителя за совершенные по доверенности действия; совершение представителем сделки или действия в интересах представляемого и возникновение у последнего прав и обязанностей по такой сделке (действию). Обычно полномочия представителя оформляются доверенностью или договором поручения. В статье рассмотрены отдельные аспекты института представительства по законодательству России, Китая и Монголии, такие как виды, основания возникновения, требования к дееспособности представителя. Автором выявлены некоторые общие и отличительные черты в правовом регулировании представительства в названных странах.

Ключевые слова: институт представительства, представительство по договору, доверенность, агентский договор, агент.

Институт представительства, известный еще со времен римского права, является необходимым элементом системы гражданского права любого государства, однако в каждой стране он обладает определенными особенностями.

Актуальность исследования специфики института представительства в Китае и Монголии в первую очередь обусловлена их территориальной близостью к Российской Федерации, предопределившей активное взаимодействие наших стран в торговой и иных сферах. Кроме того, в настоящее время законодательство России, Монголии и Китая, входивших в прошлом веке в семью стран социалистического права, приобретает большую индивидуальность, сохраняя и общие черты, что вызывает потребность в изучении основных тенденций развития законодательства наших стран в сравнительном аспекте не только с научной, но и с прикладной целью, в т. ч. для выявления потенциальных возможностей совершенствования отечественного законодательства.

Правовое регулирование различных аспектов представительства в России, Китае и Монголии осуществляется рядом нормативных актов, однако в каждой из перечисленных стран основным источником является кодифицирован-

ный акт (в Китае общие положения вступили в действие 1 октября 2017 г.)¹, содержащий нормы двух видов представительства — на основании закона и по договору (в ст. 64 Общих положений гражданского права КНР 1986 г.², в отличие от общих принципов Всеобщего гражданского кодекса КНР, вступивших в действие с 1 октября 2017 г., помимо перечисленных назван еще один вид представительства — по назначению, который в России и Монголии в определенной степени охватывается понятием представительства по закону). К первому относится представительство родителей, усыновителей, опекунов, а в России³ и Монголии еще и попечителей⁴; ко второму — лиц, действующих в интересах представляемого на основании доверенностей и иных сделок. В настоящее время предельный срок действия доверенности установлен только в Монголии — три года, если в доверенности не указан срок ее действия, то и в России, и в Монголии такая доверенность будет действительна в течение года.

И в России, и в Монголии, и в Китае законодательно закреплены общие положения о представительстве по соглашению, при этом основные его характеристики идентичны: обязанность представителя лично совершать действия, предоставленные ему по доверенности; запрет на совершение через представителей сделок, требующих личного участия лица, совершающего сделку; возможность передоверия; срочный характер отношений представительства; требование соблюдать форму доверенности и установленных реквизитов; строгое перечисление оснований прекращения полномочий представителя; ответственность представителя за совершенные по доверенности действия; совершение представителем сделки или действия в интересах представляемого и возникновение у последнего прав и обязанностей по такой сделке (действию).

Правовое регулирование представительства в Китае претерпело определенные изменения с введением в действие с 1 октября 2017 г. общих принципов гражданского права, содержащих главу VII, посвященную осуществлению юридических действий через агента. Место этой главы в общих положениях, а также отдельные характеристики (широкое понимание представительства, распространение действия норм главы VII на представительство законное, договорное и возникающие из обстановки и др.) свидетельствуют о тенденции к изменению законодательства по соответствующей англо-американской модели.

¹ Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinalaw.gov.cn> (дата обращения: 28.09.2017).

² Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 14.09.2017).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.08.2017).

⁴ Гражданский кодекс Монголии [Электронный ресурс]. URL: <http://mongolnow.com> (дата обращения: 11.09.2017).

По содержанию нормы о деятельности агентов, регулируемой гл. VII Общих принципов гражданского права Китайской Народной Республики, отличаются от норм, посвященных агентированию в России. При сравнении двух основных источников, регулирующих договорные отношения (ч. 2 Гражданского кодекса в России и закон «О договорах» в Китае¹), можно обнаружить, что в Китайской Народной Республике закон «О договорах» не содержит норм об агентском договоре, но по предмету и содержанию к нему близки названные в этом нормативном акте договор о посредничестве, поручение и комиссия. По договору о посредничестве посредник сообщает давшей поручение стороне о благоприятных обстоятельствах для заключения договора либо предоставляет посреднические услуги в целях заключения договора (ст. 424 закона «О договорах»). По договору поручения, заключенному между доверителем и поверенным, поверенный исполняет поручения доверителя (ст. 396 закона «О договорах»). Доверитель может поручить поверенному исполнить одно или несколько поручений, а также все поручения, которые последуют (ст. 397 закона «О договорах»). По договору комиссии комиссионер от своего имени занимается коммерческой деятельностью в интересах комитента, а комитент выплачивает ему вознаграждение (ст. 414 закона «О договорах»).

Очевидно, что ни один из перечисленных договоров не идентичен агентскому, на основании которого агенту поручается совершение юридических и иных действий от своего имени или от имени принципала, но всегда в интересах и за счет последнего, хотя отдельные аспекты агентской деятельности в законодательстве Китайской Народной Республики отражены, например, в законе «О проведении тендеров»², законе «О карантине при ввозе и вывозе животных и растений»³, законе «О внешней торговле»⁴, законе «О рекламе»⁵, законе «О торговом мореплаваннии»⁶. Следует отметить, что нормы об агентах и агентской деятельности в перечисленных актах носят специальный характер, и при этом нельзя сказать, что они охватывают все вопросы деятельности агентов. Напри-

¹ О договорах: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 14.09.2017).

² О проведении тендеров: закон КНР (принят на 11-й сессии Постоянного комитета ВСНП 9-го созыва) [Электронный ресурс]. URL: studychinese.ru (дата обращения: 05.10.2017).

³ О карантине при ввозе и вывозе животных и растений: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsvps.ru> (дата обращения: 30.09.2017). О внешней торговле: закон КНР (принят 12 мая 1994 г. 7 заседанием ПК ВСНП 8 созыва) [Электронный ресурс]. URL: www.russchinatrade.org (дата обращения: 17.09.2017).

⁴ О внешней торговле: закон КНР (принят 12 мая 1994 г. 7 заседанием ПК ВСНП 8 созыва) [Электронный ресурс]. URL: www.russchinatrade.org (дата обращения: 17.09.2017). О рекламе: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 25.08.2017).

⁵ О рекламе: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 25.08.2017).

⁶ О торговом мореплаваннии: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 17.09.2017).

мер, в законе «О проведении тендеров» в ряде статей упоминаются агентские организации и агенты по проведению тендера, устанавливаются требования, которым они должны соответствовать, и называются отдельные полномочия; указывается, что их компетенция определяется Госсоветом КНР или соответствующим административным органом, однако пределы полномочий агентов в этом законе не определены, отсутствует и характеристика основания возникновения правоотношений с этими субъектами.

В законодательстве Китая особо нужно обратить внимание на уведомление Министерства общественной безопасности КНР и Государственного управления торгово-промышленной администрации КНР «О запрете на создание компаний по взысканию долгов»¹, в соответствии с которым на территории Китая, в отличие от России, запрещена деятельность коллекторских агентств. Конечно, такой запрет имеет как положительные, так и отрицательные стороны, однако учет российским законодателем опыта его применения был бы очень полезен.

Что касается соглашений, на основании которых одно лицо может представлять интересы другого лица, то их виды и содержание в России, Китае и Монголии разнятся. В России поименованными в кодексе такого рода договорами являются поручение, комиссия, агентирование, а также, с определенными оговорками, доверительное управление имуществом и транспортная экспедиция. Кроме того, в ч. 1 ГК РФ отдельным видом рассматриваемого института названо коммерческое представительство. В Монголии это договор поручения, договор доверения имущества, договор экспедиции, договор посредничества (с подвидами — торговое представительство и комиссия). В Китае в законе «О договорах» названы договор поручения, договор комиссии, договор о посредничестве, договор комбинированной перевозки.

Следует отметить, что с точки зрения российского законодателя не все перечисленные соглашения можно отнести к влекущим возникновение отношений представительства, поскольку ч. 2 ст. 182 ГК РФ² отграничивает представителей от иных лиц: а) действующих хотя и в чужих интересах, но от собственного имени; б) лиц, лишь передающих выраженную в надлежащей форме волю другого лица; в) лиц, уполномоченных на вступление в переговоры относительно возможных в будущем сделок. Если взять за основу это нормативное положение, то не влекут возникновение представительских отношений договоры комиссии, доверительного управления имуществом (в Монголии — доверения имущества), о посредничестве в КНР и другие договоры, в которых действующее в интересах иного субъекта лицо лишь содей-

¹ Уведомление Министерства общественной безопасности КНР и Государственного управления торгово-промышленной администрации КНР «О запрете на создание компаний по взысканию долгов» [Электронный ресурс]. URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinaeconomiclaw/china_debt_collection_prohibition (дата обращения: 26.09.2017).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2017).

ствуется возникновению правоотношения между другими контрагентами или выступает от своего имени.

В России и Китае требования к дееспособности представителя не конкретизированы, монгольский же законодатель допускает возможность назначения по доверенности представителей частично правоспособных, а также с ограниченной дееспособностью. Отсутствие такого указания в ГК Китая и России не означает невозможность подобного явления в наших странах, поскольку для этого нет прямого запрета, а для представителя требуется такой объем дееспособности, который необходим для совершения предусмотренной доверенностью сделки или действия и ответственности по ним.

Прекращение представительства в Китае, Монголии и России происходит по тождественным основаниям: прекращение представительства по закону в случае приобретения представляемым полной дееспособности, прекращение доверенности или договора, на основании которых возникло представительство. Такие обстоятельства, как утрата представляемым или представителем дееспособности, смерть представляемого или представителя, невозможность исполнить поручение, в законодательстве рассматриваемых стран имеют равное значение.

Следует отметить, что понимание сущности представительства в России, Монголии и Китае в целом идентично, поэтому правовое регулирование этого института имеет много общих черт, однако в Китае наблюдается тенденция к сближению с западноевропейскими правилами в этой области. Каким образом это отразится на развитии законодательства этой страны и поиске новых правовых форм, пока не совсем понятно. Но, поскольку китайский законодатель достаточно взвешенно вносит изменения в правовые акты, а внедряя новое, не отказывается сразу от проверенных временем правил регулирования общественных отношений, мы предполагаем, что нынешняя редакция положений о представительстве в новом законодательном акте Китая¹ не будет окончательной. Достаточно вероятно, что ряд норм из Общих положений гражданского права КНР² найдет закрепление в новом правовом акте, поскольку содержащиеся в нем нормы о представительстве сформулированы общим образом, что применение их на практике неизбежно вызовет много вопросов. В правовом регулировании представительства в России и Монголии, на наш взгляд, возможны изменения в части ответственности представителей.

Литература

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. Т. 1. 511 с.
2. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 960 с.

¹ Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinalaw.gov.cn> (дата обращения: 28.09.2017).

² Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения: 14.09.2017).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CERTAIN ASPECTS OF THE INSTITUTION OF REPRESENTATION UNDER THE LAWS OF RUSSIA, CHINA AND MONGOLIA

T. A. Chmelyova

Senior Lecturer,
Buryat State University,
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: tschmelewa@mail.ru

Representation is a fundamental institution of civil law, the characteristic features of which are obliged to personally perform the actions granted to him by proxy; a ban on making through representatives of the deals, requiring the personal participation of the party to the transaction; the possibility of substitution; the urgent nature of the relationship of representation; the requirement to comply with the form of proxy and the established details; a strict enumeration of the grounds for termination of powers of the representative; liability of the representative for any subsequent power of attorney act; the Commission representative transactions or actions in the interests of the present and the emergence of the latter's rights and obligations under such a transaction (action). Usually the representative's authority executed power of attorney or contract of Agency. In the article some aspects of the institution of representation under the legislation of Russia, China and Mongolia are considered, such as types, grounds of origin, requirements for the representative's capacity. The author identifies some common and distinctive features in the legal regulation of representation in these countries.

Keywords: institute of representation, representation under the contract, power of attorney, agency contract, agent.

УДК 343.985.3

**К ВОПРОСУ О ТИПИЧНЫХ СУДЕБНЫХ СИТУАЦИЯХ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАЕЗДАМИ НА ПЕШЕХОДОВ,
И РЕКОМЕНДАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБВИНИТЕЛЮ
ПО ИХ РАЗРЕШЕНИЮ**

© **К. С. Латыпова**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: krista.100@mail.ru

Рассматриваются судебные ситуации по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов, даются рекомендации государственному обвинителю по наиболее эффективному их разрешению. Автор рассматривает типичную судебную ситуацию, когда подсудимый не согласен с заявленным гражданским иском полностью или в какой-либо части; типичную ситуацию, когда кто-либо из участников судебного разбирательства инициирует изменение обвинения; а также типичную судебную ситуацию, когда стороной либо судом инициируется прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. По обозначенным и наиболее распространенным ситуациям предлагается алгоритм рекомендаций для государственных обвинителей, которые иллюстрируются примерами из судебной следственной практики. В заключение статьи автор также предлагает читателям обратиться к работам ученых, которые ранее предложили комплекс рекомендаций для государственных обвинителей по разрешению судебных ситуаций и более подробно на страницах своих работ раскрывают их содержательную сторону.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, дорожно-транспортные преступления, типичные судебные ситуации, криминалистические рекомендации.

По данным Всемирной организации здравоохранения, травмы, полученные в результате дорожно-транспортных происшествий, занимают восьмое место в списке основных причин смертности в мире и являются главной причиной смерти молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. При этом ежегодно на дорогах мира погибают свыше 1 млн чел., а ущерб, причиняемый этими ДТП, достигает миллиардов долларов¹. В нашей стране ежегодно совершается огромное количество дорожно-транспортных происшествий, в результате которых причиняется вред здоровью². Однако особую остроту в последнее время вызывает проблема наездов на пешеходов. Многие из таких происшествий совершаются в состоянии алкогольного опьянения и вызывают серьезный общественный резонанс.

¹ Global status report on road safety 2013: supporting a decade of action. World health organization [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2013/report/ru (дата обращения: 12.11.2016).

² URL: <https://www.gibdd.ru> (дата обращения: 24.10.2016).

Вместе с тем до настоящего времени все еще недостаточно внимания уделяется созданию системы криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов. С учетом этого считаем возможным обратить внимание на типичные судебные ситуации, наиболее характерные и распространенные при рассмотрении судом уголовных дел о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов, и предложить государственному обвинителю рекомендации по разрешению таких ситуаций.

1. Типичная судебная ситуация, когда подсудимый не согласен с заявленным гражданским иском полностью или в какой-либо части. Как известно, по рассматриваемой нами категории уголовных дел всегда причиняется физический и моральный, а в отдельных случаях и имущественный вред (например, если у пешехода в момент наезда находились планшет, телефон, ноутбук, он был одет в дорогую шубу и пр., а в результате ДТП эти вещи пришли в негодность). В соответствии с действующим законодательством потерпевший может предъявить требование о возмещении ему вреда, причиненного в результате совершения преступления (ст. 44 УПК РФ).

Вместе с тем важно обратить внимание на типичность ситуации, когда потерпевший необоснованно завышает требования о компенсации вреда, причиненного ему в результате совершения преступления. На это в рамках интервьюирования указали 62% респондентов¹. При наличии такой ситуации, полагаем, государственный обвинитель в целях обеспечения законности при производстве по уголовному делу должен обратить на это внимание суда.

Несмотря на то, что по уголовным делам о преступлениях, квалифицируемых по ст. 264 УК РФ, лицо, подвергающееся уголовному преследованию, как правило, признает свою вину, тем не менее часто не соглашается с заявленными гражданским истцом требованиями полностью или в какой-либо части. В случае если подсудимый полностью отказывается признать гражданский иск, государственному обвинителю рекомендуется уточнить его причины. Как показало анкетирование прокуроров, чаще всего такая позиция бывает вызвана тем, что: гражданский истец увеличил сумму гражданского иска, по сравнению с той, что была им заявлена в ходе предварительного следствия (82% опрошенных); подсудимый не согласен с исковыми требованиями, поскольку, по его мнению, они являются завышенными (32% опрошенных); подсудимый к моменту судебного разбирательства уже выплатил всю сумму (4% опрошенных).

При наличии любого из обозначенных мотивов отказа признать гражданский иск государственному обвинителю следует оценить обоснованность заявлений гражданского истца и подсудимого, подтвердить их позиции имеющимися материалами дела, вновь представленными в судебном заседании материалами (при наличии последних).

¹ URL: <https://www.gibdd.ru> (дата обращения: 24.10.2016).

Так, если требования гражданского истца обоснованны, рекомендуется донести до подсудимого соответствующие аргументы, подтвердить их фактами из числа доказательств по уголовному делу. Например, если иск увеличен на сумму, подтверждающую расходы на восстановление здоровья потерпевшего, вряд ли подсудимый будет их оспаривать (если ранее он признавал гражданский иск полностью).

В случае увеличения суммы в счет компенсации вреда (морального, физического) рекомендуем выяснить у потерпевшего, с чем именно связано увеличение требований в этой части. Если будет установлено, что требования гражданского истца завышены необоснованно, государственному обвинителю рекомендуется напомнить этому участнику уголовного судопроизводства, что по каждому предъявленному в уголовном деле гражданскому иску суд обязан принять процессуальное решение (п.10 ч.1 ст. 299 УПК РФ). При условии явно завышенных требований гражданского истца суд вправе удовлетворить иск лишь в какой-то части либо оставить его без рассмотрения. Хотя, безусловно, при принятии таких решений потерпевший может заявить иск в рамках гражданского судопроизводства. При этом потерпевшему рекомендуется пояснить, что заявление и рассмотрение иска в гражданском процессе потребует от потерпевшего, как минимум, дополнительных временных затрат.

Указанные разъяснения государственный обвинитель вправе сделать публично в зале судебного заседания либо наедине с потерпевшим. Последнее возможно, поскольку пленум Верховного суда РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»¹ разъяснил, что согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ потерпевший, его законный представитель и представитель относятся к участникам судопроизводства со стороны обвинения, поэтому суд вправе при наличии к тому оснований удовлетворить ходатайство государственного обвинителя в судебном заседании о предоставлении ему возможности согласовать свою позицию с этими лицами (п. 14).

В любом случае нельзя допустить давления на потерпевшего с целью принятия им того или иного решения. Разъяснить не значит принудить. Государственный обвинитель должен помнить, что любое решение должно быть принято потерпевшим самостоятельно, путем взвешенного подхода, на основе знания норм действующего законодательства и практики его применения. В случае если потерпевший продолжает настаивать на удовлетворении суммы, указанной в гражданском иске (которая является явно завышенной), государственному обвинителю рекомендуется с целью соблюдения законности при производстве по уголовному делу, излагая суду свое мнение по существу рассматриваемого гражданского иска, указать на желательность удовлетворения его лишь в какой-то части (указать в какой именно части и почему) либо оставить его без рассмотрения.

¹ Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. 09.02.2012) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2016).

В контексте исследуемого вопроса важно обратить внимание на следующее. Типична ситуация, когда по уголовным делам о наезде на пешехода гражданский иск следует заявлять не только по отношению к подсудимому, но и к другим лицам, например страховой компании, медицинскому учреждению, в котором скончался пострадавший пешеход, ввиду того, что ему не была оказана надлежащая медицинская помощь.

Так, гр. К. совершил наезд на пешехода Р., в результате чего последней был причинен тяжкий вред здоровью и она была доставлена в ЦРБ Александровского района Томской области. В больнице Р. умерла, согласно заключению СМЭ № 242 от 8 февраля 2013 г., по вине врачей. Однако требования о компенсации морального вреда в связи со смертью Р. ее дочери гр. С. (признанной потерпевшей по уголовному делу и заявившей гражданский иск), первоначально предъявлены гр. К. Суд первой инстанции требования гражданского истца удовлетворил. В дальнейшем суд апелляционной инстанции указал, что исковые требования следует предъявлять к ЦРБ Александровского района Томской области¹.

При наличии приведенной и иных сходных с ней ситуаций государственному обвинителю рекомендуется разъяснять потерпевшему особенности заявления гражданского иска, обозначая субъектов, к которым он должен быть предъявлен.

2. Типичная ситуация, когда кто-либо из участников судебного разбирательства инициирует изменение обвинения. Как правило, изменение обвинения инициируют: 1) потерпевший, настаивающий на необходимости вменения подсудимому такого квалифицирующего признака, как совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения; 2) суд, исключая из обвинения названный квалифицирующий признак.

Государственному обвинителю следует внимательно подходить к вопросу о наличии или отсутствии в действиях подсудимого указанного квалифицирующего признака. Следует помнить, что проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ). Несмотря на это казалось бы известное каждому профессиональному участнику уголовного судопроизводства правило, именно неверная квалификация действий лица, подвергающегося уголовному преследованию, является одним из наиболее распространенных оснований к отмене или изменению приговора суда первой инстанции судом второй инстанции.

Так, в ходе исследования нами было изучено 87 решений судов апелляционной инстанции. В 44 случаях (50,5%) пересмотр не вступившего в законную силу приговора суда инициировался только потерпевшим или как потерпевшим, так и иными лицами (защитником, осужденным, государственным обвинителем и т. п.). При этом в 32 случаях (36%) потерпевшие обжалуют решение суда, в т. ч. в связи с тем, что суд либо не принял во внимание об-

¹ Уголовное дело 22-1196/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rospravosudie.com> (дата обращения: 15.09.2016).

стоятельства, указывающие на то, что осужденный в момент ДТП находился в состоянии опьянения, либо не согласны с тем, что суд, по их мнению, ошибочно исключил из обвинения ранее вменяемый подсудимому квалифицирующий признак — совершение преступления «лицом, находящимся в состоянии опьянения». В 20 случаях (22%) жалобы потерпевших в этой части становились основанием для отмены или изменения приговора.

С учетом изложенного государственному обвинителю рекомендуется активно участвовать в исследовании обстоятельств произошедшего события с целью установления наличия/отсутствия обозначенного квалифицирующего признака.

С этой целью рекомендуется:

- допросить подсудимого (при этом следует иметь в виду, что подсудимый может утверждать, что принял, например, алкогольные напитки или медикаменты, содержащие алкоголь, уже после ДТП);

- допросить потерпевшего о том, кто может подтвердить, что подсудимый в момент совершения ДТП находился в состоянии опьянения;

- допросить свидетелей-очевидцев относительно наличия/отсутствия у водителя состояния опьянения в момент наезда на пешехода; допросить иных свидетелей, которым может быть известно, употреблял ли подсудимый алкогольные напитки, наркотические, иные вещества (жидкости и др.), вызывающие состояние опьянения. С этой целью перед судом может быть заявлено ходатайство о вызове в суд ранее не заявленных свидетелей, которым известны важные для установления обстоятельств совершенного ДТП сведения;

- оценить результаты освидетельствования, установить, какова продолжительность времени между наездом на пешехода и проведенным освидетельствованием; при необходимости вызвать в суд и допросить специалистов с целью установления наличия/отсутствия у водителя состояния опьянения в момент наезда на пешехода;

- изучить иные документы, например собственноручно написанное объяснение подсудимого, составленное им после совершенного ДТП, объяснения свидетелей, протоколы осмотра места происшествия и пр. Изучение содержания этих документов может способствовать установлению состояния, в котором находился водитель. Это особенно актуально для случаев, когда опьянение (в т. ч. возникшее в результате употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ) у водителя визуально констатировалось сотрудниками правоохранительных органов, свидетелями-очевидцами, потерпевшим и т. п., а в ходе освидетельствования оно не было установлено.

Государственный обвинитель должен стремиться к тому, чтобы ни у него самого, ни у иных участников судебного разбирательства ни осталось сомнений относительно достоверности установления наличия/отсутствия у водителя состояния опьянения в момент наезда на пешехода.

Вместе с тем следует помнить, что согласно ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не

нарушается его право на защиту. В связи с этим, если будет установлено, что подсудимый действительно совершил наезд на пешехода в состоянии опьянения, а этот квалифицирующий признак ранее ему не вменялся, государственному обвинителю рекомендуется ходатайствовать о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

3. Типичная судебная ситуация, когда стороной либо судом инициируется прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Сразу же отметим, что чаще о принятии такого решения ходатайствует сторона защиты. Основаниями прекращения уголовного дела и уголовного преследования лица, которому вменяется совершение деяний, квалифицируемых по ст. 264 УК РФ, являются амнистия, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим.

Так, в случае, если сторона защиты ходатайствует о прекращении уголовного дела, государственному обвинителю рекомендуется установить, действительно ли для этого имеются основания (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ). В связи с этим особенно важно, чтобы в правильности квалификации действий подсудимого не возникало никаких сомнений. Подобного рода сомнения могут иметь место, как минимум, если в ходе досудебного производства (административного расследования) допущены ошибки/нарушения закона, выявленные на судебных стадиях. Если сторона защиты ходатайствует об освобождении подсудимого от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, необходимо установить, действительно ли имеет место совокупность условий, указанных в ст. 75 УК РФ. При этом следует руководствоваться разъяснениями пленума Верховного суда РФ, данными в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее постановление пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»)¹, согласно которым «по смыслу ч. 1 ст. 75 УК РФ освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии)» (п. 4).

В случае заявления ходатайства о прекращении уголовного дела и об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с

¹ Постановление пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 15.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2016).

потерпевшим, следует помнить, что удовлетворение такого ходатайства возможно только по делам о преступлениях небольшой и средней степени тяжести при обязательном выполнении двух условий: примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

При решении вопроса о возможности прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования на основании ст. 25 УПК РФ суду надлежит проверить добровольность и осознанность заявления о примирении потерпевшего, являющегося физическим лицом, а также наличие полномочия у представителя организации (учреждения) на примирение (п. 22 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»)¹. В этой связи следует удостовериться, что подсудимый действительно совершает и/или в дальнейшем намерен совершать действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного в результате совершения преступления.

При наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) рекомендуется установить, в полной ли мере подсудимому и потерпевшему понятно содержание этих нормативных требований.

В любом случае государственному обвинителю следует помнить, что при наличии оснований для прекращения уголовного дела подсудимому необходимо разъяснить юридические последствия принятия такого решения судом, а также выяснять, согласен ли этот участник уголовного судопроизводства на прекращение уголовного дела (п. 15, ч. 4. ст. 15, п. 21 постановления пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

Будучи ограничены объемом настоящей публикации, мы, безусловно, не можем рассмотреть все типичные ситуации, возникающие в ходе судебных разбирательств по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и безопасности транспортных средств, связанных с наездом на пешеходов [1]. Поэтому обозначили наиболее характерные и распространенные из них. При наличии же иных судебных ситуаций можем рекомендовать обращаться к работам авторов, которые ранее предложили комплекс рекомендаций для государственных обвинителей по разрешению таких ситуаций. Так, при наличии нижеприводимых ситуаций рекомендуем обращаться к работам, например, таких авторов, как А. Н. Вдовин [2, с. 139–147], Д. В. Ким [3, с. 307–334], А. А. Кириллова [4, с. 143–149], А. Е. Хорошева [6, с. 156–195].

¹ Постановление пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 15.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2016).

1. Подсудимый, потерпевший или свидетель изменяют ранее данные ими показания или отказываются от дачи показаний (А. Н. Вдовин, Д. В. Ким, А. А. Кириллова).

2. Когда в судебном заседании выясняется, что подсудимый, потерпевший (при его участии в уголовном деле) не владеет (недостаточно владеет) языком уголовного судопроизводства (А. Н. Вдовин).

3. Когда при рассмотрении уголовного дела судом по существу выявляются ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования или при проведении оперативно-розыскных мероприятий (А. Н. Вдовин).

4. Заявление стороной защиты ходатайств о признании доказательств недопустимыми (А. Е. Хорошева).

5. Подсудимый признает себя виновным полностью; признает себя виновным частично; не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению (Д. В. Ким, А. А. Кириллова).

6. Данные предварительного следствия в суде подтверждаются полностью; данные не подтверждаются; данные подтверждаются частично (Д. В. Ким).

Литература

1. Кисленко И. Л., Кисленко С. Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения: монография. М., 2013. С. 217–232; Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юр. наук. Краснодар, 2008. С. 256–273.

2. Вдовин А. Н. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов (по материалам приграничных регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2015. 245 с.

3. Ким Д. В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: дис. ... д-ра юр. наук. Омск, 2009. 428 с.

4. Кириллова А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ): дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2013. 280 с.

5. Серова Е. Б. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта // Руководство для государственного обвинителя: учеб. пособие / под ред. О. Н. Коршуновой. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. 688 с.

6. Хорошева А. Е. Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах: дис. ... канд. юр. наук. Барнаул, 2011. 253 с.

TYPICAL JUDICIAL SITUATIONS IN CRIMINAL CASES ON VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES ASSOCIATED WITH THE PEDESTRIANS AND RECOMMENDATIONS TO THE PUBLIC PROSECUTOR FOR THEIR RESOLUTION

K. S. Latypova

Lecturer,

Buryat State University

24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: krista.100@mail.ru

The article deals with judicial situations in criminal cases involving traffic accidents involving pedestrians, and gives recommendations to the state prosecutor on the most effective resolution of pedestrian accidents. The author considers a typical judicial situation when the defendant does not agree with the claimed civil claim in full or in any part; a typical situation where one of the participants in the trial initiates a change in the prosecution; as well as a typical judicial situation, when the party or the court initiates the termination of the criminal case on non-rehabilitating grounds. According to the designated and most common situations, an algorithm of recommendations is recommended for public prosecutors, which are illustrated by examples from forensic investigation. In the conclusion of the article, the author also suggests readers will turn to the work of scientists who previously proposed a set of recommendations for state prosecutors on the resolution of court situations and the ballot in detail on the pages of their works disclose their content side.

Keywords: Prosecutor, public Prosecutor, motor vehicle crime, is a typical court situation, forensic recommendations

УДК 343.98

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И КОМИССИИ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО АВИАЦИОННОГО КОМИТЕТА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ АВИАЦИОННЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ**

© **А. А. Митрофанова**

аспирант,

Байкальский государственный университет

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

E-mail: alena_mitrofanova@bk.ru.

Рассматриваются значение, наиболее оптимальные формы и методы, а также некоторые актуальные проблемы взаимодействия следственных органов и комиссии Межгосударственного авиационного комитета (МАК) при расследовании авиационных происшествий. Отмечается, что взаимодействие должно строиться на принципах взаимного уважения и делового сотрудничества, заключаться в постоянном, своевременном и, по возможности, полном взаимном информировании и оказании взаимопомощи (как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах). Автор приходит к выводу о необходимости разработки нормативно-правового документа, детально регламентирующего порядок совместной работы следственных органов и комиссии МАК.

Ключевые слова: расследование авиационных происшествий, воздушный транспорт, взаимодействие, техническое расследование.

В последнее десятилетие на территории Российской Федерации происходит значительное, имеющее тенденцию к увеличению число промышленных, транспортных и других техногенных аварий и катастроф, нередко сопровождающихся большими человеческими жертвами, существенным материальным ущербом и неустраняемым моральным вредом. Особую обеспокоенность вызывают многочисленные нарушения специальных правил нормативно-правового характера (правил техники безопасности, правил эксплуатации и др.), следствием которых зачастую являются и авиационные происшествия.

По каждому авиационному происшествию наряду с предварительным следствием, ведущимся в рамках уголовного процесса, в соответствии с воздушным законодательством Российской Федерации проводится обязательное независимое техническое расследование¹. Данное обстоятельство накладыва-

¹ Термин «техническое расследование» официально не определен и используется исключительно для отделения предварительного следствия от расследования, проводимого в рамках целей, обозначенных приложением 13 к Конвенции о международной гражданской авиации (Чикаго, 1944) и воздушным законодательством Российской Федерации. В последнее время данный термин стал все чаще использоваться в отечественной литературе. См., например: Мулкиджанов И. К. Расследование авиационных происшествий. М. : Изд-во МАИ, 2012. С. 21; Юрьев С. С. Расследование авиационных происшествий в аспекте взаимосвязи уголовно-процессуального и воздушного законодательства // Транспортное право. 2016. № 2. С. 20–23.

ет специфический отпечаток на следственное производство. Поэтому тема взаимодействия следственных органов и комиссии по расследованию авиационного происшествия заслуживает отдельного разговора.

Расследование авиационных происшествий подпадает под действие ст. 26 Конвенции о международной гражданской авиации¹ (Чикаго, 1944 г.). Данная статья налагает на государство, на территории которого имело место происшествие с воздушным судном, повлекшее смерть или серьезные телесные повреждения либо свидетельствующее о серьезном техническом дефекте воздушного судна или аэронавигационных средств, обязательство назначить расследование обстоятельств этого происшествия в соответствии с процедурой, которая может быть рекомендована Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), насколько это допускает его законодательство.

11 апреля 1951 г. советом ИКАО в соответствии со ст. 37 Конвенции были впервые приняты международные стандарты и рекомендуемая практика по расследованию авиационных происшествий и инцидентов, утвержденные в виде приложения 13 к этой Конвенции². В качестве единственной цели расследования авиационного происшествия или инцидента приложение 13 определяет предотвращение их в будущем. Целью этой деятельности не является установление доли чьей-либо вины или ответственности. В связи с этим любое расследование, выполняемое в соответствии с положениями приложения 13, должно проводиться отдельно от любого судебного или административного разбирательства.

В Российской Федерации цели и порядок расследования авиационного происшествия или инцидента установлены гл. 14 Воздушного кодекса РФ и принятыми в исполнение п. 3 ст. 95 ВЗК РФ постановлениями Правительства РФ: от 18 июня 1998 г. № 609 «Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации»³ (ПРАПИ-98); от 2 декабря 1999 г. № 1329 «Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации»⁴ (ПРАПИ-99); от 4 апреля 2000 г. № 303 «Об утверждении правил

¹ Конвенция о международной гражданской авиации: заключена в г. Чикаго 7 декабря 1944 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

² Приложение 13 к Конвенции о международной гражданской авиации. Расследование авиационных происшествий и инцидентов [Электронный ресурс]. URL: http://www.aviadocs.net/icaodocs/Annexes/an13_cons_ru.pdf (дата обращения: 26.04.2017)

³ Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 18 июня 1998 г. № 609 (ред. от 07.12.2011 г.) // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 2918.

⁴ Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 2 декабря 1999 г. № 1329. (ред. от 18.02.2016 г.) // СЗ РФ. 1999. № 50. Ст. 6218.

расследования авиационных происшествий и инцидентов с экспериментальными воздушными судами в Российской Федерации»¹ (ПРАПИ-2000).

Так, в соответствии с п. 2.1.1 ПРАПИ-98 расследование авиационных происшествий с гражданскими воздушными судами РФ и гражданскими воздушными судами иностранных государств на территории РФ организует и проводит Межгосударственный авиационный комитет (МАК) с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и организаций. МАК формирует и назначает комиссию по расследованию авиационного происшествия, которая имеет статус государственной комиссии. Целями расследования авиационного происшествия комиссией МАК являются установление причин происшествия и принятие мер по их предотвращению в будущем. По аналогии с приложением 13 к Конвенции ИКАО установление чье-либо вины и ответственности не является целью такого расследования (п. 1.1.5 ПРАПИ-98).

Следователю необходимо учитывать, что комиссия МАК — это налаженный, быстро и четко работающий механизм, состоящий из высококвалифицированных специалистов в самых различных областях авиации, большинство из которых имеют значительный опыт расследования авиационных происшествий. И хотя задачи у органов следствия и комиссии несколько различны: первые ищут как причины, так и виновных, а вторая — только причины, их деловое сотрудничество зачастую является определяющим в успешном расследовании уголовного дела [1, с. 75; 2, с. 101].

Возбудив уголовное дело о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ), следователь (а точнее — следственная группа) приступает к выполнению первоначальных следственных действий. В силу специфики расследования авиационных происшествий следственная группа и комиссия МАК производят внешне аналогичные действия (осмотры, допросы (опросы), отборы образцов для исследования и т. п.). Естественно, что при этих условиях необходимо разработать наиболее оптимальные формы и методы взаимодействия субъектов предварительного следствия и технического расследования.

Сущность взаимодействия следственных органов и комиссии по расследованию авиационного происшествия заключается, прежде всего, в постоянной, своевременной и, по возможности, полной взаимной информации участников предварительного и технического расследования, а также в оказании взаимной помощи [3, с. 22]. Такое взаимодействие должно строиться на принципах взаимного уважения и делового сотрудничества.

Как отмечает В. Е. Эминов [7, с. 52–53], на практике известны две возможные формы получения необходимой информации от комиссии по расследованию авиационного происшествия:

¹ Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с экспериментальными воздушными судами в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 4 апреля 2000 г. № 303. (ред. от 30.06.2010 г.) // СЗ РФ. 2000. № 15. Ст. 1599.

а) после окончания технического расследования авиационного происшествия материалы (в подлиннике) передаются в правоохранительный орган, проводящий предварительное следствие, и приобщаются к уголовному делу в соответствии со ст. 84 УПК РФ в качестве иных документов;

б) до официального получения материалов технического расследования между следственной группой и комиссией устанавливаются такие деловые контакты, при которых следователь постоянно находится в курсе работы комиссии, участвует в ее заседаниях и т. п.

Вторая форма получения информации, безусловно, является рациональной и эффективной, т.к. позволяет следователю более грамотно и обоснованно выдвигать версии о причинах происшествия, планировать работу, определять круг и очередность первоначальных следственных действий, привлекать необходимых специалистов, своевременно назначать судебные экспертизы и т. д. Все это способствует тому, чтобы следователь не оставался пассивным наблюдателем до получения материалов технического расследования.

В п. 2.1.5 ПРАПИ-98 установлено, что представители правоохранительных органов координируют свою работу, связанную с расследованием авиационного происшествия, с председателем комиссии и могут присутствовать на ее заседаниях. В связи с этим представляется целесообразным, чтобы на первом же организационном заседании комиссии следователь (руководитель следственной группы) официально сообщил председателю и членам комиссии о том, что по факту авиационного происшествия возбуждено уголовное дело, и разъяснил членам комиссии необходимость взаимодействия с органами следствия при выполнении действий, требующих процессуального оформления, например допросов очевидцев, изъятия и направления на исследование бортовых самописцев, элементов конструкции воздушного судна и т. п. Поскольку задачи технического и предварительного расследования во многом совпадают, следует ориентировать членов комиссии по расследованию авиационного происшествия на такую организацию работы, которая отвечала бы взаимным интересам.

Для следователей, например, очень важно в процессе работы комиссии непосредственно на месте авиационного происшествия своевременно получать необходимую информацию и умело использовать ее в процессе предварительного следствия, что в значительной мере поможет сократить его сроки и всесторонне расследовать уголовное дело [5, с. 37]. В этих целях следует поддерживать постоянный контакт с председателем комиссии, у которого сосредоточена вся последняя информация об уже проделанной и предстоящей работе комиссии и графике проведения ее заседаний.

При необходимости следователь может воспользоваться помощью специалистов в различных областях авиации, участвующих в техническом расследовании. Возможны две формы использования помощи указанных специалистов: а) процессуальная форма, т. е. привлечение их в качестве специалистов для участия в производстве следственных действий с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства; б) непроцессуальная форма, для получения от них необходимых консультаций в рабочем порядке, за рамками уголовного процесса [4, с. 15].

В свою очередь, следователь, располагая материалами уголовного дела, по просьбе председателя может предоставить комиссии необходимую устную информацию или копии следственных документов, если это не нарушает ст. 161 УПК РФ о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и, в частности, не противоречит интересам дела.

Стоит согласиться с С. Я. Розенблитом [6, с. 26] в том, что следователь не должен препятствовать продолжению технического расследования или лишать его материалов, необходимых для продолжения расследования, в целях быстрой разработки мероприятий, направленных на обеспечение безопасности полетов. В то же время техническое расследование не должно мешать производству предварительного следствия. В связи с этим важно помнить, что в соответствии с ПРАПИ-98:

- действия членов комиссии, подкомиссий и рабочих групп, имеющие одновременно уголовно-процессуальный характер, т. е. направленные на сбор доказательных материалов (изъятие и передача на хранение записей бортовых и наземных самописцев и их носителей, опознание и т. д.), а также связанные с захоронением или кремацией погибших, должны выполняться с ведома правоохранительного органа, проводящего предварительное следствие (п. 2.4.7);

- все элементы воздушного судна, его техническая документация (в т. ч. детали узлов и агрегатов, прошедшие лабораторные исследования, и документы на них) хранятся до получения письменного разрешения на их уничтожение от органов следствия или суда (п. 2.4.8);

- только по решению правоохранительного органа, осуществляющего предварительное следствие по факту авиационного происшествия, может быть передана гласности информация, содержащая любые заявления лиц, полученные в процессе расследования; любую переписку между лицами, имеющими отношение к эксплуатации воздушного судна; медицинские или конфиденциальные сведения, касающиеся лиц — участников авиационного происшествия; записи бортовых речевых самописцев и расшифровку таких записей; мнения, высказываемые при анализе информации, включая записи бортовых самописцев (п. 2.6.2).

Как видно из вышеизложенного, в ПРАПИ-98 есть ряд положений, направленных на урегулирование совместной работы следственных органов и комиссии МАК. Но, тем не менее, на практике все еще возникают многочисленные проблемы, обусловленные отсутствием нормативно установленного порядка взаимодействия при расследовании авиационных происшествий.

Эффективная работа по делу, особенно на первоначальном этапе расследования, не может быть обеспечена без согласованности в действиях следственной группы и членов комиссии МАК. Однако, как показывает следственная практика, от момента создания комиссии по расследованию авиационного происшествия до прибытия специалистов на место происшествия зачастую проходит значительное время. При этом осмотр места авиационного происшествия должен быть произведен незамедлительно, поскольку в противном случае может быть утрачена важная доказательная информация (в ходе проведения спасательных работ, ликвидации пожара, в результате не-

благоприятных погодных условий и т. д.). В связи с этим возникает множество неурегулированных вопросов: какие действия должны предпринять участники следственной группы до прибытия комиссии МАК; может ли следственная группа приступать к осмотру; что необходимо делать с обнаруженными бортовыми самописцами и т. д.

Таким образом, начиная с осмотра места происшествия, в ходе расследования уголовных дел о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, следственные органы сталкиваются с ситуациями, требующими урегулирования порядка их проведения. К примеру, из ПРАПИ-98 следует, что обследование воздушного судна, изъятие его деталей и агрегатов, в т. ч. бортовых самописцев, должно быть проведено комиссией МАК. Между тем и органы следствия обязаны провести осмотр места происшествия, а также изъять необходимые предметы и документы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. На практике следственная группа, как правило, дожидается прибытия специалистов МАК, обеспечивая фиксацию обстановки места происшествия и сохранность доказательственной информации. Осмотр места авиационного происшествия проводится с участием членов комиссии, изъятие обнаруженных в ходе осмотра деталей, агрегатов воздушного судна и документации осуществляется в соответствии с требованиями УПК РФ, после чего изъятые по акту передаются МАК. Аналогичным образом осуществляется процедура передачи иных изъятых в процессе расследования предметов и документов. Вместе с тем существующий порядок не закреплен ни в одном из нормативных актов, а значит, не является обязательным.

В п. 2.1.1 ПРАПИ-98 установлено, что срок расследования авиационного происшествия комиссией МАК не должен превышать 30 суток, если не требуется проведения дополнительных исследований. По ходатайству председателя комиссии этот срок может быть продлен. Предельные сроки проведения такого расследования не установлены и в практике, к примеру, Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте Следственного комитета РФ составляли от 4 до 9,5 месяца¹. Расследование авиационных происшествий комиссией МАК имеет целью установление их причин и принятие мер по их предотвращению в будущем, но не установление виновных лиц. Наличие либо отсутствие нарушений в чьих-либо действиях и причинно-следственную связь с наступившими последствиями устанавливает следователь путем анализа собранных по делу доказательств, в т. ч. результатов комплексной летной авиационно-технической экспертизы, которую рекомендуется в обязательном порядке проводить по уголовным делам рассматриваемой категории. При этом назначение и проведение данной экспертизы, как правило, возможно только после окончания расследования авиационного происшествия комиссией МАК и получения его результатов. Длительная работа МАК, а также последующее проведение летной авиационно-технической экспертизы негативно сказываются на сроках предварительного следствия.

¹ Обобщение Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте следственного комитета Российской Федерации результатов работы за 2010–2013 гг. по расследованию преступлений, связанных с авиационными происшествиями.

В этой связи особый интерес вызвало сообщение Следственного комитета РФ о завершении расследования уголовного дела по факту авиакатастрофы 20 октября 2014 г. в аэропорту Внуково (г. Москва) французского самолета Falcon-50EX. В катастрофе погибли три члена экипажа и пассажир — глава нефтегазовой компании Total Кристоф де Маржери. Обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 263 УК РФ, было предъявлено четырём авиадиспетчерам и двум работникам аэродромной службы¹. Как особо отметили в Следственном комитете, «расследование данного уголовного дела было осуществлено в кратчайшие сроки — в течение пяти месяцев, что является достижением не только для следственной практики Российской Федерации, но и для мирового расследования авиационных катастроф, которые, как правило, длятся от 3 до 10 лет» [Там же]. Следствие завершилось, не дожидаясь окончательного отчета Межгосударственного авиационного комитета².

По этому поводу С. С. Юрьев заметил: «Завершение предварительного следствия при отсутствии окончательного отчета Межгосударственного авиационного комитета, который является единственным уполномоченным органом по расследованию происшествий в гражданской авиации и установлению их причин, представляется неправомерным» [8, с. 22]. «Полагаем, что окончательный вывод о причинах авиапроисшествия, — пишет С. С. Юрьев, — вправе делать только орган, на который государство возложило эту функцию, в данном случае — Межгосударственный авиационный комитет» [Там же, с. 23].

На наш взгляд, органы следствия, безусловно, должны принимать во внимание выводы МАК как специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти в области расследования авиационных происшествий с гражданскими воздушными судами, однако заключение комиссии по расследованию авиационного происшествия не может являться безоговорочным и не подлежащим проверке. Когда у следствия имеются сомнения в обоснованности или достоверности выводов МАК либо когда выводы недостаточно однозначны, нельзя лишать следственные органы права и возможности проведения экспертных исследований, направленных на проверку и уточнение результатов технического расследования. Тем более что в отдельных случаях отчеты МАК вызывают серьезные вопросы у следственных органов. Так, согласно отчету МАК, причиной происшествия с вертолетом Ми-8Т в Катангском районе Иркутской области, произошедшего 6 мая 2013 г. при выполнении авиационных работ по ликвидации ледяных заторов на водных магистралях в условиях введенной чрезвычайной ситуации (взрывных работ), стало «отсутствие четких правил, регламенти-

¹ URL: www.sledcom.ru (дата обращения: 27.06.2017); Позднее по результатам дополнительного расследования в отношении диспетчера-стажера принято решение о прекращении уголовного преследования за отсутствием в ее деянии состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 263 УК РФ.

² Бойко А. Как авиадиспетчеры погубили «Фалкон» с французским магнатом под Москвой: интервью старшего следователя по особо важным делам при председателе СКР Михаила Гуревича газете «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 14.03.2017).

рующих порядок подготовки и выполнения таких работ, а также обеспечения безопасности при перевозке и применении использующихся при проведении работ опасных грузов, что привело к взрыву вертолета в воздухе»¹. Даже лицу, не являющемуся специалистом, понятно, что само по себе отсутствие правил не может привести к взрыву вертолета.

Другой пример. При расследовании уголовного дела по факту катастрофы самолета Airbus A-310, которая произошла 9 июля 2006 г. в аэропорту г. Иркутска, возник вопрос достоверности фактов, изученных комиссией МАК в ходе расследования авиационного происшествия. При осмотре места происшествия членами комиссии были изъяты речевой и параметрический бортовые самописцы. Работа следователей велась по расшифровкам записей бортовых самописцев, полученным из МАК. Однако в последующем, в ходе производства повторной экспертизы, было установлено, что записи речевого самописца были неверно расшифрованы. Допущенная членами комиссии МАК неточность могла быть вызвана добросовестным заблуждением либо ненадлежащим отношением к составлению отчета. В то же время не исключается и заинтересованность в выводах комиссии, поскольку выдача дополнения к сертификату соответствия типовой конструкции самолета A-310 нормам летной годности гражданских транспортных самолетов осуществлялась самим МАК [11]. Следует отметить, что в соответствии с соглашением между Правительством Российской Федерации и Межгосударственным авиационным комитетом об условиях его пребывания на территории Российской Федерации от 20 октября 1995 г. [3], должностные лица МАК не подлежат судебной ответственности за действия, совершенные ими при исполнении служебных обязанностей. Это противоречит принципам уголовной ответственности и фактически позволяет МАК делать любые выводы о причинах катастрофы или аварии воздушного судна, в т. ч. и заведомо ложные.

Как представляется, изложенные обстоятельства убедительно свидетельствуют о необходимости разработки нормативно-правового документа, детально регламентирующего порядок взаимодействия следственных органов и комиссии МАК при расследовании авиационных происшествий.

Литература

1. Кравец И. П. Правовое обеспечение взаимодействия следователя со служебной комиссией при расследовании авиационных происшествий // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 73–76.
2. Малинин В. Г., Федоров В. М., Шамраев К. А. Методика расследования происшествий на железнодорожном и авиатранспорте / под общ. ред. В. А. Морозова. М.: ИНФРА-М, 2001. 158 с.
3. Мулкиджанов И. К., Кофман В. Д., Красоткин А. А. Расследование авиационных происшествий. М.: Изд-во МАИ, 2012. 228 с.
4. Особенности расследования авиационных происшествий в гражданской авиации. Информационно-методическое письмо / В. Е. Эминов [и др.]. М., 1974. 32 с.

¹ Официальный сайт Межгосударственного авиационного комитета [Электронный ресурс]. URL: www.mak-iac.org (дата обращения: 27.06.2017).

5. Расследование и предупреждение авиационных происшествий / В. Е. Эминов [и др.]; отв. ред. Н. В. Жогин. М. : ВИППП, 1977. 222 с.

6. Розенблит С. Я. Расследование летных происшествий в легкомоторной авиации: метод. пособие для следователей. М.: Изд-во Всесоюз. науч.-исслед. ин-та криминалистики Прокуратуры СССР, 1963. 125 с.

7. Эминов В. Е. Соотношение процессуального и служебного расследования при построении методики предварительного следствия // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 49–55.

8. Юрьев С. С. Расследование авиапроисшествий в аспекте взаимосвязи уголовно-процессуального и воздушного законодательства // Транспортное право. 2016. № 2. С. 20–23.

SOME PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATIVE BODIES AND COMMISSION OF THE INTERSTATE AVIATION COMMITTEE IN INVESTIGATION OF AVIATION ACCIDENTS

A. A. Mitrofanova

Post-graduate student

Baikal State University

11, Lenin str., Irkutsk, 664003, Russia

E-mail: alena_mitrofanova@bk.ru

The article considers the meaning, the most optimal forms and methods, as well as some of the actual problems of interaction between the investigative bodies and the commission of the Interstate Aviation Committee (IAC) in the investigation of aviation accidents. It is noted that the interaction should be based on the principles of mutual respect and business cooperation, consist in a constant, timely and, if possible, complete mutual information and mutual assistance (both in procedural and non-procedural forms). The author comes to the conclusion that it is necessary to develop a legal and regulatory document detailing the procedure for the joint work of investigative bodies and the IAC commission.

Keywords: investigation of aviation accidents, air transport, interaction, technical investigation.

УДК 343.9

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

© Н. С. Маркова

преподаватель,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Email: mihahanovanadezhda@mail.ru

За последние годы в стране наблюдается тенденция увеличения числа преступлений, совершаемых подростками, в частности в структуре указанного вида преступности имеет место рост тяжких и особо тяжких преступлений. Для разработки эффективных мер профилактики и предупреждения подростковой преступности необходимо учитывать гендерные различия и особенности девчочковой и мальчиковой преступности.

Ключевые слова: преступность, подростковая преступность, гендерные особенности преступности, профилактика и предупреждение преступлений.

В любой возрастной группе — с раннего детства до старости — насилие обуславливается гендерными различиями. В связи с этим Национальная академия наук сформулировала следующее заключение: «Особое гендерное различие проявляется в том, что лица мужского пола в любом возрасте намного чаще, чем лица женского пола, совершают тяжкие преступления, вне зависимости от типа преступления, степени причастности и меры участия». «Во все времена мужчины чаще, чем женщины, совершают преступные деяния», — писали в свое время криминологи Трэйвис Хирши и Майкл Готтфредсон [6].

Научная точка зрения состоит в том, что именно мужские гормоны, в частности тестостерон, становятся причиной мужской агрессии. Установлено, что большое количество тестостерона обычно вызывает ее повышение. Ряд ученых считают, что причина более частого преступного поведения среди мужчин кроется в эволюционном поле, а именно в гомосоциальной конкуренции. Указанное объяснение сводится к тому, что мужское насилие — это результат эволюционной конкуренции за сексуальный доступ к лицам женского пола. Мужчины в этой борьбе устанавливают друг с другом отношения господства и подчинения, самые сильные получают право выбрать себе женщину.

На указанные теории есть иная точка зрения ученых — о том, что биологические подходы не столь убедительны. Ученые утверждают, что хотя тестостерон и не является причиной агрессии, но ускоряет ее проявление.

Согласимся, что причинно-следственная связь не всегда обуславливает преступную агрессию гормоном. Установлено, к примеру, что у участников спортивных мероприятий количество тестостерона увеличивается после победы. Само насилие обуславливает рост уровня гормона; повышение уровня тестостерона ведет к насилию. Стоит отметить, что высокий уровень гормона не приводит к насилию против тех, кто сильнее и находится выше на иерархической лестнице. Большое количество тестостерона провоцирует агрессию у самца по отношению к самцу более низкого уровня, но не

спровоцирует его на то, чтобы напасть на самца, стоящего выше на иерархической лестнице¹.

На различие мужских и женских начал в проявлении преступности обращали внимание многие ученые, классики криминологической науки. Так, бельгийский математик Адольф Кетле ссылаясь в различии криминальной активности мужчин и женщин не только на мужское физическое превосходство, но и на изолированность женщин от общественной жизни ввиду семейных обязанностей. Доля преступлений, совершенных женщинами, в общей структуре преступности, была и есть относительно небольшая и в целом достаточно стабильная по своим показателям, несмотря на такой прогрессирующий фактор, как эмансипация женщины. Итальянский психиатр Чезаре Ломброзо утверждал, что пониженный уровень преступной активности лиц женского пола обусловлен, прежде всего, самой природой женщины, особенностями ее организма. В науке отмечается, что у женщин «... мотивация поведения прежде всего исходит из интересов ее семьи, тем самым преобладают качества, препятствующие совершению преступлений. У женщин в поведении преобладает защита ее семьи, обеспечение благополучия, материального и психологического комфорта в семье. Женщина в большей степени несет ответственность за свою семью. Женщина осознает свою ответственность за своих детей, за благополучие своей семьи, вследствие чего ее жизнь малосовместима с криминальным поведением. Женщина по природе своей больше привязана к семье, детям, это и обуславливает что жертвами насильственных деяний, совершаемых лицами женского пола, становятся мужья, сожители, родители, дети и другие родственники [1].

Исследование гендерных различий в криминологии играет важную роль, поскольку различия в мужской и женской преступности, научное закрепление закономерностей женского и мужского преступного поведения, различие в механизме совершения преступлений, в причинах и условиях их совершения обусловили создание эффективных мер, направленных на профилактику и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами и мужчинами.

В структуре мужской и женской преступности особого внимания заслуживает необходимость изучения и проведения гендерных криминологических исследований в молодежной среде. Изучение гендерных особенностей и различий подростков обусловлено тем, что сам процесс гендерной социализации начинает происходить в раннем детстве. В подростковом возрасте подросток особо активно начинает идентифицировать себя с мужчиной или женщиной, к 17–18 годам процесс самоидентификации завершается. Социализация человека не заканчивается на этом, а имеет продолжение на протяжении всей жизни [5].

Обращение к истории криминалистики показывает, что уже в последней четверти XIX в. Габриель Де Тард, проводя свои исследования, пришел к выводу, что именно пол имеет первостепенное физиологическое влияние на преступность. Автор ссылаясь на необходимость дифференцированного подхода к изучению лич-

¹ Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kim/mel.htm (дата обращения: 24.02.2017).

ности несовершеннолетнего преступника. К примеру, на то время из 100 мальчиков 54 были наказаны за драку, а из 100 девочек — только 17. Уже в детском возрасте проявляется нравственное превосходство девочек [8].

Принадлежность к одному полу не говорит о сходствах преступного поведения, наоборот, рассматривая возрастные группы одного пола, мы отмечаем существенные различия. Наиболее ярко это прослеживается при рассмотрении и сравнении характеристик преступного поведения женщин-преступниц и девушек-преступниц. Механизмы социального контроля и самоконтроля, используемые в качестве сдерживающих антикриминальных факторов, действуют более эффективно у женщин, в отличие от девушек, тем более девочек-подростков. В целом для девушек-преступниц характерны механизмы криминологической обоснованности преступности, нежели собственно гендерные факторы. Девушки-подростки значительно чаще совершают преступления в составе группы со сверстниками-юношами. Женщины чаще всего совершают преступления в одиночку, для них характерно индивидуальное преступное поведение.

Проводя анализ различий юношеской и девичьей частей современной преступности подростков, специалисты делают выводы, что «...девушки чаще, чем юноши, совершают тайные хищения чужого имущества и гораздо реже иные преступления против собственности (грабежи, разбои, вымогательство, неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения). Выявлено, что среди несовершеннолетних, совершающих кражи, юноши составляют 40,9%, в то время как девушки — 64,3%.

В последние годы имеет место тенденция увеличения числа преступлений против личности, совершаемых подростками — как юношами, так и девушками. Разница удельного веса незначительна — 6,3% среди несовершеннолетних мужского пола и 5,1% — среди несовершеннолетних женского пола. В отличие от юношей, девушки гораздо реже совершают преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности (6,9 и 12,0% соответственно)» [6].

Криминальное поведение девочек-подростков может основываться на различных психологических расстройствах поведения, к которым специалисты-психологи относят гиперкинетическое расстройство; расстройство поведения, ограничивающееся семьей; несоциализированное и социализированное расстройство поведения; смешанные поведенческие и эмоциональные расстройства; делинквентное поведение; ранняя алкоголизация и наркотизация (аддиктивное поведение); девиации сексуального поведения; психогенное патологическое формирование личности [2].

В Российской Федерации за последние два года значительно выросло количество лиц женского пола, совершавших преступления в возрасте 14–15 лет: в 2012 г. — 2247 лиц (1,59%), в 2013 г. — 2563 (1,64%), в 2014 г. наблюдалось снижение до 2184 (1,39%), а в 2015 г. имела место тенденция роста до 2410 лиц (1,41%). В возрастной группе девочек 16–17 лет в 2012 г. зафиксировано 4266 девочек, совершивших преступления (2,76%), в 2013 г. — 4136 (2,65%), в 2014 г. — 3738 (2,37%), в 2015 г. — 4255 (2,50%), в связи с чем

можно констатировать значительный рост количества лиц женского пола возраста 16–17 лет, совершивших преступления.

В Республике Бурятия в разрезе последних четырех лет отмечается как увеличение, так и снижение количества лиц женского пола, совершивших преступления в возрасте 14–15 лет: так, в 2012 г. их количество составило 34 (2,20%), в 2013 г. — 21 (1,28%), в 2014 г. — 35 (2,03%), в 2015 г. — 32 (1,60%). В возрастной категории 16–17 лет наблюдается такая же картина: 2012 г. — 52 лица (3,37%), 2013 г. — 48 (2,92%), 2014 г. — 72 (4,18%), 2015 г. — 59 (2,96%).

В подростковой юношеской преступности с 2012 г. имеет место динамика увеличения количества лиц возраста 16–17 лет, совершивших преступления: так, в 2012 г. их количество составило 577 (5,58%), в 2013 г. — 649 (5,88%), в 2014 г. — 534 (4,89%), в 2015 г. — 664 (5,38%). В возрастной группе 14–15 лет цифры следующие: 2012 г. — 274 (2,65%), 2013 г. — 295 (2,67%), 2014 г. — 261 (2,39%), 2015 г. — 261 (2,11%)¹.

Исследования Е. П. Ильина и В. Г. Пинигина свидетельствуют о том, что женщинам более свойственна эмоциональная возбудимость, нежели мужчинам, независимо от возрастной группы, в меньшей степени — по интенсивности, еще в меньшей степени — по длительности сохранения эмоций и эмоциональной устойчивости. Большая эмоциональная возбудимость лиц женского пола получила подтверждение в работе П. А. Ковалева: вспыльчивость (проявление эмоциональной возбудимости в конфликтной ситуации) выражена у них больше, чем у лиц мужского пола [3].

Наличие женской, в частности девичьей, преступности свидетельствует о низкой нравственности и морали подрастающего поколения в современном обществе, а цифры, которые демонстрируют рост указанного вида преступности, говорят о неэффективных мерах предупреждения этого негативного социально-правового явления.

Изучение гендерных различий юношей и девушек подросткового возраста, связанных с их социальными ролями и социально-психологическими статусами наряду с возрастными особенностями, позволит объяснить личностные качества, задействованные в формировании антиобщественного поведения молодых преступников и преступниц, а следовательно, предопределить специфику осуществляемого в отношении их антикриминогенного воздействия и выработать эффективные меры профилактики и предупреждения.

Литература

1. Гуданова З. Н., Исаев Н. А. Гендерный подход к женской преступности: культурально-криминологический аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.com> (дата обращения: 24.02.2017).
2. Исаев Д. Девиантное поведение детей и подростков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru> (дата обращения: 24.02.2017).

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 24.02.2017).

3. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2006. 544 с.
4. Кирюшина Л. Ю. Психологические особенности личности несовершеннолетних преступниц и их значение в расследовании преступлений // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2011. С. 100–104.
5. Куприянова А. В. Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии // Известия ИГЭА. 2007. № 1(51). С. 58–59.
6. Киммель М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
7. Самиулина Я. В. Личность несовершеннолетней преступницы и воздействие на нее: дис. ... канд. юр. наук. Тамбов, 2009. 195 с.
8. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004. 397 с.

GENDER DIFFERENCES IN JUVENILE CRIME

N. S. Markova

Teacher,

Buryat State University

24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: mihahanovanadezhda@mail.ru

In recent years, in the country there is a tendency to increase the number of crimes committed by young people, in particular in the structure of this type of crime has been an increase of grave and especially grave crimes. In order to develop effective prevention and the prevention of juvenile crime, it is necessary to take into account gender differences and peculiarities of a girl and boy-crime.

Keywords: Crime, juvenile delinquency, gender-specific crime prevention and crime prevention.

УДК 343.42

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

© **М. А. Мутасова**

преподаватель,
Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 190
E-mail: marinamutasova@gmail.com

© **В. Г. Кокорев**

аспирант,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
Россия, 393254, г. Рассказово, ул. Пятилетка, 47
E-mail: pochta735@mail.ru

В процессе развития российского общества возникают новые общественные отношения, которые обуславливают правовую защиту, в частности уголовно-правовую. В статье акцентируется внимание на том факте, что принятие федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан», криминализировавшего в том числе деяние, сопряженное с нарушением права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), соответствует таким положениям принципа справедливости, как духовно-нравственные и социально-политические ценности, и отвечает представлению российского общества о справедливости. Авторы обращают внимание на коллизию между наименованием и содержанием ст. 148 УК РФ, т. к. в ней предусматривается уголовно-правовая ответственность исключительно за нарушение права на свободу вероисповедания, и предлагают soblности соответствия между содержанием и наименованием ст. 148 УК РФ следующим образом: изложить ч. 1 и 2 этой статьи УК РФ в новой редакции, а ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ оставить в неизменном виде, т. к. они соответствуют международным актам.

Ключевые слова: воспрепятствование проведению богослужения, криминализация, нарушение права на свободу совести и вероисповедания, оскорбление религиозных чувств верующих, принцип справедливости.

Объективным результатом процессов, непрерывно происходящих в постоянно развивающемся социуме, является появление новых общественно опасных деяний, на что государство должно реагировать путем признания их уголовными преступлениями с определением ответственности за их совершение. В свою очередь, общественная опасность того либо иного деяния представляет собой исторически изменчивую категорию, т. к. на криминализацию и установление наказания влияют историческая эпоха и моральное, нравственное, религиозное и социально-экономическое развитие общества. Поэтому характер и степень общественной опасности тех либо других уголовно-наказуемых деяний могут изменяться в результате смены социальных

ценностей [2, с. 261; 25, с. 10]. Эффективность проводимой государством уголовной политики по криминализации или декриминализации зависит от соблюдения ее принципов. Принципы уголовной политики являются основой противодействия преступности [21, с. 59]. Касательно понимания принципов уголовной политики на доктринальном уровне присутствует дискуссия. Так, например, А. П. Кузнецов под ними понимает императивные для законодательных и правоохранительных органов основные положения, исходные руководящие начала, вызванные потребностями и закономерностями общественного развития, определяющие генеральные стратегические и тактические направления деятельности по реализации уголовного законодательства [11, с. 13].

В свою очередь, Н. А. Лопашенко определяет принципы уголовной политики как основополагающие идеи деятельности государства в сфере охраны наиболее важных интересов для личности, общества и государственных благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств [13, с. 38].

В юридической литературе по поводу соотношения принципов уголовного права и уголовной политики не прекращаются дискуссии. Одни авторы рассматривают принципы уголовной политики отдельно от принципов уголовного права [Там же], другие ставят между ними знак равенства [12, с. 27–31]. Но принцип справедливости в качестве принципа уголовной политики называют последователи и первой, и второй точек зрения [1, с. 15; 7, с. 30].

Данное обстоятельство в немалой степени обусловлено следующими причинами: во-первых, законодательство должно соответствовать принципу справедливости, который является так называемым «стержнем», потому что с помощью данного принципа должен происходить правотворческий и правоприменительный процесс [4, с. 5]; во-вторых, принцип справедливости является «ядром», «исходным началом», «суперпринципом», т. к. на нем базируются иные принципы права [24, с. 192].

Кроме того, необходимо заметить, что справедливость относится к категории морально-нравственного и социально-политического сознания, связанного с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. и развиваемых в международных и внутригосударственных нормативных актах. Поэтому справедливость фактически является «альфой и омегой» решения наиболее актуальных вопросов современной юридической науки [22, с. 47; 10, с. 314; 27, с. 100], в т. ч. в рамках криминализации преступлений, т. к. стремительное развитие современного российского общества порождает новые виды общественных отношений, которые требуют своевременной правовой защиты, включая и уголовно-правовую [8, с. 238]. Именно этим обусловлена актуальность изучения принципа справедливости применительно к криминализации преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», в соответствии с принятым и вступившим в силу федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»¹.

Право на свободу совести и вероисповеданий является одним из важнейших международных², а также конституционных³ прав человека и гражданина, которое относится к первому поколению прав (права политические и гражданские (личные)), провозглашенных в период буржуазных революций XVII–XVIII вв. [15, с. 119; 14, с. 11–12].

Однако в отечественном федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁴ отсутствуют определения терминов «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Исходя из анализа некоторых региональных законов Российской Федерации, регламентирующих особенности реализации права на свободу совести и религиозных объединений⁵, и доктринальных точек зрения [3, с. 6–7; 5, с. 14], мы пришли к выводу, что понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» соотносятся как общее и частное. Свобода совести подразумевает разделение лицами как религиозных, так и атеистических взглядов, а также свободу убеждений жизни человека, в то время как свобода вероисповедания включает в себя исключительно свободу выбора религии, отправления религиозных обрядов и т. п., т. е. только то, что касается исключительно верующих лиц.

¹ О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федер. закон Рос. Федерации от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июня 2013 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 июня 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26. Ст. 3209.

² Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека: сб. междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 15; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Права человека: сб. междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 33; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Права человека: сб. междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 70.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Рос. Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 6.07.2016 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сентября 1997 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сентября 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465; 2016. № 28. Ст. 4558.

⁵ О свободе совести и о религиозных объединениях: закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 (в ред. от 24.10.2016): принят Верховным Хуралом (Парламентом) Республики Тыва 16 марта 1995 г. // Тувинская правда. 1995. 23 мая; О свободе совести и о религиозных объединениях: закон Республики Татарстан от 14 июля 1999 г. № 2279 (в ред. от 17.11.2016) // Республика Татарстан. 1999. 28 авг.; 2016. 25 нояб.

В свою очередь, следует заметить, что в последнее время в Российской Федерации происходит поиск оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений, о чем свидетельствуют вносимые в федеральный закон изменения от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹. Этот вопрос еще более актуализируется в связи с увеличением и усугублением криминальных посягательств на представителей традиционных религиозных культов, а также аморальных действий с необходимыми атрибутами обрядов. К сожалению, произошедшее 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя событие с участием группы «Pussy Riot» (скандальный «панк-молебен») предстает только верхушкой айсберга в цепочке событий, несущих неприкрытый деструктивный посыл. На совершение подобных деяний в немалой степени повлияли следующие факторы: 1) социально-демографический; 2) духовно-идеологический; 3) политико-экономический; 4) информационно-пропагандистский; 5) организационно-правовой, включающий в себя также и правовой нигилизм населения [9, с. 37]. Хрупкое состояние стабильности общества под угрозой социальных возмущений на религиозной почве требует уверенных государственных решений. Практика применения п. «б» ч. 1. ст. 213 УК РФ показала свою несостоятельность, когда обвинили лиц, совершивших деяние в храме Христа Спасителя [26, с. 162], по причине отсутствия специальной нормы в УК РФ, закрепляющей ответственность за оскорбление чувств верующих. Ответом должен был стать указанный нами федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ. Как результат, была установлена уголовная ответственность за два деяния: 1) оскорбление религиозных чувств верующих; 2) незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций либо проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний².

Кроме того, в пояснительной записке к проекту указанного федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ акцентируется внимание на том, что данный законопроект разработан для устранения пробелов в правовом регулировании относительно ответственности лиц, оскорбляющих религиозные убеждения граждан России. При этом подобного рода посягательства являются общественно опасными, т. к. нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении многих столетий, его нрав-

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Рос. Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 6.07.2016 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сентября 1997 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сентября 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465; 2016. № 28. Ст. 4558.

² О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федер. закон Рос. Федерации от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июня 2013 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 июня 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26. Ст. 3209.

ственные устои и противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность¹.

Поэтому криминализация рассматриваемого нами деяния соответствует принципу справедливости, т. к., по замечанию И. В. Чечельницкого, на протяжении развития цивилизации представления о справедливости основывались на социальном порядке и духовно-нравственных ценностях человечества [27, с. 100]. Кроме того, по мнению Р. Б. Осокина, издавна в Российском государстве первостепенную роль в общественной жизни играли не столько законы, сколько именно нравственные, духовные, религиозные и другие ценности, а также такие регуляторы, как совесть, честь, долг и т. д., которые оказывали и оказывают мощное определяющее воздействие на поведение людей [17, с. 236; 18, с. 219–220; 19, с. 167; 20, с. 26, 374].

При криминализации того либо иного деяния отечественному законодателю необходимо учитывать нравственные, этические представления граждан о справедливости и несправедливости определенных поступков [6, с. 158]. Так, исходя из социологических опросов, проведенных Левада-центром в сентябре и ноябре 2012 г.², можно сказать, что респонденты в большинстве случаев поддерживали криминализацию деяния, сопряженного с оскорблением религиозных чувств верующих, в УК РФ. В немалой степени данное обстоятельство служит убедительным подтверждением того, что именно нравственное сознание и правосознание выступают в качестве единого целого и их неразрывная связь отражает интересы законодателя и общества.

Однако следует заметить, что действующая редакция ст. 148 УК РФ не в полной мере соответствует принципу справедливости, т. к. рассмотренные нами ранее определения терминов «свобода совести» и «свобода вероисповедания» и анализ содержания данной статьи УК РФ приводят к выводу, что статья 148 УК РФ регламентирует уголовно-правовую охрану только права на свободу вероисповедания, но не совести. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно внести соответствующие изменения, чтобы наименование ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» соответствовало ее содержанию. Для этого необходимо изложить ч. 1 ст. 148 УК РФ в следующей редакции: «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления чувств и (или) убеждений граждан в связи с их отношением к религии либо мировоззрению (убеждениям)», так как это будет соответствовать ч. 1 ст. 1 Конституции России о правовом государстве и ч. 2 ст. 19 Конституции Российской

¹ К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний»: пояснительная записка [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Общественное мнение–2012. М.: Левада-центр, 2012. С. 137, 165.

Федерации о равенстве¹. В свою очередь, часть 2 данной статьи УК РФ изложить в следующей редакции: «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления чувств верующих, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний», потому как в этом случае чувства верующих нарушаются в особом священном, почитаемом для них месте [23, с. 97; 16, с. 271–272]. Части 3 и 4 ст. 148 УК РФ оставить в неизменном виде, т. к. в них регламентируется незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений и иных религиозных действий, что нарушает реализацию права на свободу вероисповедания, закрепленную в т. ч. в международных правовых актах.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Криминализация деяния, сопряженного с нарушением права на свободу совести и вероисповеданий, обусловлена реализацией принципа справедливости, т. к. до принятия указанного нами федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ отсутствовала норма в УК РФ, направленная, в частности, на уголовно-правовую охрану религиозных чувств верующих. Однако в наименовании и содержании ст. 148 УК РФ присутствует коллизия, т. к. уголовно-правовая охрана, исходя из анализа ч. 1–4 данной статьи УК РФ, предусматривается в сфере реализации права на свободу вероисповедания, а не совести в общем ее смысле. По этой причине нами предлагается изменить диспозицию ч. 1 ст. 148 УК РФ, для того чтобы в равной мере защищались и чувства верующих, и убеждения атеистов, а также иные убеждения граждан.

Литература

1. Баландина Н. В. Правовая политика Российского государства по декриминализации общественных отношений: автореф. дис. ...канд. юр. наук. Саратов, 2008. 19 с.
2. Бунин О. Ю. Справедливость уголовного закона // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юриспруденция. 2013. Т. 26, № 2-2. С. 257–265.
3. Бурьянов С. А. Конституционные гарантии, законодательство, законотворчество в сфере свободы совести // Свобода убеждений, совести и религии в современной России: специализир. информ.-аналит. докл. М.: Московская Хельсинская группа, 2007. С. 6–37.
4. Городнова О. Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствование уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2014. 32 с.
5. Деникаева С. Э. Конституционно-правовые основы формирования Российской Федерации как светского государства: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Махачкала, 2006. 30 с.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

6. Дядюн К. В. Принципы равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 156–168.
7. Епифанова Е. В. России необходима концепция уголовно-правовой политики // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 26–31.
8. Жильцов А. А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 238–244.
9. Исаева А. А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37–42.
10. Клименко Т. А. Справедливость как принцип уголовного права // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 314–318.
11. Кузнецов А. П. Принципы уголовной политики // Общество и право. 2017. № 1(59). С. 13–17.
12. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 200 с.
13. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: ВолтерсКлувер, 2009. 608 с.
14. Лутовинова О. В. История развития права на свободу совести и вероисповедания // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. Сер. История, философия, политология, право. 2015. № 2. С. 11–14.
15. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 300 с.
16. Осокин Р. Б. К вопросу о предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 6(110). С. 271–273.
17. Осокин Р. Б. О необходимости разработки концептуальных основ противодействия преступлениям против общественной жизни // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3 (95). С. 236–239.
18. Осокин Р. Б. Об основных направлениях уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям против общественной нравственности // Уголовный закон: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2011. С. 219–223.
19. Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 167–169.
20. Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юр. наук. М., 2014. 581 с.
21. Панченко П. Н. Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / под ред. В. К. Бабаева. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. 198 с.
22. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права», 2010. 704 с.
23. Розенко С. В. Проблемы уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 93–98.
24. Сидоров Б. В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189–194.
25. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009. 28 с.

26. Черных Е. Е., Кузьменко В. С., Петрянин А. В. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2(26). С. 159–164.

27. Чечельницкий И. В. Принцип справедливости в российском праве // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 7. С. 100–104.

REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CONTEXT
OF CRIMINALIZATION OF VIOLATION OF THE RIGHT TO FREEDOM
OF WORSHIP AND RELIGIONS

M. A. Mutasova

teacher,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Tambov branch, collegium of lawyers of Tambov,
190, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russia
E-mail: marinamutasova@gmail.com

V. G. Kokorev

graduate student,

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
47, Pyatiletka St., Rasskazovo, 393254, Russia
E-mail: pochta735@mail.ru

It is specified in article that development of the Russian society results the new public relations which cause legal protection, in particular criminal and legal. The attention is focused on the fact that adoption of the Federal law of June 29, 2013 № 136-FZ «About introduction of amendments to article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation for counteraction to an insult of religious beliefs and feelings of citizens», criminalizing including the act interfaced to violation of the right to freedom of worship and religions (Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation) corresponds to such provisions of the principle of justice as: spiritual and moral and socio-political values; answers idea of the Russian society of justice. Authors pay attention to a collision between the name and contents of Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation as criminal legal protection only for violation of the right to freedom of worship is provided in it. We offer to bring compliances between the contents and the name of Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, as follows: to state pp. 1 and 2 these articles of the Criminal Code of the Russian Federation in the new edition, and pp. to leave the 3 and 4 Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation in an invariable look as it corresponds to the international acts.

Keywords: hindrance to holding church service, criminalization, violation of the right to freedom of worship and religions, insult of religious feelings of believers, principle of justice.

УДК: 343.235

МЕСТО СТАТЬИ 264 УК РФ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

© Ю. С. Вторушина

соискатель,

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Россия, 670050, г. Улан-Удэ, ул. Антонова, 12-58

E-mail: vtorushina79@inbox.ru

Анализируя причины введения уголовной ответственности за управление в состоянии опьянения, нельзя обойти вниманием проблему административной преюдиции в ракурсе допустимости такого уголовного запрета и справедливости его нахождения в УК РФ. Подобные нормы стали появляться сравнительно недавно, что явилось результатом последовательной уголовной политики государства. В настоящее время УК РФ содержит восемь статей, привлечение к уголовной ответственности по которым поставлено в зависимость от наличия (отсутствия) у лица соответствующего административного наказания. Особняком в этом плане выделяется ст. 264, поскольку это единственная норма в действующем УК РФ, в диспозиции которой помимо административной преюдиции предусмотрена уголовная преюдиция, а именно возможность привлечения лица к уголовной ответственности поставлена в зависимость от наличия/отсутствия судимости по соответствующим частям ст. 264 и/или ст. 264 УК РФ. *Non bis in idem* (лат. — «нельзя дважды за одно») — один из основных доводов против административной преюдиции со ссылкой на двойную юридическую оценку административного «предкриминального» деяния и последующую повторную ответственность одного и того же лица. Таким образом, лицо одновременно привлекается к административной и уголовной ответственности за одно и то же нарушение закона, а значит, административная преюдиция противоречит конституционному принципу.

Ключевые слова: административная преюдиция, транспорт, водитель, состояние опьянения.

Новый уголовно-правовой запрет в виде ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» действует в нашей стране уже третий год. За период с 1 июля 2015 г. по 1 июля 2017 г. за совершение преступления, предусмотренного данной статьей, осуждено 127715 человек. В настоящее время это самый распространенный вид транспортных преступлений, который составляет практически 80% удельного веса в структуре всей регистрируемой транспортной преступности. При этом практикующие правоприменители отмечают наблюдающуюся в целом по стране позитивную динамику снижения регистрации преступлений в сфере безопасности дорожного движения, в т. ч. совершенных в состоянии опьянения.

В свою очередь, все чаще в современной научной литературе высказываются мнения о необоснованности возрождения в отечественном уголовном законодательстве института «административной преюдиции». В связи с этим возникают многочисленные и принципиальные дискуссии между сторонниками «чистоты» теории уголовного права и сторонниками практического

применения указанного института. Так, в рамках рассматриваемой ст. 264 УК РФ предусмотрен специальный субъект, отличительным признаком которого является наличие у него действующего административного наказания или судимости. Иными словами, законодатель, установив запрет, определил, что отличие административного правонарушения от преступления заключается в статусе субъекта, который на момент совершения преступления имеет действующее административное наказание или судимость по соответствующей части ст. 264 УК РФ.

Следовательно, административное деяние фактически переводится в категорию преступления только по причине того, что за субъектом в силу его подвергнутости административному наказанию (судимости) признается повышенная потенциальная возможность быть более общественно опасным для общества, чем за лицами, ранее не привлекавшимися к соответствующей административной и уголовной ответственности.

Другими словами, получается, что лицо, совершая каждое последующее административное правонарушение (преступление), практически наращивает свою «персональную» общественную опасность, несмотря на то, что уже понесло соразмерное наказание и по всем критериям должно искупить свою вину перед обществом. Исходя из этого, вынуждены констатировать, что такая позиция законодателя, выраженная в возрождении института административной преюдиции в российском уголовном законодательстве, приводит к тому, что в нарушение положений ст. 14 и ч. 3 ст. 60 УК РФ в основу уголовного запрета закладывается общественная опасность лица, а не общественная опасность деяния.

На наш взгляд, личность виновного подлежит учету при назначении наказания, но не может быть положена в основу уголовного запрета. В противном случае речь пойдет о возвращении таких признаков, как «особо опасный рецидивист», «ранее судимый», «неоднократность», а в искаженном восприятии — к возрождению теории Ч. Ломброзо, что вряд ли будет иметь положительные последствия.

Анализируя причины введения уголовной ответственности за управление в состоянии опьянения, нельзя обойти вниманием проблему административной преюдиции в ракурсе допустимости такого уголовного запрета и справедливости его нахождения в УК РФ. Так, в специальной литературе преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, категорично относят к преступлениям с административной преюдицией. Подобные нормы стали появляться в УК РФ сравнительно недавно. Это явилось результатом последовательной уголовной политики государства, когда официально заявлялось, что «отказ от административной преюдиции нецелесообразен», а «уголовное законодательство должно стать более современным, в т. ч. и с использованием административной преюдиции».

Как следствие, в 2011 г. в УК РФ впервые появилась статья 151 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», где признак неоднократности определен как «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние». Позднее отечественное уголовное законодательство пополнилось другими нормами с так называемой

административной преюдицией: ст. 116, ст. 157, ст. 158, ст. 212, ст. 264, ст. 284, ч. 2 ст. 314 УК РФ. В итоге в настоящее время редакция УК РФ содержит восемь статей, привлечение к уголовной ответственности по которым поставлено в зависимость от наличия (отсутствия) у лица соответствующего административного наказания (судимости). В частности, в двух статьях (116 и 158 УК РФ) административная преюдиция обозначена в диспозиции в виде наличия как минимум одного наложенного административного наказания. В четырех случаях (ст. 151, 157, 212, ч. 2 ст. 314 УК РФ) административная преюдиция сопряжена с введением в диспозицию статей признака неоднократности, при этом в каждом случае признак излагается законодателем по-разному. Например, в ст. 151 и 157 УК РФ под неоднократностью понимается наличие одного административного наказания, в ч. 2 ст. 314 УК РФ — как минимум двух административных наказаний, в ст. 212 УК РФ — трех и более административных наказаний. Особняком в этом плане выделяется статья 264, поскольку это единственная норма в действующем УК РФ, в диспозиции которой помимо административной преюдиции предусмотрена уголовная преюдиция, а именно возможность привлечения лица к уголовной ответственности поставлена в зависимость от наличия/отсутствия судимости по соответствующим частям ст. 264 и/или ст. 264 УК РФ (табл. 1).

Таблица 1

Нормы с административной преюдицией в УК РФ

Статья	Наименование статьи	Содержание административной преюдиции в рамках нормы
Ст. 116 (введена 03.07.2016)	Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию	Административная преюдиция раскрывается через наличие как минимум <i>одного</i> административного наказания.
ст. 151 (введена 21.07.2011)	Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции	Административная преюдиция раскрывается через признак <i>неоднократности</i> (наличие как минимум <i>одного</i> наложенного административного наказания)
ст. 157 (в ред. 03.07.2016)	Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей	Административная преюдиция раскрывается через признак <i>неоднократности</i> (наличие как минимум <i>одного</i> наложенного административного наказания)
ст. 158 (введена 03.07.2016)	Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию	Административная преюдиция раскрывается через наличие как минимум <i>одного</i> административного наказания.
ст. 212 (введена 21.07.2014)	Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования	Административная преюдиция раскрывается через признак <i>неоднократности</i> (наличие <i>трех и более</i> наложенных административных наказаний)

ст. 264 (введена 31.12.2014)	Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию	Административная преюдиция раскрывается через наличие как минимум <i>одного</i> административного наказания. Уголовная преюдиция через наличие как минимум <i>одной</i> судимости по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ или по ст. 264 УК РФ.
ст. 284 (введена 23.05.2015)	Осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности	Административная преюдиция раскрывается через наличие <i>двух и более</i> наложенных административных наказаний.
ч. 2 ст. 314 (введена 31.12.2014)	Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений или ограничений	Административная преюдиция раскрывается через признак <i>неоднократности</i> (наличие <i>двух и более</i> наложенных административных наказаний)

Традиционно вопросы административной преюдиции рассматриваются с точки зрения доводов как сторонников, так и противников административной преюдиции. Однако сторонники административной преюдиции делятся на две группы, исходя из избранного ими подхода к обоснованию нормы с административной преюдицией. При первом подходе трансформация административного правонарушения в уголовно-правовое деяние объясняется посредством субъекта правонарушения; при втором подходе — фактором криминализации признается свойство сведенных в систему деяний. Если учитывать выделенные различия, то аргументы противников административной преюдиции воспринимаются в несколько другом свете.

Так, согласно первому подходу, речь идет о приобретении нового статуса лицом, совершившим правонарушение (преступление). Личность правонарушителя предстает как своего рода «узел», связующий административную преюдицию и предупреждение правонарушений, это личность, отягощенная негативными характеристиками. Сторонники данного подхода считают, что объективная сторона преступления не включает в себя административное «предкриминальное» деяние, что указанное относится к характеристике субъекта преступления и повторность деяний в данном случае транслирует обществу нарастающую антиобщественную направленность личности. Однако именно этот подход наиболее уязвим под критикой оппонентов. Как справедливо отмечает профессор Н. А. Лопашенко, в основе преступления (криминализации) всегда лежит *деяние*, наделенное признаком общественной опасности, а отдельные признаки субъекта могут лишь влиять на степень общественной опасности (понижать или повышать ее), но не могут быть причиной криминализации.

В контексте анализа признаков ст. 264-1 УК РФ отметим, что противники криминализации управления транспортным средством под воздействием опьянения зачастую основывают свою позицию на критике административной преюдиции в целом. В частности, они считают, что криминализация ст. 264 УК РФ произведена без учета степени общественной опасности деяния, которая, по их мнению, малозначительна, а учитывать общественную опасность виновного лица принципиально неверно. Иными словами, в их понимании управление транспортным средством в состоянии опьянения как таковое не достигает высокой степени общественной опасности, необходимой для криминализации.

Non bis in idem (лат. «нельзя дважды за одно») — один из основных доводов против административной преюдиции со ссылкой на двойную юридическую оценку административного «предкриминального» деяния и последующую повторную ответственность одного и того же лица. Таким образом, лицо одновременно привлекается к административной и уголовной ответственности за одно и то же нарушение закона, а значит, административная преюдиция противоречит конституционному принципу о том, что никто не может быть осужден повторно за одно то же преступление (ст. 50 Конституции).

Второй подход наиболее четко изложен профессором Н. И. Пикуровым: «Основанием изменения юридической природы правонарушения (переход в разряд преступлений)... является деяние, состоящее из двух и более действий, каждое из которых, если их рассматривать отдельно, имеет свою природу. Это обычное свойство объединенных в систему элементов, приобретающих в рамках последней новое качество».

Такой подход нашел отражение в правовой позиции Конституционного суда РФ, который указал, что общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в т. ч. их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления). Повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона (см. постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 212 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина»).

Однако изложенная позиция Конституционного суда РФ вызывает довольно много вопросов, поскольку, указав на недостаточность имеющихся административных средств, суд тем самым оправдывает применение к последующему аналогичному правонарушению уголовно-правовых мер. Но если имеющихся административных мер недостаточно, почему нельзя увеличить объем этих административных средств (увеличить объем наказания) или повлиять на указанное деяние на ином уровне (например, предусмотреть уголовно-правовые меры *взамен* административных). Сохранять же за одним и тем же деянием административную и уголовную ответственность, по нашему мнению, принципиально неверно. В основу уголовного запрета всегда должно быть заложено деяние (именно так — в единственном числе, а не «деяния»), обладающее высокой степенью общественной опасности. Вряд ли можно считать достаточным обоснованием криминализации тот факт, что деяние «по характеру и степени общественной опасности приближается к уголовно-наказуемым деяниям». На такое утверждение хочется возразить только тем, что характер и степень общественной опасности должны быть *достаточными* для криминализации, а факт «приближения степени опасности к уголовно-наказуемым деяниям» роли играть не должен.

На наш взгляд, утверждение, что норма, предусмотренная ст. 264 УК РФ, есть норма с административной преюдицией, верно лишь отчасти. Конструкция ст. 264 УК РФ сложнее: преступлением признается и вождение в состоянии опьянения, когда совершено качественно иное предшествующее деяние — преступление (предусмотренное ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ или ст. 264 УК РФ), а не только административное правонарушение. Другими словами, статья 264 УК РФ предусматривает по сути три альтернативных состава, из которых только один предполагает административную преюдицию, а два других состава — уголовную (в случае совершения предшествующего преступления, предусмотренного ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ или ст. 2).

Таким образом, большинство позиций по вопросу теоретической обоснованности наличия административной преюдиции в уголовном праве продолжают оставаться спорными и неубедительными. Однако полагаем, что какой бы результативной с точки зрения статистики ни была конкретная уголовная норма, последняя должна быть социально обусловлена и соответствовать необходимым требованиям криминализации. Поэтому предложенную законодателем редакцию ст. 264 УК РФ нельзя признать состоятельной, в первую очередь, по причине того, что данная уголовно-правовая норма сконструирована по типу нормы с административной преюдицией, которая нарушает один из общеправовых принципов — *non bis in idem*.

Литература

1. Сундуrow Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве: учеб. пособие. М.: Статут, 2015. 256 с.
2. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундуrowа, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.

Ю. С. Вторушина. Место статьи 264 прим. 1 УК РФ в системе уголовно-правовых норм с административной преюдицией

PLACE OF ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM
CRIMINAL-LEGAL STANDARDS WITH ADMINISTRATIVE PRECUIUTION

Y. S. Vtorushina

Applicant of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
scientific supervisor — Professor Z. B. Soktoev
12-58, Antonov St., Ulan-Ude, 670050, Russia
E-mail: vtorushina79@inbox.ru

Analyzing the reasons for introducing criminal responsibility for management in a state of intoxication, one can not ignore the problem of administrative prejudice. Such norms began to appear relatively recently, which was the result of a consistent criminal policy of the state. The Criminal Code of the Russian Federation contains eight similar articles. The art. 264¹ is special article, because the disposition provides for criminal prejudice. Non bis in idem is one of the main arguments against administrative prejudice, because it reference to a double legal assessment of the administrative «precriminal» act and the repeated responsibility of the same person.

Keywords: administrative prejudice, transport, driver, state of intoxication.

УДК: 343

**ОБЗОР 38-го НОМЕРА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»,
ПОСВЯЩЕННОГО ЮРИЮ ИЛЬИЧУ СКУРАТОВУ**

© Э. Л. Раднаева

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: elviraradnaeva@mail.ru

Проведен обзор 38-го номера научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд», который посвящен доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации, действительному государственному советнику юстиции Российской Федерации Юрию Ильичу Скуратову. Отмечается, что журнал «Российский криминологический взгляд» не раз рассказывал о научной и практической работе Ю. И. Скуратова. В настоящем номере появились новые рубрики — «Научная школа профессора Юрия Ильича Скуратова» и «Династия в науке». В номере объемом 900 страниц опубликованы материалы 73 авторов, из них 33 доктора наук, 23 кандидата наук и 17 авторов без ученой степени. Номер журнала был опубликован на пяти языках: русском, английском, китайском, немецком и французском. В статье говорится о плодотворной работе научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд» и востребованности его среди ученых-юристов.

Ключевые слова: право, юриспруденция, криминология, «Российский криминологический взгляд».

Научно-практический журнал «Российский криминологический взгляд» выпустил свой 38-й номер, который посвящен юбилейной дате доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, действительного государственного советника юстиции Российской Федерации, профессора кафедры конституционного, административного и муниципального права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет», одного из основателей юридического факультета Бурятского государственного университета, правоведа-конституционалиста Юрия Ильича Скуратова, который внес существенный личный вклад в развитие наук теоретико-правового и криминального циклов.

Необходимо отметить, что журнал «Российский криминологический взгляд» на протяжении многих лет писал о Юрии Ильиче Скуратове. Так, в 2007 г. редакция журнала отмечала: «Широкою известностью получили исследования Ю. И. Скуратова, посвященные конституционно-правовому статусу российской прокуратуры, ее координирующей роли в системе правоохранительных органов РФ, взаимоотношениям с судебной властью. Ю. И. Скуратову принадлежит идея подготовки аналитических докладов о состоянии законности в РФ, регулярно издаваемых НИИ Генпрокуратуры РФ [1, с. 27]. В 2014 г. в журнале писалось: «Немалый вклад Ю. И. Скуратов внес в законотворческий процесс. Под его руководством были подготовлены и внесены

существенные изменения в Закон о прокуратуре РФ, принята новая редакция этого закона. Много поправок внесено по его представлению также в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие правовые акты. Проекты этих нормативно-правовых актов широко обсуждались на заседаниях научно-консультационного совета при Генеральной прокуратуре РФ, председателем которого он являлся. В работе совета принимали активное участие виднейшие ученые-юристы России»¹.

Юрий Ильич Скуратов, участвовавший в работе над проектом Конституции РФ, проектом Закона о прокуратуре, различными законопроектами в области уголовного и уголовно-процессуального права, явился первопроходцем в сфере изучения конституционно-правового статуса российской прокуратуры, ее координирующей роли в системе правоохранительных органов Российской Федерации, ее взаимоотношений с судебной властью.

Особо хочется отметить значительный вклад проф. Ю. И. Скуратова в криминологическую науку и практику. Его роль в научном обеспечении деятельности органов прокуратуры характеризует в своей статье доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, экс-советник генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 3-го класса Э. Ф. Побегайло: «Еще до вступления кодекса (Уголовного кодекса РФ 1996 г. — *Прим. автора*) в силу по инициативе генерального прокурора РФ Юрия Ильича Скуратова была создана межведомственная комиссия правоохранительных органов, которая в октябре 1996 г. вошла с предложением о необходимости внесения существенных поправок во вновь принятый УК РФ» [2, с. 72].

Э. Ф. Побегайло отмечает, что «Ю. И. Скуратову удалось также возродить координационный совет генеральных прокуроров стран Содружества независимых государств (СНГ) ... С учетом достижений криминологической науки была разработана и принята программа совместных мер борьбы с транснациональной организованной преступностью и иными видами особо тяжких преступлений на территории государств-участников СНГ ... По инициативе Ю. И. Скуратова, бессменного (около пяти лет) председателя этого координационного совета, был учрежден и стал издаваться его печатный орган — журнал «Прокурорская и следственная практика» [2, с. 73].

Бесценные воспоминания о юбиляре — «человеке чести», его вкладе в теорию и практику законности и правопорядка представлены и другими известными учеными-криминологами — И. Я. Козаченко, В. В. Наумовым, Г. И. Забрянским.

Хотелось бы особо отметить, что свои криминологические воззрения Ю. И. Скуратов комплексно отразил в научной работе «Современные проблемы развития судебной и правоохранительной системы Российской Федерации» [3]. В вышедшей из-под пера известного ученого и практика работе системно рассмотрены основные «болезни» действующей правоохранитель-

¹ Редакция журнала: Поборник чести и справедливости (к 60-летию со дня рождения видного российского правоведа и политика Юрия Ильича Скуратова) // Российский криминологический взгляд. 2012. № 2. С. 30.

ной и судебной системы, дано авторское видение путей выхода из сложившегося кризиса. В рецензии на это научное издание, представленной в рассматриваемом номере журнала «Российский криминологический взгляд», автор Э. Л. Раднаева анализирует суждения и «рецепты» выхода из кризиса, вышедшие из-под пера не только авторитетного ученого, внесшего огромный вклад в развитие науки конституционного права, теории криминологии, прокурорского надзора, но и практика, имеющего огромный опыт руководства головным криминологическим учреждением страны — знаменитым НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ и впоследствии — Генеральной прокуратурой Российской Федерации [4].

Заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Бурятского государственного университета Ю. Г. Хамнуев отметил роль Ю. И. Скуратова в развитии юридического образования в Бурятии и Центра правового обеспечения взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона БГУ, директором которого он является. Одним из результатов работы проф. Ю. И. Скуратова стало проведение под эгидой центра традиционной международной конференции «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (в июне 2018 г. она проводится уже 7-й раз с участием известных российских и зарубежных ученых), которое сделало Бурятский госуниверситет одним из центров изучения государственно-правовых явлений в этих странах.

Юрий Ильич Скуратов является автором, соавтором и редактором свыше 300 трудов, в т. ч. монографий, учебников, пособий и т. д., отдельные из которых изданы в Германии, Китае, США и Франции.

При подготовке номера журнала, вышедшего на пяти языках (русский, английский, китайский, немецкий и французский), активное участие принимали ученики, коллеги и друзья юбиляра. В рубрике «Научная школа профессора Юрия Ильича Скуратова» представлен список авторефератов учеников профессора и сами авторефераты по проблемам государственного строительства и прокурорского надзора.

В журнале впервые в его истории появилась рубрика «Династия в науке», где были опубликованы авторефераты диссертаций представителей одной семейной династии юристов на русском, английском и китайском языках, а именно автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Александры Юрьевны Скуратовой на тему: «Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества» и автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Дмитрия Юрьевича Скуратова на тему: «Некоторые проблемы участия президента Российской Федерации в правотворческом процессе».

Академик П. Л. Капица указывал, что «число людей, обладающих достаточными творческими способностями, чтобы оказывать заметное влияние на развитие науки, очень мало» [5, с. 249]. В это число с абсолютной уверенностью можно отнести ученого-творца, доктора юридических наук, профессора, действительного государственного советника юстиции Российской Федера-

Э. Л. Раднаева. Обзор 38-го номера научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд», посвященного Юрию Ильичу Скуратову

ции, заслуженного юриста России, почетного работника прокуратуры РФ Ю. И. Скуратова.

Литература

1. Редколлегия журнала: Юрию Ильичу Скуратову — 55 лет! // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С. 26–28.
2. Побегайло Э. Ф. О роли Юрия Ильича Скуратова в научном обеспечении деятельности органов прокуратуры // Российский криминологический взгляд. 2014. № 2. С. 72–74.
3. Скуратов Ю. И. Современные проблемы развития судебной и правоохранительной систем Российской Федерации. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 32 с.
4. Раднаева Э. Л. Рецензия на научное издание Ю. И. Скуратова «Современные проблемы развития судебной и правоохранительной систем Российской Федерации» // Российский криминологический взгляд. 2014. № 2. С. 787–790.
5. Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977. С. 249.

REVIEW OF 38 NUMBERS OF THE SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL «RUSSIAN CRIMINOLOGICAL LOOK» DEDICATED TO YURY ILYICH SKURATOV

E. L. Radnaeva

Phd in Law, Dean of the Faculty of Law,
associate professor, Buryat State University
24A, Smolina str., Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: elviradnaeva@mail.ru

The article reviews 38 issues of the scientific and practical journal «The Russian Criminological Outlook», which is dedicated to Dr. Yuri Ilyich Skuratov, Doctor of Law Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, and to the State Councilor of Justice of the Russian Federation. It is noted that the magazine «The Russian Criminological View» has repeatedly told about the scientific and practical work of Yu. I. Skuratov. In this issue, new columns have appeared — «the scientific school of Professor Yuri Skuratov» and «dynasty in science». In the issue, in volume of 900 pages, materials of 73 authors are published, from them: 33 doctors of sciences, 23 candidates of sciences and 17 authors without a scientific degree. The issue number was published in five languages: Russian, English, Chinese, German and French. The article talks about the fruitful work of the scientific and practical journal «The Russian Criminological Outlook» and its relevance among legal scholars.

Keywords: law, jurisprudence, criminology, Russian criminological view.

СОДЕРЖАНИЕ

Хышиктуев О. В. Мой друг — генеральный прокурор.....	3
Скуратов Ю. И. Современная концепция социального государства в Российской Федерации (евразийский контекст).....	15
Лазутин Л. А. Международная безопасность и ответственность.....	28
Митин А. Н. Организационно-правовые аспекты развития и безопасности транспортной инфраструктуры государств евразийского пространства.....	35
Экштайн К. Международная защита от бесчеловечного государственного произвола.....	44
Амарсанаа Ж., Ванчигмаа М. Наследственное право.....	47
Босхолов С. С. Финансово-экономические аспекты противодействия коррупции.....	55
Дашков В. Г. Великая Яса Чингисхана в борьбе с преступностью в России.....	63
Сухбаатар М. Э. Парламент Монголии, отношения его с Конституционным судом и пути их улучшения.	67
Улзийсайхан Б. Конституционная концепция судебной администрации	75
Соктоев З. Б. Политическая воля в обеспечении качества уголовного закона	85
Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И. Юридическая природа условно-досрочного освобождения.	92
Науменко Е. Н., Маркеева А. А. Государственная защита потерпевших на всех стадиях уголовного процесса в уголовном законодательстве Российской Федерации: проблемы обеспечения и пути их решения	97
Хармаев Ю. В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ.....	103
Амагьров А. В. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в средневековой Монголии в период Юаньской империи..	108
Мадаев Е. О. Доктринальный подход к соотношению понятий: легальность и легитимность, правовые нормы и социальные нормы....	118
Азжаргал Т., Жүгнээ А. Проблемы конституционно-правовой ответственности в Монголии: теория и практика.....	126
Бадамцэцэг Д. Концепция и содержание Конституции Монголии о правах граждан на жизнь в здоровой и безопасной среде.....	135
Васильева Ж. А. История развития конституционных прав в России и Финляндии.....	143
Гатаулина О. А. Евразийский экономический союз как основа новой интеграции на континенте Евразия.....	149
Дорошко О.Е., Харченко А. П., Коржов В. В. Ограничение права на судебную защиту в контексте конституционной реформы Украины...	153
Зайцев И. А. Право на свободу совести и вероисповедания по законодательству России и некоторых стран Азии.....	163
Колмаков С. Ю. Свобода собраний в Соборном уложении 1649 г.....	168

Санжиева Е. А. Латиноамериканская модель федерализма и ее характерные черты.....	174
Шишмишиг Ж. Конституция Монголии 1992 г. и вопросы национальной безопасности.....	181
Гнеушева Т. Б. Конфликты в общеобразовательных учреждениях и их разрешение с использованием медиативных технологий.....	194
Доржиева С. В. К вопросу о немедленном отобрании ребенка у родителей.....	200
Карачевцев Я. Н. К вопросу об освобождении от уплаты судебных расходов в связи с тяжелым материальным положением	205
Ламбаев Ж. Т. Гражданско-правовые аспекты участия государства в хозяйственных обществах.....	212
Чмелева Т. А. О некоторых аспектах института представительства по законодательству России, Китая и Монголии.....	218
Латыпова К. С. К вопросу о типичных судебных ситуациях по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, связанных с наездами на пешеходов, и рекомендации государственному обвинителю по их разрешению.....	224
Митрофанова А. А. Некоторые проблемы взаимодействия следственных органов и комиссии Межгосударственного авиационного комитета при расследовании авиационных происшествий	233
Маркова Н. С. Гендерные различия подростковой преступности...	242
Мутасова М. А., Кокорев В. Г. Реализация принципа справедливости в контексте криминализации нарушения права на свободу совести и вероисповеданий.....	247
Вторушина Ю. С. Место статьи 264 прим. 1 УК РФ в системе уголовно-правовых норм с административной преюдицией	255
Раднаева Э. Л. Обзор 38-го номера научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд», посвященного Юрию Ильичу Скуратову.....	262

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ**
(к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста
Российской Федерации Юрия Ильича Скуратова)

*Материалы международной научно-практической конференции
(Улан-Удэ, 14 июня 2017 г.)*

Редактор Е. И. Борисова
Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой
Дизайн обложки М. Гармажаповой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 08.06.18. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 21,61. Уч.-изд. л. 18,09. Тираж 200. Заказ 113.
Цена договорная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а